

УСВ 25905

СОЧИНЕНІЯ

ДЖОНА РЁСКИНА.

СЕЛЬСКІЕ ЛИСТЬЯ

(FRONDES AGRESTES).

Отрывки изъ „Современныхъ живописцевъ“.

Сыплеть тебѣ лѣсъ сельскіе листья.

ПЕРЕВОДЪ

Л. П. Никифорова.

МОСКВА.

Изданіе В. Н. Линдъ и И. А. Баландина.

1902.

Дозволено цензурою. Москва, 26 октября 1901 г.

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU

2-267633:2

Типографія И. А. Баландина, 2-я Мѣщанская ул., Напрудный
пер., д. № 15.

Предисловіе.

Меня часто просили перепечатать въ болѣе легкой и доступной формѣ, чѣмъ въ существующихъ до сихъ поръ изданіяхъ, первую мою книгу, обратившую на себя вниманіе публики и до сихъ поръ пользующуюся ея особеннымъ расположеніемъ. Но я рѣшилъ никогда не издавать ее цѣликомъ, потому что нѣкоторыя ея части, благодаря установившейся славѣ Тернера, сдѣлались ненужными, другія же были всегда бесполезны своимъ восхваленіемъ того величія, которое публика никогда не старается оцѣнить должнымъ образомъ.

Но увидавъ, что одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, сохранившій и въ зрѣломъ возрастѣ живость и воспріимчивость свѣтлой юности, сдѣлалъ для своего удовольствія много выписокъ изъ „Современныхъ живописцевъ“, я нашелъ, что признаваемое полезнымъ для себя подобной личностью, пригодно также и для тѣхъ читателей, которымъ я хотѣлъ бы доставить удовольствіе и которые имѣли обыкновеніе въ раннихъ моихъ произведеніяхъ восхищаться иногда тѣмъ, на что я самъ никогда не обратилъ бы ихъ вниманія. Вслѣдствіе этого, я просилъ моего друга прибавить къ выбраннымъ ею отрывкамъ и другіе, которые, по ея мнѣнію, могутъ имѣть не мимолеетный интересъ для читателей. Выписки эти я издалъ, вполне подчиняясь ея мнѣнію и только привелъ ихъ въ порядокъ, болѣе соотвѣтствующій взаимной ихъ связи, прибавивъ тамъ и сямъ объяснительныя, а можетъ быть и смягчающія замѣтки въ тѣхъ случаяхъ, когда я уже не раздѣлялъ прежняго моего мнѣнія. Тотъ фактъ, что она сдѣлала мнѣ одолженіе и записала собственноручно всѣ мои слова, только увеличиваетъ въ моихъ глазахъ и, надѣюсь, въ глазахъ читателей, симпатичность этой ма-

ленькой книжки; и хотя я намѣреваюсь издать нѣкоторые научные и техническіе отдѣлы первоначальныхъ томовъ въ моемъ обширномъ изданіи, однако, прилагаемыя выписки, сдѣланныя моимъ другомъ среди невозмутимой тишины Конистонскихъ лѣсовъ—этого англійскаго Унтервальдена—несомнѣнно окажутъ своею общедоступностью такую услугу многимъ читателямъ, какую только можетъ оказать книга вообще въ дѣлѣ уясненія силъ природы, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и заступницей за ея, слишкомъ часто теперь пренебрегаемый и нарушаемый, миръ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Принципы искусства.

1. Совершенство вкуса есть способность получать возможно большее наслаждение отъ матеріальныхъ источниковъ, привлекательныхъ для нашей нравственной природы по ихъ чистотѣ и совершенству; но на вопросъ, почему одни формы и цвѣта доставляютъ намъ удовольствіе, а другіе нѣтъ, такъ же трудно отвѣтить, какъ и на вопросъ, почему мы любимъ сахаръ и не любимъ древесныхъ червей.

2. Терпѣніе есть характерная черта, вырабатывающая хорошій вкусъ. Оно пристально всматривается во все, съ чѣмъ встрѣчается. Оно ничего не топчетъ ногами, изъ опасенія затоптать жемчужину, даже если предметъ имѣетъ видъ скорлупы. Терпѣніе—хорошая почва, проникаемая и задерживающая. Она не порождаетъ шиповъ—дурныхъ мыслей, заглушающихъ слабое зерно; она сильно алчетъ, жаждетъ и поглощаетъ всю росу, падающую на нее. Это честное и доброе сердце; оно не торопится забиться, прежде чѣмъ солнце не взойдетъ, но и не ослабѣваетъ потомъ; оно не настолько довѣряетъ себѣ, чтобы всему вѣрить или все изслѣдовать; и однако же, оно такъ увѣрено въ себѣ, что не хочетъ ни бросать того, что изслѣдовало, ни принимать чего либо на слово. Радость же его, когда оно находитъ что-нибудь истинное и хорошее, такъ велика, что не можетъ быть заглушена ни уловками моды, ни тревогами тщеславія; оно не терпитъ стѣсненій въ своихъ заключеніяхъ ни отъ пристрастія, ни отъ лицемѣрія. Оно такъ сильно охватываетъ каждый любимый предметъ, что сдавлиываетъ его, какъ пустой.

3. Люди единодушно согласны, что все отрасли знанія, имѣющія своимъ предметомъ доставленіе матеріальныхъ удобствъ и относящіяся до матеріальныхъ нуждъ,—неблагородны, имѣющія же своей

задачей нашу духовную сторону—благородны; что для геологіи достойнѣ облекать въ плоть сухія кости и возстановлять отжившія существа, чѣмъ заниматься открытіями жилъ свинца и залежей желѣза; что астрономіи лучше открывать намъ небесныя обитатели, чѣмъ обучать насъ мореплаванію; что ботаникѣ лучше изучать структуру растеній, чѣмъ заниматься выдавливаніемъ соковъ; что хирургіи важнѣе изучать организацію, чѣмъ ампутацію членовъ. Только для нашего поощренія, каждый шагъ, слѣданный нами въ болѣе возвышенныхъ сферахъ знанія, ведетъ къ извѣстной практической выгодѣ, и всѣ великія явленія природы, знанія которыхъ вполне желаютъ ангелы и, отчасти, желаемъ мы, только яснѣе раскрываютъ намъ бытіе и славу Того, въ Комъ они блаженствуютъ, а мы живемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расточаютъ такое благотворное вліяніе и такое обиліе матеріальныхъ благъ, что наполняютъ чувствомъ отрады даже всѣ низшія существа, поскольку это чувство доступно несовершенству ихъ природы; могучіе потоки, въ своемъ веселіи наполняя холмы глухимъ шумомъ, а долины—свѣтлыми извилинами, должны также питать поля и носить на своихъ волнахъ корабли; яростное пламя, заставившее Альпы подняться на такую высоту и наполняющее вулканы ужасомъ, образуетъ жилы металловъ и пригрѣваетъ животворную весну; и для нашего поощренія—я не говорю въ „награду намъ“, потому что въ самомъ знаніи заключается уже награда—травы обладаютъ цѣлительными, камни драгоценными качествами, а звѣзды служатъ указателемъ времени.

4. Если бы Всемогущимъ*) предназначено было, чтобы всѣ высшія наслажденія зрѣнія были и наиболѣе трудно достижимыми,—такъ чтобы для полученія ихъ было бы необходимо заводить позолоченные дворцы, воздвигать башни на башняхъ, устраивать искусственныя горы вокругъ запущенныхъ озеръ,—то можетъ, быть, и существовало бы прямое противорѣчіе между безкорыстными обязанностями и врожденными стремленіями каждой личности. Но такого противорѣчія не существуетъ въ системѣ Божественнаго Провидѣнія. Оно предоставляетъ намъ, какъ существамъ, подверженнымъ испыта-

*) Читатель долженъ имѣть въ виду, что я, воспитанный въ евангелическихъ школахъ, предполагалъ въ двадцать четыре года, что вполне знакомъ съ вѣдѣніями Творца. Тѣмъ не менѣе, практическая сущность этого отрывка хороша, если только она доступна пониманію, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь.

нію, злоупотреблять этимъ чувствомъ, какъ и всякимъ другимъ, и извращать его эгоистическимъ и бессмысленнымъ тщеславіемъ, подобно тому, какъ мы извращаемъ вкусъ вредной їдой, пока аппетитъ ко всему вкусному не пресыщается до такой степени, что мы, подобно Калигулѣ, не способны находить удовольствія ни въ чемъ, если минутныя наши наслажденія не покупаются цѣною труда мільона жизней. Но, провидѣніе предоставляетъ намъ путями скромными, путями любви, стать воспріимчивыми къ глубокому восторгу, не разъединяющему насъ съ нашими братьями, не заставляющему насъ жертвовать нашими обязанностями или дѣлами, но тѣснѣе соединяющему насъ съ людьми и Богомъ, и гармонирующему съ каждымъ честнымъ дѣломъ и съ каждымъ неизмѣннымъ и вѣчнымъ стремленіемъ.

5. Великій идеалистъ никогда не можетъ быть эгоистомъ. Сила его всецѣло зависитъ отъ того, что онъ совсѣмъ не обращаетъ вниманія на себя и не интересуется собой, а становится простымъ свидѣтелемъ и зеркаломъ истины, отражая свои видѣнія. Онъ всегда простъ съ виду, не способенъ всего выразить и постоянно сѣтуетъ на то, что не можетъ вполне отразить и ясно выразить всего, что видитъ. Такое душевное состояніе исключаетъ всякую возможность гордости. Человѣкъ, лишенный изобрѣтательности, всегда старается все передѣлать *), перестроить весь міръ, чванясь, рисуясь, гордясь своими дѣлами и считая, что выше ихъ ничего быть не можетъ.

6. Поскольку воспитаніе дѣйствительно стремится развить тонкость чувствъ, вѣрность пониманія и сдѣлать людей способными предпочитать скромный цвѣтъ пестротѣ, нѣжную форму грубой и, вслѣдствіе продолжительнаго знакомства съ лучшими образцами, сразу отличать изящное отъ вульгарнаго — постолько пріобрѣтеніе вкуса есть благородная способность, и выраженіе „хорошій вкусъ“ является дѣйствительною похвалою. Но чувства, порождаемыя, такъ называемымъ, „либеральнымъ образованіемъ“, безусловно противны пониманію благороднаго искусства. Это высшее образованіе такъ стремится сѣзуть симпатіи, придать черствость сердцу, уменьшить интересъ къ прекрасному, какъ къ привычному, что все лучшее

---

*) Я самъ могу служить теперь комичною иллюстраціей высказанной здѣсь мысли. Въ моемъ мозгу нѣтъ ни капли изобрѣтательности, но я крайне рационаленъ и методиченъ и смѣло взялся бы перестроить весь міръ.

и самое свѣтлое едва можетъ нравиться и интересоваться; оно поощряетъ тщеславіе и ведетъ къ тому, что люди начинаютъ цѣнить вещи не по ихъ достоинству, а по степени ихъ пригодности для проявленія величія ихъ владѣльцевъ (такъ люди, напр., строятъ мраморные портики и дѣлаютъ мраморные полы не потому, что имъ нравится цвѣтъ мрамора или они находятъ его удобнымъ для ходьбы, а потому, что портики эти и полы дорого стоятъ и больше бросаются въ глаза, чѣмъ простые каменные или деревянные входы); оно заставляетъ людей предпочитать изящество одежды, манеръ и общаго вида внутреннему достоинству и сердечности, считая ловкое выраженіе выше правды, хорошо заученныя манеры лучше искреннихъ, нѣжное личико лучше выразительнаго, и, всюду и всегда, ставя обычай и подражаніе выше вѣчныхъ истинъ; наконецъ, оно развиваетъ какъ бы наслѣдственное чувство розни между классами и большее или меньшее пренебреженіе ко всѣмъ, не имѣющимъ общественнаго положенія, такъ что любовь, радость и горе простолюдина не вызываютъ никакого интереса сравнительно съ любовью и горемъ человѣка высокопоставленнаго. И поскольку повторяю, всѣ эти чувства развиваются, такъ называемымъ, „либеральнымъ воспитаніемъ“, послѣднее положительно вредитъ пониманію благороднаго искусства.

7. У человѣка, пріучившагося въ повседневной жизни находить серьезныя стороны во всемъ, что онъ видитъ и слышитъ, сила воображенія будетъ невольна и впоследствии вызоветъ въ умѣ тѣ же факты въ ихъ благороднѣйшихъ [сочетаніяхъ; а кто занимается пустяками и ложью, у того и въ мечтахъ будутъ рисоваться впоследствии ложь и пустяки *).

8. Всѣ историческія событія Библии ждутъ еще художниковъ, которые могли бы ихъ изобразить. Ни Моисей, ни Илья, ни Давидъ (исключая одного рисунка, гдѣ онъ изображенъ румянымъ юношей), ни Дебора, ни Исаія никогда не были изображены *). Можетъ ли читатель припомнить хотя бы одинъ примѣръ въ живописи,

*) Прекрасно. Немногіе имѣютъ понятіе о томъ, насколько направленіе ума важнѣе силы его упражненія. Почти всѣ стегаютъ своихъ коней, никогда не обращая вниманія на то, куда они ихъ гонятъ.

*) Въ то время, когда я писалъ эти строки, я ничего не зналъ о Луини, Филиппо Липпи и Савдро Ботичелли; я не способенъ былъ понять глубину

гдѣ былъ бы даже слабый намекъ на дѣла этихъ людей? Онъ можетъ припомнить сильныхъ людей въ доспѣхахъ или пожилыхъ, съ развѣвающимися бородами, которые, по справкѣ въ Луврскомъ каталогѣ, изображаютъ Давида или Моисея. Но если бы эти картины вызывали въ немъ хотя слабое представленіе объ этихъ людяхъ, то могъ ли бы онъ безъ чувства горечи и удивленія перейти къ слѣдующимъ картинамъ, несомнѣнно изображающимъ Діану и Актея, Купидона и Грацій или „Ссору изъ-за картъ въ питейномъ домѣ“? Вдумавшись въ это, онъ придетъ къ заключенію, что слова мои справедливы и что религіознаго искусства, полного и, въ то же время, искренняго, до сихъ поръ еще не существовало.

чувствъ даже тѣхъ людей, которыхъ я главнымъ образомъ изучалъ, а именно—Тинторетто и Фра Анджелико. Но британская публика не больше знакома съ великими флорентинцами, чѣмъ былъ я въ то время, такъ что все сказанное остается вѣрнымъ для нея.

ОТДѢЛЬ П.

Сила и назначеніе воображенія.

9. Въ чемъ истинное назначеніе воображенія, т.-е. силы, открывающей и постигающей умомъ то, чего мы не можемъ постичь чувствами? Первое и благороднѣйшее*) его назначеніе—сдѣлать доступными нашему взору вещи, о которыхъ повѣствуютъ, какъ объ относящихся къ будущему нашему состоянію или невидимо окружающихъ насъ въ этомъ мірѣ. Оно дано намъ, чтобы мы могли вообразить великое множество свидѣтелей на небѣ, на землѣ и на морѣ—все эти души праведниковъ, ожидающихъ насъ; чтобы мы могли постичь существованіе великаго воинства небесныхъ силъ и узнать среди нихъ тѣхъ, съ которыми намъ хотѣлось бы жить вѣчно; чтобы мы имѣли возможность ясно видѣть служеніе ангеловъ-хранителей и огненную колесницу на окружающихъ насъ горахъ, и, помимо всего этого, чтобы могли вызывать сцены и факты, въ которые намъ заповѣдано вѣрить, и представить себѣ, какъ бы воочію, все записанныя событія земной жизни Спасителя. Второе, болѣе обычное назначеніе воображенія состоитъ въ томъ, чтобы дать намъ возможность присутствовать при историческихъ событіяхъ, придавая фактамъ прежнюю ясность, такъ, чтобы они производили на насъ такое же впечатлѣніе, какое мы получили бы, являясь ихъ свидѣтелями; въ низшихъ же жизненныхъ явленіяхъ—одаряя насъ способностью извлекать изъ наличнаго блага возможно большую долю радости, окружая это благо счастливыми сочетаніями. Далѣе, воображеніе даетъ намъ возможность смягчать наличное зло, вы-

---

*) Я былъ бы радъ, если бы читатель, интересующійся поднятымъ здѣсь вопросомъ, для уясненія послѣдующаго положенія прочелъ отчетъ о „Раѣ“, Тинторетто, въ связи съ моей оксфордской лекціей о Микель-Анджело и Тинторетто, которую я издалъ отдѣльно, чтобы сдѣлать ее общедоступной.

зывая образы минувшихъ дней; оно призвано также облекать умственные истины въ видимые образы посредствомъ аллегорій, сравненій или олицетвореній, чтобы тѣмъ придавать имъ болѣе глубокое значеніе; и, наконецъ, когда умъ окончательно изнемогаетъ, оно должно освѣжить его невинными отрадами, наиболѣе гармонизирующими съ внушительныхъ голосомъ природы, допуская возможность живого товарищества, вмѣсто безмолвной красоты, и создавая себѣ фей и наядъ въ травѣ и водѣ.

10. Уважая, такимъ образомъ, силу и искусство воображенія, никто изъ насъ не долженъ, однако, презирать силу и искусство памяти.

Пусть читатель серьезно подумаетъ, чего бы онъ не далъ въ любой моментъ жизни, чтобы имѣть способность удерживать прекрасныя явленія, которыя такъ часто возникаютъ передъ нимъ только для того, чтобы мгновенно исчезнуть; чего бы онъ только не далъ, чтобы остановить переходящее облако, дрожащій листъ, тѣнь, въ моментъ ея перелива, колеблющуюся пѣну на рѣкѣ, чтобы увѣковѣчить рябь на озерѣ, унося съ собой впечатлѣніе не мрака или слабago солнечнаго освѣщенія (хотя и это прекрасно), а призракъ, но который долженъ казаться не призракомъ, а образомъ истинной и совершенной жизни. Или, вѣрнѣе, (потому что полное значеніе этой способности недостаточно этимъ очерчено) пусть читатель обратитъ вниманіе на то, что, въ дѣйствительности, это есть способность переноситься въ любую минуту на всякое мѣсто дѣйствія — великій даръ, какимъ могутъ обладать только безтѣлесные духи; пусть онъ не забываетъ также, что эта волшебная сила охватываетъ не только настоящее, но и прошлое и придаетъ намъ способность какъ бы присутствовать въ кругу людей, давно обратившихся въ прахъ, видѣть ихъ при жизни, только съ преимуществомъ, гораздо болѣе существеннымъ, чѣмъ какое даровано было товарищамъ этихъ переходящихъ дѣятелей, а именно: видѣть, какъ любой ихъ жестъ и выраженіе словно замираютъ по нашей волѣ и остаются, въ моментъ совершенія любого великаго дѣла, въ безсмертной неподвижности ихъ жгучаго рѣшенія. Вообразите, насколько возможно, подобную силу, и тогда скажите, можно ли легкомысленно отзыватья объ искусствѣ, которое намъ въ этомъ помогаетъ и не слѣдуетъ ли, напротивъ,

относиться къ нему съ благоговѣніемъ, какъ къ полубожественному дару, который поднимаетъ насъ до высоты ангеловъ и даруетъ намъ ихъ блаженство. *)

11. Я убѣжденъ, что истинное мѣрило великаго человѣка есть его смиреніе. Но подь словомъ „смиреніе“ я разумѣю не сомнѣніе въ своихъ силахъ и не робость въ выраженіи своего мнѣнія, а вѣрное пониманіе отношенія между тѣмъ, что можетъ сдѣлать или сказать такой человѣкъ и дѣлами и словами остального міра. Всѣ великіе люди не только знаютъ свое дѣло, но и сознаютъ, обыкновенно, что знаютъ его; они не только правы въ своихъ главныхъ взглядахъ, но и сознаютъ, обыкновенно, свою правоту; только въ силу этого, они не высокаго мнѣнія о себѣ. Арнольфо зналъ, что онъ можетъ построить прекрасный соборъ во Флоренціи; Альбертъ Дюреръ спокойно писалъ одному лицу, находившему ошибки въ его работѣ: „Это не можетъ быть сдѣлано лучше“; Исаакъ Ньютонъ зналъ, что онъ разрѣшилъ одну или двѣ задачи, которыя поставили бы втупикъ всякаго другого; но только они не претендовали, чтобы ихъ собратья или люди, вообще, падали бы за это передъ ними ницъ и поклонялись имъ. Они обладаютъ замѣчательнымъ чувствомъ безпомощности, которое подсказываетъ имъ, что величіе не *въ нихъ*, а *черезъ* нихъ, — что и дѣла ихъ, и сами они таковы только потому, что такими создалъ ихъ Богъ; они видятъ нѣчто божественное, видятъ твореніе Божіе во всякомъ человѣкѣ, встрѣчающемся съ ними, и преисполнены безконечной, безумной, невѣроятной снисходительностью.

12. Судя по моимъ наблюденіямъ, существуетъ неизмѣнный законъ, по которому самые великіе люди, будь то поэты или историки, живутъ всецѣло въ своей эпохѣ и изъ нея заимствуютъ величайшіе плоды своихъ трудовъ. Данте (рисуетъ Италію) тринадцатаго столѣтія; Чаусеръ—Англию четырнадцатаго; Макаціо—Флоренцію пятнадцатаго; Тинторетто — Венецію шестнадцатаго. Всѣ они, не смотря на анахронизмы и незначительныя ошибки, извлекали всегда живую истину изъ живого настоящаго. Если намъ возразятъ, что Шекспиръ писалъ превосходныя историческія трагедіи на сюжеты, заимствованные изъ предыду-

*) Это написано въ опроверженіе общаго мнѣнія, что „простое подражаніе“ природѣ легко и бесполезно.

щаго столѣтія, то я отвѣчу, что трагедіи его превосходны именно потому, что въ нихъ обращено вниманіе не на столѣтія, а на жизнь, которую всѣ люди признають человѣческой жизнью всѣхъ временъ, и это не потому, что Шекспиръ думалъ дать людямъ міровую истину, а потому, что изображая честно и правдиво окружающихъ людей, онъ изображалъ человѣческую натуру, которая настолько устойчива, что негодяи девятнадцатаго столѣтія, въ сущности такіе же, какими были въ пятнадцатомъ и будутъ въ двадцатомъ столѣтіи; человѣкъ, рыцарски честный, похожъ на такого же человѣка любой эпохи. Дѣло этихъ великихъ идеалистовъ всегда міровое, не потому, что они будто бы не даютъ точныхъ изображеній, а потому, что они именно даютъ точное изображеніе всей сущности души, одинаковой во всѣ времена; дѣло же заурядныхъ идеалистовъ не потому не міровое, что они даютъ портреты, а потому, что даютъ полупортреты, изображая внѣшнюю сторону человѣка, его манеры и одежду, а не душу. Такимъ образомъ, Тинторетто и Шекспиръ, оба изображаютъ просто сущность души современныхъ имъ венеціанцевъ и англичанъ, душу своихъ современниковъ и дѣлаютъ это для всѣхъ вѣковъ; относительно же какихъ либо усилій въ ихъ историческихъ работахъ уклониться въ частности, изобразить отѣнки мысли и обычаи прошлаго, то вы не найдете ничего подобнаго ни у нихъ, ни у другихъ, извѣстныхъ мнѣ, вполнѣ великихъ людей. **)

13. Весьма вѣроятно, что многіе читатели удивятся моему мнѣнію о Скоттѣ, какъ о великомъ умственномъ представителѣ литературы своего времени. Кто способенъ постичь проникательную глубину Вордсворга и изящно законченное, мелодичное дарованіе Теннисона, тотъ можетъ оскорбиться тѣмъ, что я ставлю выше незаботящуюся объ отдѣлкѣ и равнодушную къ приемѣ поэзію, въ которой Скоттъ изливалъ фантазіи своей юности; а люди, знакомые съ тонкимъ анализомъ французскихъ новелистовъ и, такъ или иначе, подчинившіеся вліянію нѣмецкой философіи, также

**) Какія специально египетскія черты характера встрѣтите вы, наприимѣръ, въ Клеопатрѣ?—авинскія въ Тезеѣ или Тимонѣ?—древне-англійскія въ Имогенѣ или Корделіи?—древне-шотландскія въ Макбетѣ?—или даже средневѣковыя итальянскія въ Петруччіо, Венеціанскомъ купцѣ или Дездемонѣ? Римскія трагедіи потому только и являются опредѣленно римскими, что сила Рима была вѣчной силой міра—силой чистой семейной жизни, поддерживаемой земледѣіемъ и охраняемой простымъ безстрашнымъ мужествомъ.

могутъ негодовать на то, что я отдаю преимущество Скотту передъ литературными силами Европы въ вѣкъ, гордящійся Бальзакомъ и Гёте *).

Но масса сентиментальной литературы, занятой анализомъ и описаніемъ ощущеній, съ поэзіей Байрона во главѣ, всегда стоитъ на гораздо низшей ступени, чѣмъ литература, просто описывающая видѣнное.

Истинный ясновидецъ чувствуетъ такъ же сильно, какъ и всякій другой, но онъ не особенно много описываетъ свои чувства. Онъ рассказываетъ, кого онъ встрѣчалъ и что говорили эти люди, представляя, на основаніи рассказаннаго, вамъ самимъ заключать, о томъ, что они чувствовали, что онъ чувствовалъ, и вдаваться въ мелкія подробности. Вообще говоря, патетическое описаніе и старательное объясненіе страсти не трудно сравнительно съ полнымъ отчетомъ о томъ, что люди говорятъ и дѣлаютъ или съ искуснымъ вымысломъ, правдиво изображающимъ слова и дѣла людей. Для того, чтобы сочинить рассказъ или вполне превосходно передать любую часть его, нужно охватить весь внутренній міръ каждаго дѣйствующаго въ немъ лица и знать, какое вліяніе оказываютъ на него обстоятельства жизни. Для этого требуются громадныя умственные способности; для того же, чтобы тонко описать отдѣльное ощущеніе, нужно только самому прочувствовать его. Тысячи людей способны испытать то или другое благородное чувство, и только одинъ изъ тысячи способенъ до тонкости понять всѣ чувства господина, сидящаго на другомъ концѣ стола. Поэтому даже и первоклассная сентиментальная литература, какъ, на примѣръ, произведенія Байрона, Теннисона и Китса не можетъ быть поставлена на одинаковую высоту съ творческой; и хотя совершенство и на узкомъ поприщѣ можетъ быть такъ же рѣдко, какъ и на широкомъ и, вѣроятно, пройдетъ не мало времени, прежде чѣмъ у насъ будетъ другое „In Memoriam“, также, какъ и другой

*) Я ничего не зналъ о Гёте, когда ставилъ его наряду съ Бальзакомъ; но невыносимое тупоуміе, наполняющее глубину „Вильгельма Мейстера“; и жестокая сдержанность, скрывающая отъ всѣхъ, даже отъ самыхъ вдумчивыхъ, читателей, смыслъ Фауста, былъ въ значительной степени причиной того, что произведенія эти имѣли дурное вліяніе на европейскую литературу; ну, а зло стоитъ всегда тутъ, за кулисами.

„Гей Мэннеринг“, однако я, не колеблясь, признаю неизмѣримо большее проявленіе таланта въ нѣсколькихъ изреченіяхъ Плейделя и Мэннеринга за ужиномъ, чѣмъ въ наиболѣе нѣжныхъ и страстныхъ мелодіяхъ самосозерцающаго стихотворца.

14. Фантазія рѣзвится, какъ бѣлка въ своей кругообразной тюрьмѣ, и счастлива; но воображеніе—странникъ на землѣ, и жилище его на небѣ. Лишите его простора небесныхъ горъ, отнимите отъ него возможность дышать ихъ мягкимъ воздухомъ, согрѣтымъ солнцемъ, и это будетъ все равно, что направить противъ него послѣднюю стрѣлу Башни Голода и дать ключъ для охраны свирѣпой волны, омывающей Капрею и Горгону. *)

15. Въ высшей поэзіи нѣтъ такого даже самаго обыкновеннаго слова, изъ котораго великій человѣкъ не могъ бы извлечь пользы или, вѣрнѣе, которое не доставило бы ему пользы и не отвѣчало бы извѣстной цѣли лучше всякаго другого. Обыкновенный человѣкъ затруднился бы, на примѣръ, назвать кого-нибудь щенкомъ, съ цѣлью высказать ему что-нибудь лестное. Есть извѣстная свѣжесть и сила въ этомъ выраженіи, придающія ему прелесть, но какъ-то неловко вначалѣ услышать его въ видѣ привѣта. Если же съ этимъ словомъ обращаются къ принцу, то неловкость, повидимому, увеличивается еще болѣе; далѣе, если этого принца предстоитъ въ одно и то-же время назвать щенкомъ и признать героемъ, то затруднительное положеніе простаго идеалиста можетъ достигнуть крайней степени. Но послушайте, что говорить Шекспиръ:

„Пробуди его воинственный духъ и духъ твоего великаго дяди, Эдварда, мрачнаго принца, разыгрывавшаго на поляхъ Франціи грозную трагедію, разбивая всю мощную силу французовъ; тогда какъ его отецъ, стоя на холмѣ, улыбался, любуясь, какъ его львиный щенокъ упивался кровью французскаго дворянства.“

16. Хотя въ любой восхитительной картинѣ природы есть значительная доля простой красоты, дѣйствующей исключительно на наше зрѣніе, однако, наибольшее впечатлѣніе часто производитъ на насъ самая ничтожная частица этой видимой красоты. Красота эта можетъ

---

*) Я оставляю это мѣсто, такъ какъ оно выбрано моимъ другомъ, но оно непонятно безъ связи съ цѣлымъ, изъ котораго видно, насколько всѣ ощущенія, описанныя въ предыдущемъ параграфѣ этого отдѣла, основаны на довѣрїи къ благодати и къ закону Всемогущаго Духа.

состоять, напрімѣръ, въ прекрасныхъ цвѣтахъ, сверкающихъ ручейкахъ, синевѣ неба или въ бѣлыхъ облакахъ; и, однако, предметомъ, производящимъ на насъ наибольшее впечатлѣніе и который намъ было бы такъ грустно утратить, можетъ служить ничтожное тонкое сѣрое облачко на краю горизонта, которое, по величинѣ пространства, занимаемаго имъ на сценѣ, не больше клочка паутины на ближайшемъ кустарникѣ и нисколько не красивѣе ея; но такъ какъ извѣстно, что паутина есть маленькая частица издѣлія паука, а та сѣрая полоска обозначаетъ гору въ десять тысячъ футовъ вышины, населенную благороднымъ племенемъ горцевъ, то видъ послѣдней и производитъ на насъ такое величественное впечатлѣніе, хотя мысли и знанія, содѣйствующія этому впечатлѣнію, такъ неясны, что мы даже не сознаемъ ихъ.

17. Разсмотрите сущность вашихъ собственныхъ ощущеній (если они у васъ есть) при видѣ Альпъ, и вы найдете, что вся живость этого ощущенія, какъ росинка на паутинѣ, покоится на изящной ткани тонкой фантазіи и несовершеннаго знанія. Сначала у васъ является смутное представленіе о ихъ величинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивленіе работъ великаго Строителя ихъ стѣнъ и основанія; затѣмъ, у васъ возникаетъ мысль о ихъ вѣчности, патетическое чувство объ ихъ постоянствѣ, тогда какъ ваша жизнь такъ кратковременна, какъ и жизнь былиннокъ, растущихъ на ея откосахъ; затѣмъ, грустное чувство страннаго соотваршества съ исчезнувшими поколѣніями, видѣвшими то же, что и вы. Они не видали, правда, ни облаковъ, плывущихъ надъ вашими головами, ни стѣнъ хижины по ту сторону поля, ни дороги, по которой вы пришли, но эти Альпы они видѣли. Гранитная стѣна, теряющаяся въ облакахъ, была такой же и для нихъ, какъ и для васъ. Они уже не любятъ ея; скоро перестанете и вы любить ея, но гранитная стѣна будетъ, попрежнему, красоваться для другихъ. Потомъ, въ связи съ этими, болѣе величественными представленіями, мысль сосредоточивается на дарахъ и славѣ Альпъ— на фантастическомъ стремленіи всѣхъ потоковъ, изливающихся съ ихъ каменныхъ стѣнъ, на большихъ рѣкахъ, берущихъ началъ въ ихъ льдахъ, на веселыхъ долинахъ, извилюющихся среди ихъ ложбинъ, на шалѣ, сверкающихъ среди ихъ облаковъ, на счастливыхъ фермахъ, раскинутыхъ среди ихъ пастбищъ; и рядомъ съ этими мыслями возникаетъ удивительная симпатія ко всему неизвѣстному

въ человѣческой жизни, и къ счастью, и къ смерти, симпатія, пробуждаемая видомъ этой узенькой, бѣлой, блестящей полоски вѣчнаго снѣга, рисующейя вдали на утреннемъ небѣ. Эти образы и многіе другіе кроются въ основѣ того ощущенія, которое вы испытываете при видѣ Альпъ. Вы не можете запечатлѣть ихъ въ вашемъ сердцѣ, какъ и многое другое, хорошее и дурное, но они, однако, волнуютъ и оживляютъ васъ. Безспорно, что вы чувствуете сильнѣе при видѣ снѣжныхъ вершинъ, чѣмъ при видѣ другого какого-нибудь серебристо-сѣраго предмета, только въ силу зависимости отъ того рода образовъ, которые при этомъ пробуждаются въ васъ, а это, замѣтите, только большее воспріятіе фактической стороны предмета. Мы называемъ эту силу „Воображеніемъ“, потому, что она рисуетъ или постигаетъ; но благородной силой мы можемъ назвать ее только въ томъ случаѣ, когда она представляетъ себѣ или постигаетъ истину, и соотвѣтственно степени обладаемаго знанія и чувствительности по отношенію къ патетическому или трогательному характеру познаваемыхъ фактовъ будетъ и степень этого воображаемаго наслажденія.

18. Человѣческому сердцу такъ естественно сосредоточиваться больше на надеждѣ, чѣмъ на наличномъ обладаніи, а очарованіе, которое воображеніе придаетъ предметамъ, противорѣчащимъ дѣйствительности, такъ тонко, что часто въ явленіяхъ, рисующихся вдали, заключается больше прелести, чѣмъ они имѣютъ въ дѣйствительности, и больше притягательной силы, чѣмъ въ явленіяхъ, расточающихъ сокровища и силы природы въ несокрушимомъ чудномъ великолѣпнн и ничего не оставляющихъ для работы фантазіи. Я не знаю области въ мірѣ, которая была бы болѣе пригодна для иллюстраціи этой чарующей силы воображенія, чѣмъ мѣстность, окружающая городъ Фрибургъ въ Швейцаріи и разстилающаяся отъ него вплоть до Берна. Эта песчаная возвышенность не представляетъ никакого живого интереса для путешественника, такъ что при бѣгломъ взглядѣ на нее, во время быстрого переѣзда отъ бернскихъ Альпъ до Савойи, въ большинствѣ случаевъ чувствуется только утомленіе, тѣмъ болѣе неприятное, что оно сопровождается реакціей послѣ сильнаго возбужденія, вызваннаго блескомъ и роскошью бернскаго Оберланда. Путешественникъ, съ разбитыми ногами, лихорадочнымъ ознобомъ, пресыщенный ви-

домъ глетчеровъ и пропастей, забивается въ уголь дилижанса и развѣ замѣчаетъ только одно, что дорога извилиста и холмиста, а страна, по которой они проѣзжаютъ, воздѣлана и уныла. Но пусть онъ, чтобы воздать долгъ справедливости этой унылой странѣ, пробудетъ въ ней нѣсколько дней, пока духъ его окрѣпнетъ, пусть сдѣлаетъ одно или два основательныхъ путешествія по ея полямъ, и мнѣніе его о ней измѣнится. Эта, какъ я сказалъ, волнистая область сѣраго песку, нигдѣ не достигаетъ значительной высоты, но достаточно гористая, чтобы постепенно образовывать рѣзкія смѣны откосовъ и долинъ; а возвышается она надъ уровнемъ моря ровно настолько, чтобы дать возможность соснѣ произрастать въ изобилии по ея причудливымъ кряжамъ. Черезъ эту возвышенную мѣстность рѣка прокладываетъ себѣ путь къ оврагу въ пятьсотъ или шестьсотъ футовъ глубины и извивается на протяженіи трехъ миль среди прелестныхъ холмовъ, не задерживаясь, пока не достигнетъ конца; и тогда, внезапно, сквозь вѣтви сосенъ, глазъ замѣчаетъ внизу зеленый скользящій потокъ и широкія стѣны песчанаго холма, составляющія его берега; тамъ же, гдѣ рѣка при своемъ поворотѣ примыкаетъ къ нему, образуется опасный выступъ; на противоположномъ берегу, въ томъ же мѣстѣ, между утесомъ и водой остается небольшая полоска луга, наполовину поросшая густымъ кустарникомъ, пустынная въ своей красотѣ, недоступная взгляду, бросаемому сверху, и изрѣдка посѣщаемая любопытными путешественниками, которымъ приходится пробираться по едва замѣтной тропинкѣ, отстаивающей внизу скаль свое существованіе. Рѣка тутъ струится, волнуется и журчитъ въ полномъ уединеніи. Она протекаетъ по густо населенной странѣ, но никогда еще ни одинъ потокъ не былъ такъ одинокъ. Самые ничтожные и самые отдаленные источники, протекающіе среди высокихъ холмовъ, имѣютъ сотоварищей: возлѣ нихъ пасутся козы, путники пьютъ изъ нихъ воду и переходятъ черезъ нихъ вбродъ, опираясь на свой посохъ, а крестьяне проводятъ отъ нихъ каналы къ своимъ мелничнымъ колесамъ. Но этотъ потокъ не имѣетъ товарищей, — онъ течетъ въ полномъ уединеніи, не тайно и грозно, а открыто, подъ мягкими лучами солнца, на широкомъ просторѣ спокойнаго, глубокаго безлюдья, томясь въ отчужденіи отъ труда и жизни людей; его волны смиренно плещутся и некому слушать ихъ; дикія

птицы вьютъ среди вѣтвей свои гнѣзда, и никто не спугиваетъ ихъ; мягкая душистая трава появляется, растетъ и увядаетъ здѣсь, и некому ее рвать; и все это среди блеска, при свободномъ доступѣ солнечныхъ лучей и чистаго дождя. Но за вершинами этихъ круглыхъ утесовъ все сразу измѣняется. Стоитъ только сдѣлать нѣсколько шаговъ по ту сторону сосенъ, распростершихъ въ воздухѣ свои изогнутыя сильныя вѣтви, подобно извилинамъ молніи, и мы очутимся въ роскошной странѣ, пригодной для культуры. Ряды ея зерновыхъ хлѣбовъ блестятъ и желтѣютъ на поляхъ; красивые поселки оживлены плодоносными фруктовыми садами, цвѣтниками, амбарами и гумнами съ покатыми крышами; хорошо поддерживаемыя дороги, твердыя, напоминающія дорожки парковъ, поднимаются и опускаются со ската на скатъ, то исчезая во мглѣ и въ кустарникахъ дикой малины и шиповника, то просвѣчивая сквозь ряды высокихъ деревьевъ, представляющихъ изъ себя полупросѣки, полуаллеи, или прямо пролегая, или безпрепятственно поворачивая въ сторону—въ садъ какого-нибудь господскаго дома, полного деревенскаго великолѣпія, съ блестящими ульями, рѣзными амбарами и живописно разбросанными дачами, обнесенными рѣшетками и шпалерникомъ. Эти домики веселятъ взоръ своей нѣжной и, въ то же время, отчасти грубой простотой. Они не похожи на наши англійскія постройки — тщательно отдѣланныя, до щепетильности чинныя и безукоризненно комфортабельныя—нѣтъ, въ нихъ сказывается особая небрежность и широта во всѣхъ частностяхъ, гармонирующія съ вполне своеобразной привлекательностью этой страны, отличающейся неукротимой силой даже въ такой, вполне спокойной и обитаемой мѣстности. На ней, дѣйствительно, золотятся зерновые хлѣба и благоухаетъ густая трава, но они не поддаются косѣ и не являются плодомъ культуры. Нѣтъ, почва здѣсь даетъ все по своему произволу; у ней, повидимому, ничто не вырвано насильно, ничто не добыто путемъ побѣды. Ничто не измѣняетъ ея пустынности и не сдерживаетъ ея плодородія — благодатная страна, блистающая причудливымъ изобиліемъ и ликующая, благодаря благотворному и дикому плодородію своихъ долинъ. Но въ самомъ сердцѣ ея мы находимъ примѣсь суровости: на всѣхъ ея кряжахъ возвышаются темныя массы безчисленнаго множества со-

сень, не принимающихъ участія въ ея веселіи *). Онѣ укоренились здѣсь навсегда, какъ представители постоянного мрака, сквозь который не въ силахъ пробиться и котораго не можетъ разсѣять даже самый яркій солнечный день. Падающіе клочья и частицы ночи задерживаются въ ихъ величественныхъ рядахъ, среди розоватыхъ изгибовъ вѣтвей плодовыхъ садовъ и золотистаго блеска жнивья, и обрисовываются черной неподвижной бахромой на лазури горизонта съ его священной чистотой.

А между тѣмъ, сосны не портятъ пейзажа и, какъ будто, находятся здѣсь, главнымъ образомъ, для того, чтобы ярче обрисовать блескъ всего, ихъ окружающаго. Всѣ облака принимаютъ серебристый цвѣтъ, и весь воздухъ какъ будто наполняется болѣе свѣтлымъ и оживленнымъ солнечнымъ сіяніемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ пронизываютъ острые иглы сосенъ; зелень пастбищъ становится ярче тамъ, гдѣ она пролегаетъ между пурпуровыми стволами; и благовоныя полевые тропинки, ради тѣни, протоптанныя по окраинѣ лѣса, извиваются, то поднимаясь, то опускаясь около гладкихъ корней, и по временамъ совсѣмъ исчезая между фіалками и плющикомъ, подъ тѣнью иглистой листвы, наконецъ, погружаются какъ бы въ открытый придѣлъ, гдѣ просвѣтъ сквозь отдаленные стволы показываетъ, что имъ есть возможность выбраться съ другой стороны; и дѣйствительно, вскорѣ тропинки выходятъ изъ благоухающаго мрака на ослѣпительный свѣтъ, озаряющій чудный ландшафтъ, который замѣняется все новыми причудами въ видѣ рощицъ и садовъ, пока не появляются, наконецъ, скалистыя Симентальскія горы, съ своими острыми вершинами на фонѣ южныхъ облаковъ.

19*). Хотя существуетъ очень мало областей въ Сѣверной Европѣ, которыя при всей ить мрачности и унылости; не могли бы доставить мнѣ удовольствія, хотя весь сѣверъ Франціи (исключо-

---

*) Почти единственное удовольствіе, полученное мною лично отъ перечитыванія моихъ старыхъ сочиненій, состоитъ въ томъ, что я, во всякомъ случаѣ, отдалъ въ нихъ дань справедливости соснѣ (Сравни 47-й отрывокъ этой же книги).

*) Этотъ параграфъ и слѣдующій не имѣютъ никакого отношенія къ главнымъ положеніямъ книги, а касаются только моего личнаго свойства. Я былъ очень удивленъ, когда замѣтилъ въ первый разъ, до какой степени индивидуально было заявленіе живописцевъ пре-рафаэлитовъ, что кусокъ гнилого болота, поросшаго тростникомъ, прекраснѣе Venneue.

чая Шампани), очень скучный на взгляд большинства путешественниковъ, представляется мнѣ настоящимъ раемъ; хотя, исключая Линкольншира, Лейчестершира и одной или двухъ подобныхъ же, вполне плоскихъ областей, не найдется во всей Англии ни одного графства, проселки котораго я не находилъ бы удовольствіе изслѣдовать шагъ за шагомъ, — тѣмъ не менѣе высшее наслажденіе доставляютъ мнѣ воспоминанія о холмахъ, придающихъ своеобразную окраску каждому камешку и каждой травинкѣ низинъ.

Прелестные французскіе холмы, зеленые при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, восхищаютъ меня или ихъ дѣйствительнымъ горнымъ характеромъ (такъ какъ на протяженіи послѣдовательнаго ряда мысовъ, бока французскихъ долинъ достигаютъ величія настоящихъ горныхъ мѣстностей) или неровностью почвы и рѣзкими выступами среди виноградныхъ лозъ, листва которыхъ высоко тянется къ голубому небу, какъ мы это видимъ, напр., въ Веве и Калэ. Нѣтъ той волны на Сенѣ, которая бы не вызвала въ моемъ умѣ представленія о первыхъ подъемахъ песчаника и о сосновыхъ лѣсахъ Фонтенебло и не наполняла душу надеждой увидать Альпы, если покидаешь Парижъ и направляешься на юго-востокъ, при утреннемъ солнцѣ, сверкающемъ на свѣтлыхъ волнахъ Шарантона. Не будь этой надежды и такой ассоціаціи идей, не обманывай я себя мечтой о томъ, что, можетъ быть, при слѣдующемъ подъемѣ дороги покажется облачко голубого холма на свѣтломъ фонѣ горизонта, пейзажъ, какъ бы онъ не былъ прекрасенъ, все же производилъ бы на меня родъ болѣзненнаго и удручающаго впечатлѣнія. Весь видъ съ Ричмондскаго холма и Виндзорской терассы, — и нѣтъ, всѣ сады Алкиноя съ ихъ непрерывнымъ лѣтомъ или сады Гесперидъ (если бы они были плоски и не прилегали къ Атласу) съ ихъ золотистыми яблоками, я, не колеблясь, отдалъ бы за одинъ поросшій мхомъ камень въ футъ шириною и за два листа папортника.

20. Не могу найти подходящихъ словъ для выраженія того удовольствія, какое я испытывалъ всегда, когда, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Англии, я добирался до подножія старой башни церкви Калэ.

Ея глубокая небрежность и благородная невзрачность; ея ясно выраженная исторія, прожитыхъ ею лѣтъ, чуждая однако признаковъ слабости или упадка; ея заустѣніе и суровая мрачность, какъ печать, наложенная дующими съ канала вѣтрами и горькими мор-

скими травами, которыми она поросла; ея графитъ и черепицы, распатанные и покрытые трещинами; ея кирпичное зданіе со множествомъ болтовъ, скважинъ и безобразныхъ трещинъ, но все еще крѣпкое, какъ обнаженная темная скала; ея равнодушіе къ мнѣнію и чувствамъ о ней другихъ,—все это не предъявляетъ никакихъ требованій, не обладаетъ ни красотой, ни привлекательностью, ни гордостью, ни изяществомъ, но и не напрашивается на состраданіе. Это не какая-нибудь бесполезная и жалкая развалина, слабая или безразсудно болтающая о лучшихъ дняхъ,—нѣтъ, это руина все еще полезная, выполняющая свой ежедневный трудъ, какъ старый рыбакъ, разбитый и посѣдѣвшій среди бурь, который, изо-дня въ день, продолжаетъ забрасывать и тянуть свою сѣть. Такъ стоитъ она, не скорбя о своей прошедшей юности, бѣлая, худая и массивная, и собираетъ подъ свой кровъ человѣческія души. Звукъ ея колоколовъ, созывающихъ на молитву, все еще раздается съ нея; и сѣрый шпигъ ея далеко виднѣется съ моря, главный изъ трехъ, возвышающихся надъ пустыннымъ берегомъ, холмистымъ и песчанымъ, о который разбивается прибой волнъ. Одинъ изъ нихъ, шпигъ маяка—для жизни, другой, каланчи—для труда, а этотъ—для терпѣнія и прославленія.

Я не могу и на половину выразить ни того страннаго удовольствія, которое я испытываю при видѣ этой старой башни, ни тѣхъ мыслей, какія она во мнѣ вызываетъ, являясь, въ нѣкоторомъ родѣ, краткимъ резюме всего, что придаетъ интересъ континенту Европы, въ противоположность новымъ странамъ; и, главнымъ образомъ, вполне выражая ту старость среди дѣятельной жизни, которая гармонически связываетъ прошедшее съ настоящимъ. У насъ, въ Англии, есть новыя улицы, новыя гостиницы, зеленыя подстриженные лужайки и возвышающіяся среди нихъ развалины—простые образчики среднихъ вѣковъ, выставляемые какъ бы на показъ на кускахъ бархата, которые, если бы не ихъ размѣры, съ удобствомъ можно было бы помѣстить подъ колпаками, на полкахъ музея. Но на континентѣ сохранились и не порваны звенья, соединяющія прошлое съ настоящимъ, и въ виду той пользы, какую могутъ оказывать эти сѣдья развалины, имъ предоставлено стоять наряду съ молодыми и, такимъ образомъ, сохранившіяся зданія непрерывающеюся цѣлью поколѣній слѣдуютъ другъ за другомъ, занимая мѣсто, подобающее каждому изъ нихъ. Такъ и эта башня

Калѣ, съ ея величіемъ, съ явными слѣдами допускаемаго постепеннаго упадка, съ ея бѣдностью и отсутствіемъ всякихъ претензій, всего показнаго и всякой заботы о внѣшнемъ блескѣ, заключаетъ въ себѣ глубокое и безпредѣльное символическое значеніе, тѣмъ болѣе поражающее васъ, что представляетъ рѣзкій контрастъ съ англійскими сценами, полными противоположныхъ чувствъ *).

---

*) Мой другъ не хочетъ выписывать противоположныхъ мѣстъ изъ книги, желая, повидимому, составить чистѣйшее желе, безъ всякой примѣси. Ну что-жъ, я очень благодаренъ, что она любитъ желе и могу, во всякомъ случаѣ, быть увѣренъ, что оно выйдетъ у нея хорошо.

ОТДѢЛЪ Ш.

Небо.

21. Удивительно, какъ мало, вообще, люди знаютъ о небѣ. Въ этой части мірозданія, природа, болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, служитъ для нихъ обильнымъ источникомъ наслажденій, бесѣдъ и поученій, а между тѣмъ, къ ней-то именно мы и относимся съ наименьшимъ вниманіемъ. Въ мірѣ немного другихъ твореній, въ которыхъ всѣ стороны ихъ организаціи не столько удовлетворяли бы матеріальнымъ и будничнымъ цѣлямъ, сколько доставляли бы простое удовольствіе; все матеріальное назначеніе неба можетъ быть вполне выполнено имъ, насколько намъ извѣстно, если его синева приблизительно черезъ каждые три дня, покрывается суровыми, мрачными, дождевыми тучами, которыя, смочивъ хорошенько землю, снова на время исчезаютъ, оставивъ за собой только утреннее облачко и вечерній туманъ для росы. А между тѣмъ, природа въ любой моментъ нашей жизни производитъ явленіе за явленіемъ, картину за картиной, великолѣпіе за великолѣпіемъ и, спокойно вырабатывая изысканные и постоянные принципы наиболѣе совершенной красоты, несомнѣнно **) все это дѣлаетъ для насъ, съ цѣлью доставить намъ рядъ непрерывныхъ удовольствій. И каждый человѣкъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, какъ бы онъ ни былъ далекъ отъ другихъ источниковъ красоты и прелести, имѣетъ этотъ даръ всегда передъ собою. Прекраснѣйшія мѣстности на землѣ могутъ быть доступны и зна-

---

**) Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ я въ двадцать четыре года. Въ двадцать почти лѣтъ я находилъ, что есть и другія существа въ мірѣ, находящія удовольствіе или неудовольствіе въ извѣстномъ состояніи непогоды.

комы немногимъ; человѣку не предназначено жить постоянно среди нихъ; онѣ вредны тѣмъ, что человѣкъ перестаетъ наслаждаться ими, имѣя ихъ всегда передъ глазами; но небо создано для всѣхъ: какъ оно ни блестяще, -- человѣческая природа не пресыщается, наслаждаясь ежедневно его блескомъ и красотой. Всѣ его явленія—какъ бы приспособлены для непрерывнаго услажденія и возбужденія сердца, для очищенія его отъ всякаго сора и пыли. То спокойное, то капризное, то страшное,—оно и двухъ минутъ сряду не бываетъ однимъ и тѣмъ же. Почти человѣчное въ своихъ страстяхъ, почти разумное въ своей кротости, почти божественное въ своей безпредѣльности, оно такъ же явно обращается къ тому, что въ насъ есть безсмертнаго, какъ и выражаетъ свое вмѣшательство въ наказаніи и благословеніи того, что въ насъ есть смертнаго. И, однакожь, мы никогда не внемлемъ ему, не всматриваемся, не вдумываемся и обращаемъ исключительно вниманіе на его воздѣйствіе на наши животныя чувства. Мы глядимъ на все, съ чѣмъ оно больше обращается къ намъ, нежели къ животнымъ, на все, на чемъ печать воли Всевышняго, свидѣтельствующая, что намъ назначено получить больше отъ небеснаго свода, окутаннаго облаками, чѣмъ отъ свѣта и росы, которые мы раздѣляемъ съ плевелами и червями; мы глядимъ на все это, какъ на рядъ незначительныхъ, однообразныхъ случайностей, слишкомъ обыкновенныхъ и ничтожныхъ, чтобы заставить насъ задуматься и отдаться чувству восторга. Когда же, въ минуты полной праздности и безсмысленности, мы заводимъ рѣчь о небѣ, какъ о послѣднемъ предметѣ для разговора, то о какихъ его явленіяхъ мы говоримъ? Одни говорятъ—что было мокро, другіе—что было вѣтрено, третьи—что было тепло. Кто изъ всей болтливой толпы можетъ передать что-нибудь о формахъ и пропастяхъ той цѣпи высокихъ бѣлыхъ горъ, которая опоясывала вчера горизонтъ въ полдень? Кто видѣлъ узкій лучъ солнца, пробившійся съ юга и ударявшій о ихъ вершины, пока онѣ не растаяли и не превратились въ пыль голубого дождя? Кто видѣлъ пляску блѣдныхъ облаковъ, когда солнце покинуло ихъ прошлую ночью, и западный вѣтеръ гналъ ихъ передъ собой, какъ сухіе листья? Все это промелькнуло незамѣченное, и мы не чувствуемъ объ этомъ сожалѣнія; если же когда-нибудь мы и перестаемъ относиться апатично хоть на минуту, то въ силу чего-нибудь грандіознаго или необычайнаго. А между тѣмъ, не въ могучихъ и грозныхъ

явленіяхъ стихійныхъ силъ, не въ стукѣ града, не въ порывахъ вихря сказываются возвышеннѣйшія свойства великаго. Богъ проявляется не въ землетрясеніи, не въ огнѣ, а въ тихомъ, спокойномъ голосѣ. Только грубыя и низкія свойства нашей природы могутъ быть задѣты копотью и молніей. Въ спокойныхъ и сдержанныхъ проявленіяхъ ненавязчиваго величія—глубина, тишина и постоянство; то, чего нужно искать, прежде чѣмъ оно станетъ видимо, и любить, прежде чѣмъ станетъ понято, то, что творятъ для насъ и безконечно разнообразятъ ежедневно ангелы; то, что можно находить всегда, и находить сразу, — это и научаеъ насъ, главнымъ образомъ, благочестію и благословенію, даруемому красотой.

22. Мы, обыкновенно, думаемъ, что дождевое облако темно и сѣро, не подозрѣвая, что ему мы, можетъ быть, обязаны самыми красивыми, если не самыми ослѣпительными оттѣнками неба. У насъ, въ Англии, часто на зарѣ дождевыя облака образуютъ нѣжныя ровныя пространства, незамѣтно сливающіяся съ синевой, или на небольшомъ протяженіи собираются въ ясныя полосы, перекрещивающія ряды болѣе широкихъ тучъ, и все это купается въ невыразимомъ блескѣ розоваго, пурпуроваго, янтарнаго и голубого чистаго цвѣта, полного прелести, не яркаго, а матоваго и мягкаго. Если взглянуть въ эти массы полосъ попристальнѣе, то окажется, что онѣ состоятъ изъ пучковъ или косъ, подобныхъ сырцовому шелку, причеъ каждый пучеъ состоитъ какъ бы изъ ряда сноповъ свѣтлаго дождя.

23. Водяной паръ или туманъ, насыщающій атмосферу, становится видимымъ точно такъ же, какъ комнатная пыль. Въ тѣни вы не только не можете видѣть самой пыли, потому что она не освѣщена, но вы даже можете видѣть сквозь пыль другіе предметы, и она не затемняетъ ихъ; такимъ образомъ, воздухъ становится, дѣйствительно, прозрачнѣе при отсутствіи свѣта. Тамъ же, куда проникаетъ солнечный лучъ, каждая пылинка дѣлается видимой, и ко-сой лучъ этотъ является настоящимъ препятствіемъ для зрѣнія, такъ что сквозь него нельзя ясно различать предметы. Точно также вездѣ, гдѣ пары освѣщены косыми лучами, они становятся видимыми, какъ бѣлизна, болѣе или менѣе вредящая чистотѣ синевы и уничтожающая ее пропорціонально степени освѣщенія. Но гдѣ паръ въ тѣни, тамъ онъ слабо отражается на небѣ, которое только слегка кажется отъ этого глубже и сѣроватѣе, чѣмъ было бы при другихъ

обстоятельствахъ. Самъ же паръ, если только онъ не очень густъ, незамѣтенъ и нечувствителенъ.

24. Имѣеть ли читатель ясное представление о томъ, что такое облака?

*) Тотъ бѣлый туманъ, который утромъ такъ ровно и мягко стелется по долинѣ, сквозь который верхушки деревьевъ выступаютъ, какъ при наводненіи—почему онъ такъ тяжелъ, почему, спрашивается, ложится онъ такъ низко, если онъ такъ нѣженъ и слабъ, что стоитъ лишь солнцу посіять надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и онъ растаетъ безслѣдно въ роскоши лучезарнаго утра? А эти колоссальныя пирамиды, огромныя и плотныя, съ контурами скаль, способныя вынести на своихъ огненныхъ бокахъ удары высокостоящаго солнца, — почему онъ до того легки, что основаніе ихъ носятся надъ нашими головами и высоко парятъ надъ вершинами Альпъ? Почему эти облака таятъ не при восходѣ солнца, а при заходѣ, не препятствуя блеску сумеречныхъ звѣздъ, въ то время, какъ туманъ долинъ снова саваномъ окутываетъ землю? Или вотъ эта тѣнь облака, прокрадывающаяся вдоль группы сосенъ; нѣтъ, она, не только прокрадывается, а преслѣдуетъ и обвиваетъ ихъ, тихо и медленно. Вотъ она спадаетъ прекрасной волнистой полосой, какъ женская вуаль, то блѣднѣя, то совсѣмъ исчезая; мы на нѣсколько мгновеній отводимъ отъ нея свои взоры, затѣмъ оглядываемся назадъ, а она снова тамъ. Что ей за дѣло до этой группы сосенъ, вокругъ которыхъ она увивается и въ вѣтвяхъ которыхъ волнуется, колыхаясь взадъ и впередъ? Не спрятала ли она облачнаго сокровища во мху, у ихъ корней, и не стережетъ ли она его такимъ образомъ? Или, можетъ быть, какой-нибудь могучій чародѣй превратилъ ее въ влюбленнаго оборотня или крѣпко привязалъ къ этой преградѣ изъ вѣтвей? А вонъ тотъ облачный полумѣсяцъ, изогнутый, какъ лукъ стрѣлка надъ снѣжной вершиной, высочайшей изъ всѣхъ горъ, — бѣлая дуга, образующаяся только надъ высочайшимъ гребнемъ, — почему стоитъ она здѣсь, какъ отраженіе снѣга, нигдѣ не касаясь его, — такъ что ясное небо видно между нимъ и краемъ горы, — но и никогда не отступая отъ него, вися надъ нимъ, какъ бѣлая птица, парящая надъ своимъ гнѣздомъ? Или

---

*) Эта выписка изъ пятого тома и заслуживаетъ большаго вниманія.

эти грозныя облака, собирающіяся на горизонтѣ, эти драконы съ огненными языками,—кто управляетъ ихъ открытыми батареями? Что пожираютъ они своимъ, наполненнымъ парами, ртомъ, выбрасывая ключья темной пѣны? Союзные левіофаны небеснаго моря, изъ ноздрей которыхъ исходить паръ, очи которыхъ словно вѣки дениць, и противъ копей, стрѣлъ и панцырей которыхъ безсиленъ каждый, обнажающій на нихъ свой мечъ. Гдѣ носятся полководцы ихъ армій? Гдѣ положенъ предѣлъ ихъ шествію? Грозный ропотъ, которымъ они, какъ бы переговариваются съ утра до вечера; какая сила заставила его умолкнуть, чья рука повернула облака назадъ, по тому же пути, по которому они пришли?

Не знаю, найдетъ ли читатель всѣ эти вопросы легко разрѣшимыми. Я же далекъ отъ этого и скорѣе думаю, что нѣкоторыя тайны облаковъ никогда не будутъ намъ вполне понятны. „Знаешь ли ты колебаніе облаковъ?“ Можно ли дать на это не горделивый отвѣтъ? Это дивное дѣло Того, Чье знаніе совершенно? Можетъ ли наше знаніе быть когда-нибудь такимъ же?

Я, съ своей стороны, радъ этой тайнѣ и думаю, что читатель, долженъ раздѣлять со мной мою радость. Онъ⁷ долженъ быть не менѣ благодаренъ за лѣтній дождь, и утреннія облака не могутъ утратить для него своей красоты потому только, что наталкиваютъ его на серьезные вопросы, уясненію которыхъ, если мы всмотримся внимательно въ небесную лѣтопись, можетъ быть помочь намъ намеки на отвѣтъ, разсѣянные тамъ и сямъ *).

И хотя воздухъ на югѣ и востокѣ можетъ быть *сравнительно* чище, тѣмъ не менѣ, онъ не абсолютно чистъ, какъ⁸ и нашъ сѣверный. Сильная ясность, на сѣверѣ-ли до и послѣ дождя, на югѣ ли, въ извѣстные моменты сумерокъ, есть всегда, насколько я знакомъ съ явленіями природы, исключительное явленіе. Извѣстнаго рода туманъ, или миражъ, или смѣсь свѣта и облачности—вотъ общія явленія. Разстояніе, на которомъ начинается дѣйствіе тумана, можетъ разнообразиться въ различныхъ климатахъ, но оно существуетъ всегда, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, указываетъ на то, что мы должны ему радоваться... Мы не должны, конечно, удивляться, что туманъ и всѣ происходящія отъ него явленія—очарова-

*) Сравни въ „Sartor Resartus“ мальчика, любующагося со стѣны сада.

тельны и не понятны намъ, такъ какъ наше разумное счастье должно зависѣть отъ нашей готовности получить только частичное знаніе, даже и въ тѣхъ областяхъ, которыя насъ наиболѣе касаются. Если же мы станемъ настаивать на совершенной ясности и на полномъ объясненіи каждаго вопроса нравственности, то немедленно впадемъ въ мучительное безвѣріе. Все наше счастье, вся сила энергіи нашей дѣятельности зависитъ отъ нашей способности дышать и жить въ облакахъ, довольствуясь тѣмъ, что мы видимъ ихъ отверстыми здѣсь и заволокнутыми тамъ; отъ нашей способности радоваться тому, что мы можемъ уловить сквозь тончайшую ихъ оболочку проблескъ чего-то устойчиваго и существеннаго; и все же, находить благородство даже въ самой тайнѣ, и радоваться, что нѣжная вуаль опущена тамъ, гдѣ неумѣренный свѣтъ могъ бы ослѣпить, а безконечная ясность утомить насъ. Да, я убѣжденъ, что недовольство этимъ вмѣшательствомъ тумана есть одна изъ формъ надменнаго заблужденія, легко принимаемаго за добродѣтель. Довольствоваться полнымъ мракомъ и незнаніемъ, дѣйствительно, недостойно человѣка, вслѣдствіе чего мы и думаемъ, что любовь къ свѣту и приобрѣтеніе знаній всегда хороши. А между тѣмъ (какъ въ вышеприведенныхъ вопросахъ), когда къ дѣлу примѣшивается гордость, то даже стремленіе къ знанію и свѣту можетъ быть дурно. Знаніе и свѣтъ хороши, но человѣкъ погибаетъ въ поискахъ за знаніемъ, а моль—въ поискахъ за свѣтомъ. И если мы, покоренные раньше моли, не примиримся, должнымъ образомъ, съ подобной тайной, то также погибнемъ. Но принятая со смиреніемъ, она тотчасъ же становится элементомъ радости; и я увѣренъ, что каждый, правильно развитой умъ должно радовать не столько ясное пониманіе чего-нибудь, сколько сознаніе, что въ мірѣ существуетъ безконечно больше такихъ вещей, которыхъ онъ не въ силахъ познать. Только гордые и ничтожные люди могутъ на это сѣтовать, потому что, трудясь, мы, если захотимъ, всегда можемъ узнавать все больше, и больше. Но удовольствіе для людей скромныхъ, мнѣ кажется, заключается въ сознаніи, что путь безконеченъ и что сокровища неисчерпаемы. Наблюдая, какъ облака несутся безконечными рядами, они увѣрены, что, въ концѣ концовъ и съ теченіемъ времени, тайна безконечности будетъ раскрываться все больше и больше, такъ какъ ихъ неясность есть только признаковъ и необходимое свойство ихъ неисчерпаемости. Я знаю, что есть пагубная тайна и смертельный мракъ — тайна великаго Вавилона—мракъ сомкну-

тыхъ глазъ и замкнутой души; но не будемъ смѣшивать ихъ съ той славной тайной вещью, въ которую и сами ангелы хотѣли бы проникнуть, и съ тѣмъ мракомъ, который даже для ясныхъ глазъ и для открытой души все же остается пока запечатанными страницами вѣчной книги.

25. Наблюдайте на какой-нибудь одинокой горѣ, при восходѣ солнца *), когда ночные туманы только что начинаютъ подниматься съ равнины, наблюдайте ихъ бѣлую, какъ бы озерную гладь, когда они болѣе холодныя и болѣе спокойныя, чѣмъ безвѣтряное море при лунномъ полуночномъ свѣтѣ, носятся съ правильными бухтами и извилистыми заливами вокругъ островидныхъ вершинъ болѣе низкихъ горъ, незатронутыхъ еще разсвѣтомъ; и, когда первый солнечный лучъ покажется надъ этими серебристыми бороздками, смотрите, какъ пѣна ихъ волнистой поверхности разбивается и исчезаетъ, а внизу, подъ ними, блестящій городъ и зеленыя пастбища разстилаются, словно Атлантъ, между двумя бѣлыми изгибами извилистыхъ рѣкъ.

Освѣщенные мѣста на сверкающихъ шпицахъ съ каждой минутой становятся все ярче и шире, по мѣрѣ того, какъ волны тумана разсѣиваются и исчезаютъ надъ ними, и смѣшанные гребни и края темныхъ холмовъ укорачиваютъ свои сѣдыя тѣни на равнинѣ. Подождите еще немного, и вы увидите, какъ эти разсѣянные туманы, собравшись въ равнинахъ, станутъ надвигаться на васъ вдоль извилистыхъ долинъ, пока не осядутъ спокойными массаами, радужными при утреннемъ свѣтѣ, не осядутъ на широкое лоно болѣе высокихъ холмовъ, и пока ихъ сплоченныя волны не распустятся и не превратятся въ одѣяніе матеріальнаго свѣта и не улетучатся, затерявшись въ блескѣ, чтобы появиться снова повыше на ясномъ небѣ, подобно дикому, блестящему, невѣроятному видѣнію, непостижимому и безъ всякаго основанія исчезающему въ неуловимой и улыбающейся надъ ними синевѣ. Подождите еще нѣсколько, и вы увидите, какъ эти туманы сту-

*) Я забылъ теперь, къ чему все это относится. Кажется, это воспоминаніе о Риги, причѣмъ восторженный зритель проводитъ день и ночь, наблюдая и подвергаясь дѣйствию сильной грозы, лишенный завтрака и обѣда. Я видѣлъ подобную грозу и не разъ присутствовалъ при подобномъ восходѣ солнца но сильно сомнѣваюсь, чтобы нынѣшніе посѣтители, путешествуя по желѣзной дорогѣ, могли увидеть ее.

стятся въ бѣлыя башни и расположатся, словно крѣпости, вдоль мысовъ, массивные, неподвижные, и только вершины ихъ будутъ съ каждой минутой тянуться все выше и выше къ небу, отбрасывая все болѣе длинную тѣнь перпендикулярно скаламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, вы увидите, какъ изъ-за блѣдной лазури горизонта выступить группа узкихъ, темныхъ, тонкихъ облавовъ, которыя мало по малу, станутъ заволакивать небо своею сѣрою сѣтью, такъ что кругомъ распространится мракъ, птицы перестанутъ пѣть и листья замрутъ въ безмолвной неподвижности; потомъ передъ вами появится образовавшіяся горизонтальныя полосы темной тѣни и, наконецъ, мрачная туча, неизвѣстно откуда взявшаяся. Вы не видали, какъ она образовалась, но, оглянувшись назадъ, на то мѣсто, которое за минуту передъ тѣмъ было еще свѣтло, вы встрѣтите уже тамъ облако, висящее надъ пропастью, какъ соколъ надъ своей добычей. Потомъ вы услышите внезапный порывъ очнувагося вѣтра и увидите, что эти сторожевыя башни параснялись съ своего основанія и надъ долиной опустились струящіяся завѣсы темнаго дождя, падающаго съ отяжелѣвшихъ облаковъ черной висящей бахромой или движущагося блѣдными столбами вдоль поверхности озера, на ходу взбивая ее въ пѣну. Потомъ, при солнечномъ закатѣ, вы увидите, какъ буря пронесется на минуту съ холмовъ, оставляя ихъ широкіе бока дымящимися и все еще обремененными бѣлоснѣжными, разорванными клочьями причудливаго пара, то исчезающаго, то снова появляющагося, между тѣмъ какъ солнце, такое, повидимому, близкое и уловимое, но пылающее позади васъ, какъ до-красна раскаленный шаръ, пробивается сквозь порывы вѣтра и несущіяся облака, ниспадетъ стремглавъ и, какъ бы не думая больше подняться, обливаешь весь воздухъ своею кровью. Тутъ вы услышите замирающую бурю въ безднѣ ночи и увидите на востокѣ зеленоватое сіяніе, загорающееся на восточныхъ холмахъ. Этотъ свѣтъ будетъ становиться все шире и ярче и, наконецъ, мало по малу, среди облачныхъ полосъ выплыветъ большой бѣлый кругъ медленной луны. Онъ затмеваетъ своимъ блескомъ звѣзду за звѣздой и выставляетъ на ихъ мѣсто цѣлое полчище блѣдныхъ, проницаемыхъ, клочковатыхъ облачковъ, которыя движутся рука объ руку, толпами и группами, такъ равномерно и дружно, что, кажется, будто все небо несется вмѣстѣ съ ними, а подъ ними

вращается земля. Затѣмъ подождите еще съ часъ, пока востокъ не станетъ снова багровымъ, и пасмурныя горы, несущіяся на встрѣчу къ нему въ темнотѣ, какъ волны бушующаго моря, не потонуть одна за одной въ его жгучемъ сіяніи. Наблюдайте блескъ бѣлыхъ ледниковъ съ ихъ тропинками, извивающимися вокругъ горъ, подобно могучимъ змѣямъ съ огненной чешуей. Вглядитесь въ колонновидныя вершины печальныхъ снѣговъ, освѣщающія, одна за другой, бездны, находящіяся внизу, подъ ними, изъ которыхъ каждая представляетъ, сама по себѣ, какъ бы новое утро, причемъ длинныя ихъ лавины спускаются внизъ живыми потоками, болѣе широкими и яркими, чѣмъ молніи, возсылая каждая свою дань гонимаго снѣга, подобно дыму кадильному, вздымающемуся къ небесамъ; розоватый свѣтъ ихъ молчаливыхъ куполовъ озаряетъ румянцемъ небо кругомъ ихъ и надъ ними, пронизываетъ болѣе густымъ свѣтомъ пурпуровыя ряды поднимающагося облака и, мимоходомъ осѣняетъ новой славой каждую извилину, пока, наконецъ, все небо, какъ багровый покровъ, не является затканнымъ, подъ куполомъ волнистаго пламени, и съ нагроможденными сводами, навѣянными какъ бы крыльями многихъ сонмищъ ангеловъ. И когда отъ восторга вы уже не въ силахъ болѣе любоваться и преклоняетесь подъ вліяніемъ трепета и любви къ Творцу и Создателю всего вами видѣннаго, то скажите мнѣ, кто лучше всѣхъ выразилъ и выяснилъ вамъ это Его посланіе людямъ?

26. *) Повѣствованіе о дняхъ мірозданія въ первой главѣ Книги Бытія во всѣхъ отношеніяхъ ясно и понятно для самаго простаго читателя, за исключеніемъ творенія второго дня. Я полагаю, что равнодушныя чататели пробѣжали это мѣсто, не постаравшись понять, а простые и вѣрующіе взглянули на него, какъ на высшую тайну, не предназначенную для пониманія. Но во всей остальной главѣ нѣтъ тайны, такъ что, мнѣ кажется, несправедливо дѣлать выводъ, будто она имѣлась тутъ въ виду. Мѣсто же это должно имѣть для насъ особенный интересъ, какъ первое упоминаніе въ Библии слова „небо“, и единственное, въ которомъ это слово „небо“, столь важное для нашего пониманія наиболѣе цѣн-

*) Это мѣсто, до конца отдѣла, есть одно изъ послѣднихъ и наиболѣе удачно написанныхъ мною во времена моей юности; и я тѣмъ болѣе могу это утверждать, что предлагаемый текстъ или можетъ быть принятъ, какъ поясненіе, или окончательно отвергнуть.

ныхъ обѣтованій св. Писанія, получаетъ опредѣленное объясненіе. Посмотримъ же, не можемъ ли мы, при помощи внимательнаго сравненія этого стиха съ другими мѣстами, въ которыхъ встрѣчается это слово, дойти до такого же яснаго пониманія этой части главы, какъ и всей остальной. Замѣтимъ предварительно, что англійское слово „твердь“ темно и неупотребительно; мы пользуемся имъ только какъ синонимомъ „неба“, другого же яснаго понятія оно не выражаетъ. Далѣе: мы освоились съ этимъ стихомъ и, благодаря этому, воображаемъ, что онъ имѣетъ тотъ смыслъ, въ которомъ его легко можно было бы замѣнить фразой: „Богъ сказалъ: „да будетъ нѣчто среди водъ“ и назвалъ это нѣчто небомъ“. Между тѣмъ, слово „пространство“, имѣетъ точный смыслъ, и выраженіе. „Богъ сказалъ: „да будетъ пространство посреди водъ“ и назвалъ это пространство небомъ“, вполнѣ понятно. Признавъ это выраженіе вполнѣ подходящимъ, намъ остается только спросить, какое пространство, названное небомъ, отдѣляетъ воды отъ водъ? Мильтонъ допускаетъ терминъ „пространство“, но подразумеваетъ подъ нимъ всю атмосферу, окружающую землю. Между тѣмъ, насколько мы можемъ предполагать, въ пространствѣ за нашей атмосферой нѣтъ воды, и выраженіе о раздѣленіи водъ не имѣетъ, такимъ образомъ, точнаго смысла. Относительно же всей главы, мы должны всегда помнить, что она имѣетъ цѣлью просвѣщеніе всего человѣчества, а не одного только образованнаго читателя, и что, слѣдовательно, самое простое и самое естественное толкованіе есть и самое правдоподобное и самое вѣрное. Непросвѣщенный читатель мало знаетъ о томъ, какъ и какая атмосфера окружаетъ землю, но мнѣ кажется, что стоитъ ему только мелькомъ взглянуть на небо, когда въ отдаленіи идетъ дождь, и увидать уровень основанія облаковъ, изъ которыхъ ниспадаетъ ливень, чтобы придать вѣрное и удобопонятное значеніе словамъ „пространство посреди водъ“. Когда же, заручившись этой идеей, онъ перейдетъ къ болѣе точному изслѣдованію, то тотчасъ же оймется, если обращалъ хоть какое-нибудь вниманіе на свойства облаковъ, что уровень ихъ основанія дѣйствительно очень строго отдѣляетъ „воды отъ водъ“, иначе сказать, отдѣляетъ воды скопившіяся отъ водъ, находящихся въ воздухѣ, воды падающія и текущія отъ водъ возносящихся и парящихъ. Затѣмъ, если мы изслѣдуемъ слово „небо“ въ теологическомъ смыслѣ и разсмо-

тримъ тѣ мѣста, гдѣ упоминается объ облакахъ, какъ объ обителѣ Бога, то увидимъ, что Богъ шель впереди израильтянъ въ столпѣ облачномъ; явился въ облакѣ на Синаѣ; въ видѣ облака—надъ Кивотомъ Завѣта; наполнилъ облакомъ храмъ Соломона послѣ его освященія; появился въ большомъ облакѣ Езекиилу; явился въ видѣ облака передъ глазами учениковъ при Преображеніи и такъ же явится въ день суда: „и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“. Далѣе „облако“ и „небо“ употребляются какъ слова, замѣняющія одно другое въ тѣхъ псалмахъ, которые наиболѣе ясно рисуютъ могущество Бога: „наклонилъ Онъ небеса и сошелъ. И мракъ сдѣлалъ покровомъ Своимъ, сѣнью вокругъ Себя мракъ водъ, облаковъ воздушныхъ. „Пс. 17, 110, 112; „Господи, милость Твоя до небесъ, истина Твоя до облаковъ!“ 35, 6. „Воздайте славу Богу! Величіе Его надъ Израилемъ, и могущество Его на облакахъ“. Пс. 67, 35. „Облака изливали воды, тучи издавали громъ, и стрѣлы Твои летали. Гласъ грома Твоего въ кругѣ небесномъ“. Пс. 75, 18, 19. „Облако и мракъ окрестъ Его; правда и судъ—основаніе престола Его. Небеса возвѣщаютъ правду Его, и всѣ народы видятъ славу Его. „Пс. 96, 2, 6. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, если они имѣютъ опредѣленный смыслъ, значеніе слова „облако“ вполне понятно. Но мы слишкомъ склонны считать ихъ просто величественными, неясными образами и, вслѣдствіе этого, мало-по-малу, утрачиваемъ пониманіе ихъ жизненнаго смысла и силы. Выраженіе, напримѣръ, „наклонилъ Онъ небеса“ многіе читатели считаютъ, я полагаю, великолѣпной гиперболой, относящейся къ особенному грозному проявленію божественной силы псалмопѣвцу. Но выраженіе это или имѣетъ ясный смыслъ или совсѣмъ бессмысленно. Если понимать подъ словомъ „небо“ все безконечное пространство, окружающее землю, то выраженіе „наклонилъ небеса“, хотя и величественно, но лишено всякаго смысла: безконечнаго пространства нельзя ни наклонить, ни приблизить. Если же подъ словомъ „небо“ понимать облачный покровъ надъ землей, то выраженіе это не покажется ни гиперболичнымъ, ни темнымъ; въ немъ чистая, полная, точная истина, и оно изображаетъ божество не въ особенномъ Его проявленіи Давиду, а совершающимъ то, что оно всегда, день за днемъ, совершаетъ передъ нашими глазами. Пониманіе словъ въ ихъ простомъ значеніи даетъ намъ возможность пости-

гать непосредственное присутствіе Божества и Его проявленіе тутъ вблизи насъ, каждый разъ, какъ грозвое облако задерживается въ своемъ шествіи.

При смутномъ же и не точномъ пониманіи словъ, мы отодвигаемъ идею о Его присутствіи далеко отъ насъ, въ тѣ сферы, которыхъ мы не можемъ ни видѣть, ни знать; и, мало-по-малу, вмѣсто ощущенія близкаго присутствія живого Бога, мы останавливаемся на темномъ и отдаленномъ представленіи пассивнаго Божества, обитающаго въ непостижимыхъ мѣстахъ и блекнущаго въ безчисленномъ формализмѣ законовъ природы. Всѣ заблужденія подобнаго рода — а въ настоящее время мы находимся въ постоянной и прискорбной опасности впасть въ нихъ—происходятъ отъ ошибочной въ своемъ основаніи идеи, что человѣкъ можетъ „при помощи изслѣдованій, обрѣсть Бога—обрѣсть Всемогущаго и постичь Его въ совершенствѣ“—т.-е., при помощи разсужденій и накопленія научныхъ знаній, постигнуть природу Божества болѣе точно и возвышенно, чѣмъ въ состояніи сравнительнаго невѣдѣнія. Между тѣмъ, до очевидности ясно, что необходимо, чтобы Богъ проявлялъ Себя передъ своими созданіями простымъ путемъ, понятнымъ *всѣмъ* этимъ созданіямъ. Общеніе съ своимъ Творцомъ должно быть доступно *всѣмъ*, какъ ученымъ, такъ и неученымъ, какъ людямъ съ обыкновенными, такъ и съ выдающимися способностями; и допущеніе къ подобному общенію должно основываться не на знакомствѣ людей съ астрономіей, а на обладаніи ими человѣческой душой. Для того, чтобы сдѣлать это общеніе возможнымъ, Божество сошло съ своего престола и не только облеклось въ лицѣ Сына въ нашу человѣческую плоть, но и приняло въ лицѣ Отца обликъ нашихъ человѣческихъ мыслей, даруя намъ, въ силу Своего божественнаго свидѣтельства, возможность представлять Его себѣ просто и ясно, какъ любящаго отца и друга; съ Которымъ мы можемъ быть въ общеніи, Который внемлетъ нашей мольбѣ, Котораго печалить наше непослушаніе, отдаляетъ наша холодность и равнодушіе, радуется наша любовь и прославляетъ нашъ трудъ; Который, къ довершенію всего, непосредственно и дѣятельно руководитъ *всѣми* законами и переворотами въ природѣ. Такое дѣтское пониманіе Бога—несомнѣнно единственное, могущее быть всемірнымъ, а слѣдовательно, и единственно истинное *для насъ*. Въ ту минуту, когда мы, въ гордынѣ сердца своего, отказываемся

отъ того, чтобы Всемогущій снисходилъ до насъ и поддерживалъ насъ, а желаемъ, чтобы Онъ возвеличился передъ нами въ Своей славѣ; и въ ту минуту, когда мы надѣемся, что, будучи по своимъ крупицамъ человѣческихъ знаній на одну или двѣ пылинки выше своихъ собратій, мы можемъ видѣть возвеличеніе Творца—Богъ ловитъ насъ на словѣ. Онъ возвышается въ Своемъ невидимомъ и неостижимомъ величіи, шествуетъ не нашимъ путемъ, а Своимъ, углубляется въ Свои, а не въ наши мысли, и мы остаемся одни. И тогда мы, въ безуміи сердца своего, говоримъ: „Нѣтъ Бога“.

Поэтому я и желалъ бы имѣть такое откровеніе о твореніи Божіемъ, которое при обыкновенныхъ границахъ человѣческаго знанія и воображенія, можетъ быть вполне понятно для человѣка простого ума. Итакъ, принимая во вниманіе, что слова „небо и земля“ употребляются всегда, какъ имѣющія равныя взаимныя отношенія („такъ совершены небо и земля и все воинство ихъ“), я разомъ отвергаю всякое мнѣніе, въ силу котораго слово „небо“ должно означать безконечность пространства, населеннаго безчисленными мірами, потому что эта безпредѣльность неба и та песчинка, какой являются по отношенію къ нему не только земля, но и само солнце со всей его солнечной системой, не могутъ имѣть равенства отношеній, не могутъ быть сравниваемы. И я думаю, что „небо“ означаетъ ту часть творенія, которая находится въ тѣсной связи съ нашимъ земнымъ шаромъ; подъ словами Апокалипсиса: „небо скрылось, свившись, какъ свитокъ“, я разумѣю совмѣстное и относительное разрушеніе расплавленныхъ элементовъ при очень сильной теплотѣ; подъ „сотвореніемъ тверди“, насколько это относится до человѣка, я понимаю дивное устройство облаковъ, при которомъ, какъ великая равнина водъ образуется на поверхности земли, такъ такая же равнина водъ разстилается въ выси воздуха, и поверхность облаковъ соотвѣтствуетъ поверхности океана. И эта высшая небесная равнина составлена изъ водъ, какъ бы прославленныхъ по самой своей природѣ; онѣ не гасятъ огня, несутъ пламя въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ, уже не ревутъ, вздымаемыя бурями или разъединяемыя скалами, а съ одного конца земли до другого шлютъ другъ другу отвѣты голосомъ своихъ громовъ; ихъ не слерживаютъ опредѣленные берега и не направляютъ неизмѣнныя русла, а носятся онѣ по волѣ, какъ сонмы ангеловъ, избирая горныя высоты и располагаясь на нихъ

лагеремъ; онѣ не стремятся уже поспѣшно внизъ, движутся, чтобы ниспасть, и не теряются въ лишенныхъ свѣта безднахъ, но осѣняютъ востокъ и западъ колыхающимися своими крыльями и озаряютъ мракъ безконечной дали разноцвѣтнымъ своимъ покрываломъ алой и пурпуровой канвы съ огненной вышивкой.

Таково, по моему мнѣнію, устройство тверди, и мнѣ кажется, что матеріальной близостью этихъ облаковъ Богъ хочетъ дать намъ познать свое непосредственное присутствіе, какъ Творца не покидающаго, а судящаго и благословляющаго насъ: „земля потряслась, и небеса содрогнулись отъ присутствія Господа“. „Онѣ направляетъ стрѣлы Свои въ тучи“ и, такимъ образомъ, возобновляетъ въ звукахъ падающихъ потоковъ дождя Свой обѣтъ вѣчной неизсякаемой любви; „въ нихъ раскинулъ Онѣ шатеръ для солнца“, и этотъ пылающій шаръ, который виденъ былъ бы лишь какъ невыносимый палящій дискъ въ мрачной пустотѣ, благодаря этой тверди, окруженъ дивными прислужницами и умѣряется посредствующими служителями: эту твердью солнцу воздвигнуть храмъ, который оно наполняетъ въ полдень своимъ блескомъ; твердью облаковъ спускается вечеромъ пурпуровая завѣса на святилище его успокоенія; туманомъ тверди разсѣивается его нестерпимый свѣтъ, и его укрощенная ярость смягчается въ мягкой синевѣ, наполняющей своимъ блескомъ всю глубь пространства, и въ румянцѣ, вспыхивающемъ на горахъ, когда онѣ упиваются разсвѣтомъ. И въ этомъ совмѣстномъ нахожденіи раскаленнаго солнца и людей подъ защитой тверди небесной, Богъ какъ бы устанавливаетъ, что Онѣ на престолѣ облаковъ снисходитъ въ своемъ величій до насъ. Какъ Творца всѣхъ міровъ живущаго отъ вѣка, мы Его видѣть не можемъ, но какъ Судья земли и Охранитель людей, Онѣ, дѣйствительно, обитаетъ на этомъ небѣ.

„Не клянись ни небомъ, потому что оно престолъ Божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ Его!“

И это появленіе благодатнаго дождя и отраднѣ тѣни, и эти видѣнія серебристыхъ дворцовъ, воздвигнутыхъ на краю горизонта, и голоса завывающихъ вѣтровъ, и раскаты грома, и роскошь цвѣтнаго облаченія преломляемыхъ лучей, все это лишь содѣйствуетъ болѣе глубокому запечатлѣнію въ нашихъ сердцахъ и уясненію простыхъ словъ молитвы: „Отче нашъ, сущій на небесахъ“.

ОТДѢЛЪ IV.

Рѣки и моря.

27. Изъ всѣхъ неорганическихъ веществъ, слѣдующихъ законамъ своей природы внѣ всякихъ постороннихъ вліяній и вмѣшательства наиболѣе замѣчательна вода. Представьте ее себѣ какъ источникъ всѣхъ измѣнчивостей и красотъ, видѣнныхъ нами въ облакахъ, или какъ орудіе, придавшее разсмотрѣнной нами землѣ ея симметричность и скаламъ ихъ изящную форму; затѣмъ, представьте ее себѣ въ формѣ свѣговъ, покрывающихъ созданныя ею горы тѣмъ чуднымъ блескомъ, не выдавъ который его и вообразить нельзя; представьте ее себѣ въ видѣ пѣны источника или въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее видимъ въ радугѣ, въ утреннемъ туманѣ, въ глубокихъ, свѣтлыхъ прудахъ, отражающихъ свои нависшіе берега, въ широкомъ озерѣ и блестящей рѣкѣ, — наконецъ, въ томъ, что для души человѣческой является лучшей эмблемой неустанной, несокрушимой силы — въ дикомъ, разнообразномъ, фантастическомъ, неукротимомъ морѣ и тогда скажите, что можетъ сравняться по красотѣ и величію съ этимъ могучимъ міровымъ элементомъ и мыслимо ли прослѣдить безконечную измѣнчивость его настроенія? Нѣтъ, это все равно, что пытаться изобразить душу!

28. Великій ангелъ моря это дождь, ангелъ, замѣтте, ниспосылаемый на опредѣленное мѣсто съ специальнымъ назначеніемъ. Дѣло не въ разстилающемся, постоянномъ и тяжеломъ туманѣ, а въ облакѣ, подымающемся съ моря и опускающемся въ него. Все пользуется дождемъ: мягкій мохъ на камнѣ и скалѣ; причудливый папортникъ извилистыхъ долинъ; придорожный ключъ, неизмѣнный, терпѣливый, безмолвный, свѣтлый, скрывающійся въ своемъ четырехугольномъ водоемѣ изъ грубо отесаннаго камня, всегда одинаково глубокой. Зимніе заносы не грязнятъ этого ключа, лѣтняя жара не истощаетъ его, онъ одинаково неспособенъ ни загрязниться, ни

изсякнуть; листь, упавъ въ него, плаваеъ, не увядая, и насѣкомое плывеъ, не замочившись; поросшій травую, словно ручей, и вѣчно крутящійся, какъ рѣка, онъ, даже во время разлива, едва подымается до каменныхъ ступеней, но въ теченіе всего сладостнаго лѣта, присоединяеъ къ однообразному журчанію мрачныхъ водъ свои серебрястыя трепещущіе переливы при прикосновеніи къ голышамъ. Гораздо дальше, на югѣ, могущественныя рѣчныя боги спѣшатъ спуститься къ морю. Широкія русла рѣкъ, пустынные и выжженные, подобно горниламъ наноснаго песка, лежатъ мрачныя и голыя; здѣсь же, въ области мховъ, нѣжныя крылья ангела моря все окрапляютъ росой, а тѣнь ихъ перьевъ запечатлѣвается на холмахъ; странный смѣхъ, и блескъ серебрястыхъ струекъ, вдругъ появляющихся и облепляющихъ блестящими мшистыя вершины, шлютъ отвѣтъ ихъ волнамъ.

29. Остановитесь на полчаса у Шафгаузенскаго водопада съ сѣверной его стороны, тамъ гдѣ пороги длинны, и наблюдайте, какъ вода сначала подымается чистымъ, гладкимъ, непрерывнымъ столбомъ надъ выпуклыми скалами у вершины водопада, покрывая ихъ хрустальнымъ куполомъ, футовъ въ двадцать толщиною; движеніе воды совершается такъ быстро, что становится замѣтнымъ только въ томъ мѣстѣ, гдѣ пузырьки пѣны летятъ съ высотъ, какъ падающія звѣзды. Всмотритесь также, какъ освѣщена вся листва *) подъ растущими выше деревьями, въ то время, когда струя разбивается въ пѣну, какъ всѣ пузырьки этой пѣны горятъ зелеными огоньками, напоминающими разбившіеся осколки хризопала. Обратите вниманіе на то, какъ бѣлыя сверкающіе брызги то и дѣло ослѣпляютъ васъ, взлетая и шипя, словно ракеты, какъ потомъ они лопаются и несутся по вѣтру мелкою пылью, наполняя воздухъ сіяніемъ, и какъ, наконецъ, сквозь застывшіе и сгустившіеся клубы облаковъ безпрерывно грохочущей пучины, синева воды, поблѣвывая отъ пѣны, кажется чище, чѣмъ небо сквозь бѣлое дождевое облако, тогда какъ дрожащая радуга въ мерцающемъ безмолвіи спускается на все, то блѣднѣя, то заливаясь румянцемъ сквозь брызги и блескъ солнца, прячась, наконецъ, въ густой золотой листвѣ, колыхающейся

*) Хорошо подмѣчено. Картина Шафгаузенскаго водопада, которую я нарисовалъ одновременно съ его описаніемъ, была одна изъ немногихъ моихъ картинъ или картинъ другихъ живописцевъ, на которой Тернеръ остановился съ серьезнымъ вниманіемъ.

заодно съ буйной волной; черезъ извѣстные промежутки времени, сильный всплескъ водопада подымаетъ ихъ капающія массы, словно снопы съ тяжелыми колосьями, и потомъ снова, когда шумъ замираетъ вдали, опускаетъ ихъ надъ скалами, покрытыми мохомъ; роса, струясь съ толстыхъ вѣтвей деревьевъ по опустившимся группамъ изумрудныхъ листьевъ, блеститъ бѣлыми нитями вдоль темныхъ береговыхъ скалъ, питая лишай, которые разрисовываютъ и испещряютъ ихъ пурпуромъ и серебромъ.

30. Вблизи самой тропинки, по которой путешественники поднимаются изъ долины Шамуни на Монтанверъ, съ правой стороны, гдѣ она начинаетъ пролегать среди сосенъ, вытекаетъ ручеекъ изъ подошвы гранитной остроконечной вершины, извѣстной гикамъ подъ названіемъ Aiguille Chamois. Его заслоняетъ отъ взоровъ путешественника густая чаща ольховника, и журчаніе его едва слышно, потому что это самый незначительный потокъ во всей долинѣ. Но это постоянный потокъ, пополняемый неизсякаемыми, хотя и незначительными глетчерами, потокъ, продолжающій течь до самаго конца лѣта, когда болѣе обильные потоки, зависящіе только отъ таянія нижнихъ слоевъ снѣга, высыхаютъ въ своихъ каменистыхъ руслахъ, освѣщаемыхъ солнцемъ. Продолжительная засуха, бывшая осенью 1854 года, наложила свою печать на все водяные источники, за исключеніемъ постоянныхъ, и сохранила только потокъ, о которомъ идетъ рѣчь, и ему подобные, находящіеся въ особенно благопріятномъ положеніи для наблюденія воздѣйствія ихъ на горы, съ которыхъ они спускаются. Они всецѣло питались своими собственными ледяными ключами, и количество мелкихъ частицъ скалъ, уносимыхъ ими внизъ, было, конечно, минимальное, такъ какъ почти не было примѣсей мягкой и черноземной почвы, размываемой дождями. Въ три часа пополудни жаркаго сентябрьскаго дня, когда потокъ достигъ своей дневной максимальной силы, я наполнилъ обыкновенную винную бутылку водой въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была наименѣ мутна. Изъ этого количества воды я получилъ двадцать четыре крупинки песку и болѣе или менѣ легкой осадокъ. Я не могу вычислить количества воды въ потокъ, но вытекающій изъ него ручеекъ, изъ котораго я наполнилъ водой сосудъ, давалъ около двухсотъ бутылокъ въ минуту или нѣсколько болѣе и, слѣдовательно, ежеминутно уносилъ внизъ около трехъ четвертей фунта мелкаго гранита. Это выйдетъ сорокъ пять фун-

товъ въ часъ; допуская пониженіе силы потока въ холодные періоды дня и, съ другой стороны, принимая во вниманіе увеличеніе его силы во время дождя, я считаю возможнымъ признать его среднюю часовую работу равнойъ двадцати восьми и тридцати фунтамъ или двумъ съ половиной пудамъ каждые четыре часа. Этотъ маленькій ручеекъ, слѣдовательно, отбираетъ у Монблана и переноситъ на нѣкоторое разстояніе внизъ нѣсколько болѣе шестидесяти пудовъ въ недѣлю; и такъ какъ теченіе потока задерживается морозомъ только на три или на четыре мѣсяца, то мы можемъ несомнѣнно допустить, что онъ перемѣщаетъ ежегодно массу въ семьдесятъ тоннъ. Нѣтъ надобности пока входить въ разсмотрѣніе отношенія этого ручья къ большимъ потокамъ, текущимъ съ Монблана въ долину Шамуни *). Я взялъ это количество, — восемьдесятъ тоннъ — какъ результатъ работы едва замѣтнаго ручейка, совершенно независимо отъ всякаго внезапнаго паденія камней и обваловъ горныхъ массъ (одинъ ударъ молніи производитъ порою брешь, въ боку мягкой скалы, похожую на выемку для желѣзной дороги) и при помощи этого наблюденія, мы можемъ кое-что понять въ дѣйствіи великаго закона перемѣщеній, которыя являются условіемъ всякаго матеріальнаго существованія, какъ бы послѣднее ни казалось неизмѣннымъ. Горы, которыя, по сравненію съ живыми существами кажутся безсмертными, въ дѣйствительности тоже гибнутъ; вены текущихъ потоковъ такъ же изнуряютъ сердце горъ, какъ кровообращеніе утомляетъ наше; естественная сила желѣзныхъ скалъ такъ же разрушается въ опредѣленное ей время, какъ и сила человѣческихъ мускуловъ въ старости, и только продолжительность періода разрушенія, въ глазахъ Творца, отличаетъ горныя цѣпи отъ моли и червя.

31. Сравнительно очень немногимъ людямъ приходилось когда-нибудь видѣть воздѣйствіе на море могучаго шторма, продолжающагося непрерывно въ теченіе трехъ или четырехъ сутокъ; не видавшимъ этого явленія, мнѣ кажется, немислимо вообразить не столько силу и величину волнъ, сколько полное исчезновеніе границы между моремъ и воздухомъ. Вода въ слѣдствіе продолжительнаго волненія взбивается не только въ пѣну, имѣющую видъ сли-

*) Я слегка сократилъ и видоизмѣнилъ послѣдующія разсужденія, такъ какъ подробности эти показались мнѣ скучными; къ тому же мнѣ стыдно было за ничтожную до смѣшнаго оцѣнку массы болѣе широкихъ потоковъ.

вокъ, но просто въ массы сбившихся пивныхъ дрожжей, которыя свѣшиваются канатами и клубами съ волны на волну и, разбиваясь, образуютъ фестоны, словно драпировки, на ихъ гребнѣ. И все это подхватывается вѣтромъ не въ видѣ мелкой пыли, а кривыми, висячими и согнутыми въ кольца массами, отъ которыхъ воздухъ становится бѣлымъ и чистымъ, какъ отъ хлопьевъ снѣга; только тутъ каждая снѣжинка имѣетъ футъ или два длины. Сами пѣнистыя волны такъ же бѣлы, какъ вода подъ большимъ водопадомъ, и ихъ массы, полуводяныя, полувоздушныя, при своемъ подъемѣ разрываются вѣтромъ на части и несутся впередъ бушующимъ паромъ, который душитъ и давитъ, какъ настоящая вода. Прибавьте къ этому, что когда влажность воздуха истощается проливнымъ дождемъ, то брызги моря подхватываются воздухомъ, какъ сказано выше, и покрываютъ его поверхность не только паромъ мельчайшихъ частицъ воды, но и кипящимъ туманомъ. Представьте себѣ также низкія дождевыя тучи, спустившіяся до самаго уровня моря, какъ мнѣ приходилось часто это видѣть, несомыя вихремъ и бѣшенными клочьями перелетающія съ волны на волну; и, наконецъ, вообразите себѣ самыя волны въ моментъ наибольшаго развитія ихъ силы, быстроты, объема и бѣшенства, когда онѣ образуютъ пропасти и горныя вершины, бороздя въ своемъ неистовомъ подъемѣ весь этотъ сплошной хаосъ, вообразите все это, и вы поймете, что тутъ дѣйствительно исчезаетъ различіе между моремъ и воздухомъ, исчезаютъ всѣ ясныя обыкновенныя границы предметовъ горизонта: небо представляетъ сплошную волну, а океанъ—сплошное облако, и вы въ любомъ направленіи можете видѣть не дальше того, что бы вы видѣли, если бы смотрѣли сквозь водопадъ *).

---

*) Все это было написано только для того, чтобы показать значеніе картины Тернера о паровомъ суднѣ, подающемъ сигналы во время опасности. Это хорошій этюдъ бури, но, независимо отъ замысла, положительно слабый сравнительно съ тѣми немногими словами, которыми любой великій поэтъ опишетъ море, въ случаѣ если ему представится надобность. Мнѣ очень нравится короткое изреченіе въ „Гаваяхъ Англіи“, описывающее сильный прибой къ скаль: „Въ первый моментъ—каменная пещера, затѣмъ—мраморный столбъ, и наконецъ—исчезающее облако“. Но изъ числа морскихъ описаній самое подробное описаніе шторма встрѣчается у Диккенса въ его „Давидъ Копперфильдъ“.

О Т Д Ъ Л Ъ V.

Г о р ы.

32. За словами, объясняющими намъ назначеніе облаковъ, мы тотчасъ же встрѣчаемъ слѣдующія:— „И сказалъ Богъ: „да соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да явится суша.“ Мы, можетъ быть, не достаточно часто вдумываемся въ глубокое значеніе этихъ словъ. Мы слишкомъ склонны считать ихъ описаніемъ событія, болѣе грандіознаго только по своему объему, а не по сущности, чѣмъ повелѣніе Черному морю разступиться, и дать Израильтянамъ пройти по немъ. Мы воображаемъ, что Божество такимъ же образомъ скатываетъ волны великаго океана въ одну кучу и вѣчно ставитъ для нихъ преграды и затворы. Но торжественныя слова книги Бытія имѣютъ гораздо болѣе глубокое значеніе, какъ и соответствующія имъ слова псалма: „о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь“.

До этого момента земля была пуста, такъ какъ была безформенна. Повелѣніе водамъ собраться было равносильно повелѣнію „земль получить опредѣленную форму. „Море не ринулось къ своему мѣсту въ необузданномъ безпорядкѣ, но отступило въ спокойной покорности. Суша появилась не въ видѣ гладкой песчаной поверхности, оставленной волнами, на которую тѣ же волны могли бы снова предъявить свои права, а въ видѣ послѣдовательныхъ рядовъ выпуклыхъ холмовъ и желѣзныхъ скалъ, имѣющихъ неотъемлемое навѣки право на родство съ твердью и на тѣсную связь съ небесными облаками.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать теперь какое количество времени подразумѣвается въ книгѣ Бытія [подъ словомъ „день“. Можетъ быть, мы, впослѣдствіи, попытаемся] высказать наши догадки относительно того, въ какой огненной печи плавился этотъ адамантъ, какими силами землетрясенія былъ онъ разбитъ на

куски, какіе зубцы ледниковъ и какая тяжесть морскихъ волнь ошлифовали его и придали ему совершенную форму; но здѣсь, подобно тому, какъ историкъ въ немногихъ словахъ суммировалъ мірозданіе, такъ и мы, въ немногихъ общихъ чертахъ должны составить себѣ понятіе о немъ; и когда мы читаемъ властныя слова, „Да явится суша“, мы должны постараться прослѣдить то, какъ перстъ Божій начерталъ на каменныхъ скрижалахъ земли буквы и законы ея вѣчной формы, какъ взрыты³ были заливъ за заливомъ, бездна за бездною, мысъ за мысомъ въ божественномъ предвѣдѣніи тѣхъ границъ, которыя будутъ отдѣлять націи; какъ цѣпь за цѣпью вытягивались гряды горъ и какъ ихъ основанія укрѣплялись навѣки; какъ полагался предѣлъ глубинъ морей, склонамъ и вершинамъ земного праха, и какъ десница Христа впервые касалась снѣговъ Ливана и уравнивала откосы Голгофы.

Не всегда, повторяю, нужно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и невозможно опредѣлить, какимъ образомъ и въ какое количество времени совершенно было это дѣло; по крайне необходимо для всѣхъ людей взвѣсить величіе достигнутой цѣли и бездну мудрости и любви, проявившуюся въ устройствѣ горъ. замѣтите, что для того, чтобы дать міру ту форму, которую онъ сохраняетъ и теперь, требовалась не только работа скульптора. Горы и дна не простояли бы, если бы не были созданы изъ совершенно другого матеріала, чѣмъ холмы и поверхности долинъ. Нужно было приготовить болѣе твердое вещество для всѣхъ горныхъ цѣпей, но и не настолько твердое, чтобы оно не способно было размельчиться въ землю, годную для питанія альпійскихъ лѣсовъ и альпійскихъ цвѣтовъ; не настолько твердое, чтобы среди его парственаго величія и силы не видна была печать смерти, слова о которой относятся и къ человѣческой плоти: „Ты прахъ и въ прахъ возвратишься“. И изъ этого тлѣннаго вещества надлежало создать наиболѣе величественныя формы въ соотвѣтствіи съ возможностью существованія для человѣка; горамъ нужно было подняться, какъ можно выше, скаламъ—стать какъ можно отложе, чтобъ дать возможность пастухамъ пасти стада по ихъ откосамъ и хижинамъ ютиться подъ ихъ сѣнью. И замѣтите, что при такомъ устройствѣ достигались двѣ, вполне опредѣленные цѣли. Прежде всего абсолютно необходимо было создать подобныя высоты, чтобы, какимъ бы то ни было образомъ, приспособить

землю для человѣческаго жилья, потому что при отсутствіи горъ не могъ бы очищаться воздухъ, не могло бы поддерживаться теченіе рѣкъ, и земля должна была бы сдѣлаться или бесплодной равниной или стоячимъ болотомъ. Но очищеніе воздуха и питаніе рѣкъ еще наименьшія услуги, оказываемыя горами. Утолить жажду человѣческаго сердца красотой божественнаго творчества, пробудить его отъ оцѣпенѣнія возбужденіемъ глубокаго и чистаго чувства удивленія и восторга—вотъ въ чемъ ихъ высшее назначеніе. Онѣ, какъ великое и благородное произведеніе архитектуры, доставляютъ, прежде всего, убѣжище, удобство и покой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ разукрашены величественными сказаніями скульптуры и живописи. Нельзя взглянуть даже на самый обыкновенный горный пейзажъ, не придя къ заключенію, что въ связной системѣ горъ, все приспособлено къ тому, чтобы соединить, насколько возможно полнѣе и сжатѣе всѣ средства для пробужденія восторга и всѣхъ святыхъ чувствъ человѣческаго сердца: „насколько возможно“, т. е., насколько это совмѣстимо съ выполненіемъ проклятія, тяготѣющаго надъ всей землей. Смерть должна витать и надъ горами; жестокія бури разрушаютъ ихъ, и дикій шиповникъ и терновникъ пробиваются сквозь нихъ; но онѣ разрушаются какъ бы для того, чтобы придать своимъ скаламъ болѣе пышную форму, а кустарники пробиваются какъ бы для того, чтобы и самыя пустынные мѣста цвѣли, какъ розы. Даже и среди нашихъ горъ Шотландіи и Кумберланда, часто слишкомъ бесплодныхъ, чтобъ быть прекрасными и слишкомъ низкихъ, чтобъ быть величественными, поразительно много на ихъ лужайкахъ и долинахъ сосредоточено глубокихъ источниковъ для наслажденія; тутъ, вплоть до самыхъ незамѣтныхъ группъ цвѣтовъ и лѣнливо катящихся ручейковъ, вся душа природы какъ будто жаждетъ давать и давать и изливаетъ свою безконечную благодать съ такой терпѣливою щедростью и съ такой страстью, что даже величайшая наша наблюдательность и признательность кажутся не болѣе какъ презрѣніемъ къ ея благородству и равнодушіемъ къ ея любви. Но среди настоящихъ горъ высшаго порядка, божественная цѣль: затронуть разомъ всѣ способности человѣческой души, обнаруживается еще больше.

У подножія второстепенныхъ горъ, обыкновенно, до нѣкоторой степени прерывается, роскошная растительность долинъ. Какою

бы своеобразной прелестью не отличались сѣрыя плоскогорья южной Англии, безлѣсные „coteaux“ центральной Франціи, сѣрые, пере-сѣченные болотами, холмы Шотландіи, во всякомъ случаѣ, они лишены того, чѣмъ богаты лѣса и поля низменностей. Но высокія горы далеко оставляютъ за собою долины. Пусть читатель сначала вообразить себѣ внѣшній видъ наиболѣе разнообразной долины любой богато культивированной страны; пусть онъ представитъ себѣ ее притѣненной красивыми лѣсами и зеленѣющей густыми пастбищами; пусть онъ наполнитъ все ея пространство, до самаго края горизонта, безчисленными, разнообразными, жизненными сценами: по лугамъ пробѣгають веселые ручейки, группы котѣджей ютятся по берегамъ и по краямъ ласкающихъ взоръ тропинокъ и улицъ, поля оживлены счастливыми стадами и медленно двигающимися группами коровъ; и, когда читатель утомится этими безконечными картинами, переполнивъ все пространство чудными фантазіями своего воображенія, пусть онъ представитъ себѣ всю эту обширную долину, съ ея нескончаемыми красотами природы и счастливой человѣческой жизнью, собранной въ десницѣ Бога, съ края до края горизонта, какъ ткань одежды, и ниспадающей изъ нея глубокими складками, какъ мантия съ королевскихъ плечъ; причемъ всѣ свѣтлыя рѣчки начинаютъ бить водопадами надъ тѣми низинами, куда они текутъ, лѣса растутъ отлого на откосахъ, какъ отклонившійся всадникъ, когда конь его погружается передними ногами въ трясину; деревушки ютятся по новымъ изгибамъ горныхъ долинъ, всѣ пастбища изви-ваются по холмистымъ лужайкамъ, обрызганнымъ росой по кра-ямъ, причемъ облака, тамъ и сямъ, покоются наполовину на травѣ, наполовину въ воздухѣ, и этотъ величественный міръ дастъ читателю только фонъ картины великихъ Альпъ. И да-же самые чудные пейзажи низменности становятся очарова-тельнѣе при такой перемѣнѣ. Деревья, поднимавшіяся тяжело и медленно на ровной плоскости долины, пріобрѣтають удивительный отпечатокъ силы и граціи на горныхъ склонахъ; они дышатъ вольнѣе и свободнѣе раскидываютъ свои вѣтви, взбираясь все выше, лю-буются яснымъ свѣтомъ поверхъ самыхъ верхнихъ листьевъ своихъ собратьевъ-деревьевъ; цвѣты, которые на пахотной равнинѣ падаютъ подъ плугомъ, теперь находятъ для себя недоступныя мѣста, гдѣ,

изъ году, въ годъ соединяются въ счастливыя группы, не страшась никакого зла; и потоки, которые ползли по равнинѣ темной медленной струей, среди нездоровыхъ береговъ, теперь ниспадаютъ серебристымъ дождемъ, осѣненные радугой, и несутъ здоровье и жизнь всюду, куда только достигаютъ ихъ блестящія волны...

Поэтому далеко не бесполезно прослѣдить вкратцѣ характеръ тѣхъ трехъ великихъ назначеній, которыя предопредѣлено выполнять горнымъ цѣпямъ съ цѣлью поддерживать здоровье и содѣйствовать счастью человѣчества. Ихъ первое назначеніе несомнѣнно состоитъ въ томъ, чтобы придавать движеніе водамъ. Каждый потокъ и каждая рѣка, начиная съ ручейка въ дюймъ глубины, ручейка свѣтлаго и трепещущаго, пробѣгающаго и пересѣкающаго проселки, и кончая грандіознымъ и безмолвнымъ шествіемъ безконечнаго количества водъ Амазонки и Ганга, всѣ они обязаны своею подвижностью, своею чистотой и своею силой возвышеннымъ частямъ почвы. Возвышеніе земной поверхности, хотя бы отлогое и покатое, плоское или обрывистое, безусловно необходимо, чтобы любая волна могла добраться до первой осочки на ея пути. Но какъ рѣдко, бродя по берегамъ веселыхъ ручейковъ, мы вдумаемся въ то, какъ прекрасно и дивно это устройство, о которомъ свидѣтельствуетъ каждая былинка травы, колыхающаяся въ ихъ чистыхъ водахъ, какъ хорошо, что роса и дождь, падающіе на земную поверхность, не встрѣчаютъ мѣста застоя, а находятъ, напротивъ, опредѣленные русла, начертанныя для нихъ въ лощинахъ, куда онѣ шумно стекаютъ пѣнящимися струями, вплоть до темныхъ канавъ, окаймляющихъ берега пышныхъ пастбищъ низинъ, вокругъ которыхъ ихъ вола должна струиться медленно, среди стеблей и подъ листвою лилій и вплоть доложбинокъ, подготовленнымъ для ручейковъ, по которымъ, въ опредѣленное время, они должны постоянно спускаться, иногда медленно, иногда быстро, но только безостановочно. Участокъ земли, по которому они должны протекать, назначается для нихъ при каждомъ восходѣ солнца; мѣстность, знакомая имъ, становится чуждой, и заставы сторожевыхъ горъ, открывавшіяся для нихъ въ трещинахъ и пучинахъ, уже препятствуютъ ихъ дальнѣйшему полоничеству. А между тѣмъ, великое сердце моря издалика зоветъ ихъ къ себѣ! „Бездна призываетъ бездну“. Не знаю, что удивительнѣе: этотъ ли спокойный, постепенный, незамѣтный на-

клонъ открытой равнины, придающій движеніе потоку, или этотъ проходъ, продѣланный для него въ грядяхъ горъ и необходимый для здоровья непосредственно окружающей ихъ мѣстности, которая, безъ этого дивнаго приспособленія, роковымъ образомъ лишена была бы притока водъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Когда великій духъ рѣки впервые постучался въ эти твердыя, какъ алмазъ, ворота? Когда привратникъ отперъ и навсегда забросилъ ключи отъ нихъ въ крутящійся песокъ? Меня не удовлетворяетъ, да и никого не можетъ удовлетворить, неопредѣленный отвѣтъ: рѣка проложила себѣ путь. Нѣтъ, это не такъ. Рѣка нашла свой путь *). Я не допускаю, чтобы рѣки могли собственными силами проложить себѣ путь; онѣ скорѣе способны засорить русло, чѣмъ прорыть его. Предоставьте только рѣкѣ небольшую власть въ долинѣ и посмотрите, какъ она ею воспользуется. Она пророетъ себѣ русло? Отнюдь нѣтъ; она засоритъ его и самымъ дикимъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ образомъ предпочтетъ всякій другой путь старому. Если даже она будетъ окружена насыпью и принуждена держаться своего стараго русла, то и въ такомъ случаѣ не станетъ углублять его, но сдѣлаетъ все возможное, чтобы поднять его дно и выйти изъ него. И хотя всюду, при отвѣсномъ паденіи она быстро прокладываетъ себѣ глубокое русло въ камнѣ или въ землѣ, но если камень твердъ, то она проложить его не шире, чѣмъ это требуется въ крайней необходимости. Итакъ, если бы существующія русла рѣкъ, прорѣзывающія горныя цѣпи, были, дѣйствительно, проложены потоками, то они являлись бы въ формѣ узкихъ и глубокихъ лощинъ, какъ хорошо извѣстный форватеръ Ніагары подъ водопадомъ, а не въ видѣ пространныхъ долинъ. Но дѣйствительный трудъ настоящихъ горныхъ рѣкъ, иногда гораздо болѣе значительныхъ по количеству водъ, чѣмъ Ніагара, совсѣмъ ничтоженъ сравнительно съ площадью и глубиною долинъ, по которымъ онѣ протекаютъ; и хотя во многихъ случаяхъ кажется, что эти обширныя долины были прорыты въ сравнительно ранніе періоды болѣе сильными потоками, или нынѣ существующими потоками при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе, остается неизмѣнно очевиднымъ и столь же удивительнымъ тотъ знаменательный фактъ, что, каковы бы ни были свойства и какова бы ни была

*) Я придаю большое значеніе этому отрывку и имѣлъ случай настаивать на немъ въ моихъ послѣднихъ оксфордскихъ лекціяхъ.

продолжительность дѣйствующихъ вліяній, первоначальное устройство земли было приспособлено къ тому, чтобы направлять теченіе рѣкъ способомъ, наиболѣе здоровымъ и благопріятнымъ для человѣка. Руслу Роны могло бы быть по большей части прорыто въ раннія времена потоками, въ тысячу разъ большими, чѣмъ Рона, но оно совсѣмъ не было бы прорыто, если бы горы первоначально не были воздвигнуты двумя цѣпями, заставившими потоки течь въ данномъ направленіи. И не трудно понять, какимъ образомъ, при менѣе благопріятномъ расположеніи горныхъ массъ, материкъ земного шара или былъ бы покрытъ громадными озерами, какъ покрыта теперь часть Сѣверной Америки, или превратился бы въ пустыню не то злокачественныхъ болотъ, не то безжизненныхъ равнинъ, на которыхъ вода высыхала бы по мѣрѣ выпаденія, оставляя ихъ большую часть года пустынными. Такія области существуютъ, и существуютъ въ обширныхъ размѣрахъ. Не вся земля пригодна для жилища человѣка; для него приготовлена только незначительная частица ея, какъ бы обитель, изъ которой человѣчество можетъ смотрѣть вдаль, на остальной міръ, не съ удивленіемъ и ропотомъ на то, что не все пригодно для жилья, а съ благодарностью за чудное устройство самой обители по сравненію со всѣмъ остальнымъ. Было бы одинаково нелѣпо находить дурнымъ, что не весь міръ приспособленъ для нашего житья, какъ и считать зломъ то, что земной шаръ не больше того, что онъ представляетъ изъ себя въ дѣйствительности. Намъ очевидно предназначено для жилья столько мѣста, сколько это для насъ требуется, остальное же пространство, покрытое катящимися волнами или сыпучими песками, изборожденное льдомъ и увѣчанное огненнымъ гребнемъ, даю намъ для созерцанія его недоступнаго для жизни велпчія. И та часть, которую мы можемъ населять, обязана своею пригодностью для человѣческой жизни, главнымъ образомъ, цѣпямъ горъ, которыя, стряхивая съ себя излишній дождь при его паденіи, собираютъ его въ потоки и озера и шлютъ ихъ въ извѣстномъ направленіи въ извѣстныя мѣста, такъ что люди могутъ строить свои города среди полей съ увѣренностью, что они останутся всегда плодородными, и прокладывать свои торговые пути по рѣкамъ, которыя никогда не иссякнутъ.

И это управленіе движеніемъ водъ не ограничивается одной поверхностью земли; не менѣе важное назначеніе горъ заключается

въ направленіи потоковъ, ключей и родниковъ изъ подземныхъ резервуаровъ. Нѣтъ ничего чудснаго въ томъ, что вода бьетъ фонтаномъ изъ земли у нашихъ ногъ; но каждый родникъ и каждый колодезь пополняются изъ горныхъ резервуаровъ, размѣщенныхъ такъ, что самага легкаго паденія или давленія достаточно для обезпеченія постоянного притока воды. А неопѣнимая благодать дарованной намъ возможности докопаться во многихъ долинахъ до той точки, откуда вода можетъ подниматься постоянной струей до поверхности земли, всецѣло зависитъ отъ вогнутости ложа, продѣланнаго въ глины или въ скалахъ, возвышающихся по сторонамъ нѣдръ долинъ въ видѣ замкнутаго ряда горъ.

Второе великое назначеніе горъ—поддерживать постоянно измѣняющійся притокъ и различіе состава воздуха. Подобное измѣненіе, конечно, отчасти вызывается даже, при равной поверхности земли различіемъ почвъ и растительности, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ теперь, при существованіи цѣпей горъ, которыя съ одной стороны, выставя свои массы камня подъ солнечный припекъ (увеличивающійся отъ угла, подъ которымъ солнечные лучи ударяютъ на ихъ откосы), а съ другой стороны, отбрасывая мягкую тѣнь на долины, расположенныя у ихъ подошвы,—раздѣляютъ землю на области, различныя по своему климату и побуждаютъ постоянные потоки воздуха проходить по ихъ ущельямъ въ самомъ разнообразномъ состояніи. Онѣ, то увлажняютъ воздухъ брызгами своихъ водопадовъ, то впитываютъ его и разбрасываютъ въ разныя стороны, направляя къ водоемамъ своихъ источниковъ, замыкая въ трещинахъ и пещерахъ, куда никогда не проникаетъ единый солнечный лучъ и гдѣ онъ становится такъ же холоденъ, какъ холодны ноябрьскіе туманы; затѣмъ, горы снова выпускаютъ его и, давая возможность слегка подышать на откосахъ бархатистыхъ полей или раскалиться среди выжженныхъ солнцемъ залежей сланцеватой глины и скалъ, лишенныхъ растительности, стонущимъ вихремъ гонять его назадъ, сквозь разщелины льда, взвивая росистыми клубами поверхъ снѣжныхъ полей, пронизывая его дивными электрическими стрѣлами и брызгами вулкановъ, подбрасывая его вверхъ фантастическимъ бурнымъ облакомъ, какъ косцы подбрасываютъ сѣно, и только, когда онъ очистится и укротится, горы отпускаютъ его, наконецъ, освѣжить застоявшійся воздухъ отдаленныхъ долинъ.

Третье великое назначеніе горъ состоитъ въ томъ, чтобы производить постоянную перемѣну состава почвы. Безъ этого, воздѣлываемая земля, по истеченіи извѣстнаго количества лѣтъ, истощилась бы и потребовала бы тщательной перекопки со стороны человѣка. Но возвышенности земной поверхности доставляютъ ей постоянное обновленіе. Вершины высочайшихъ горъ дробятся на куски, которые спускаются внизъ массивными камнями, обильно содержащими въ себѣ, какъ мы уже видѣли, всѣ вещества, необходимыя для питанія растений; эти скатившіеся куски разрушаются, въ свою очередь, морозами и растираются потоками въ разнообразнаго рода пески и глины, которые тѣ же потоки непрерывно уносятъ все дальше и дальше отъ подошвы горъ. Каждый дождь, вздувающій рѣчку, даетъ возможность ея водамъ переносить извѣстное количество почвы на новыя мѣста и подвергаетъ новыя слои земли опасности быть подрытыми, въ свою очередь. Эта мутная пѣна гнѣвныхъ водъ, это отрываніе береговъ и скалъ по пути ихъ бѣшенаго теченія, не есть нарушеніе мирнаго хода природы; это благодатное дѣйствіе законовъ, необходимое для существованія человѣка и красотъ земли. Процессъ этотъ продолжается медленно, но не менѣе дѣйствительно и по всей поверхности менѣе волнистыхъ мѣстностей; и каждая струйка лѣтняго дождя, пробѣгающая по рыхлымъ лужайкамъ небольшой возвышенности, несетъ съ собою опредѣленную ношу земли, чтобы сбросить ее на какой-нибудь новый, естественный садикъ, образующійся тамъ, въ ложбинѣ.

Я не говорю о мѣстной и частной пользѣ горъ. Я не перечисляю то благотворное вліяніе, какое имѣетъ снабженіе лѣтнихъ источниковъ водами горныхъ высотъ, не указываю на разнообразныя цѣлебныя растенія, гнѣздящіяся среди ихъ скалъ, на сочныя пастбища, доставляемыя ими скоту, на лѣса, въ которыхъ онѣ выращиваютъ строевыя корабельныя деревья, на камни, которыми они насъ снабжаютъ для построекъ, или на минеральныя руды, собираемыя ими въ мѣстахъ, легко находимыхъ и удобныхъ для работъ. Всѣ эти выгоды имѣютъ второстепенное ограниченное значеніе; но три великія функціи—движеніе и перемѣны, производимыя ими въ водѣ, воздухѣ и землѣ, которыя я только что описалъ, необходимы для человѣческаго существованія. На нихъ нужно взирать съ великою благодарностью, какъ на законы, повелѣвающіе дереву давать плоды, а сѣменамъ размножаться по землѣ. И та-

кимъ образомъ, эти необитаемыя, грозныя цѣпи мрачныхъ горъ, на которыя, почти во всѣ времена, люди смотрѣли съ отвращеніемъ или съ ужасомъ и отъ которыхъ отступали, какъ будто надъ ними постоянно носился призракъ смерти, въ дѣйствительности являются источникомъ жизни и счастія въ гораздо большей и въ болѣе плодотворной степени, чѣмъ всѣ блестящія плодородныя долины. Долины только питаютъ, горы же питаютъ, защищаютъ и укрѣпляютъ насъ. Мы заимствуемъ наши идеи о безстрашіи и величіи то отъ горъ, то отъ моря; но мы несправедливо соединяемъ ихъ во одно. Морская волна, при всемъ своемъ благотворномъ воздѣйствіи, все уже опустошительна и ужасна; безмолвная же волна синей горы возвышается къ небу въ тишинѣ нескончаемаго милосердія; первая волнуется, бездонная въ своемъ мракѣ, вторая же непоколебима въ своей вѣрности, и обѣ онѣ хранятъ навѣки печать опредѣленнаго имъ символизма.

„Правда Твоя, какъ горы Божіи, и судьбы Твои—бездна великая“.

33. Горы, по отношенію къ остальной землѣ, имѣютъ такое же значеніе, какое сильное мускульное движеніе имѣетъ по отношенію къ человѣческому тѣлу. Мускулы и сухожилія горъ обнаруживаютъ свои дѣйствія съ силой и съ конвульсивной энергіей, полной выраженія, страсти и мощи; долины же и плоскогорья олицетворяютъ покой и безмятежное состояніе тѣла, когда мускулы находятся въ дремотѣ подъ покровомъ прекрасныхъ линій, но управляя каждымъ ихъ изгибомъ. Въ этомъ первый великій принципъ правды земли. Душа горъ полна дѣятельности; а душа долинъ—покою; но и тутъ есть извѣстное разнообразіе въ движеніи и въ покоѣ, начиная съ бездѣятельной долины, спящей, какъ твердь, съ городами, замѣняющими звѣзды, и кончая гордыми пиками, которыя, вздымая грудь, напрягая подвижные члены, украшаясь облаками, спускающимися словно волосы съ ихъ яснаго чела, возносятъ свои гигантскія руки къ небесамъ, говоря: „Мы живемъ вѣчно“.

34. Всюду *), гдѣ бы ни находились, онѣ образуютъ, повидимому,

---

*) Этотъ отрывокъ написанъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я сталъ нѣсколько хладнокровнѣе и мудрѣе, чѣмъ писавши отрывокъ 33; но, описывая, однако, вольнообразныя очертанія гранитныхъ горъ, которыя „всюду, гдѣ бы ни находились, образуютъ, повидимому, міръ“, я употребилъ это нѣсколько причудливое выраженіе, которое потому и не совсемъ удовлетворяетъ меня теперь.

міръ; не только этотъ берегъ рѣки здѣсь, или тропинка, выглядывающая тамъ, среди изгородей и лѣсовъ, но все, начиная съ самой низкой долины и кончая высочайшими облаками, принадлежить и подлежить алмаментову владычеству и суровой власти скалъ. Мы сами поддаемся впечатлѣнію этой вѣчной, непобѣдимой непреклонности ихъ силы. Ихъ масса, повидимому, менѣе всякой другой земной субстанціи, можетъ быть ослаблена или подчинена внѣшней силѣ. Но всмотрѣвшись въ нихъ ближе, мы замѣчаемъ, что все въ нихъ—движеніе и волненіе, какъ у волнъ при дуновеніи лѣтняго вѣтерка, и что ихъ рябь нѣжиѣ ряби моря или озера; стоитъ только волнѣ пробѣжать по ихъ поверхности, и скала дрожитъ всеми фибрами, какъ струны Эоловой арфы, какъ эхо дѣтскихъ голосовъ въ тихомъ весеннемъ воздухѣ. И отъ каждаго сотрясенія безпредѣльныхъ гребней и глубинъ бездонныхъ ущелей, странное содроганіе разливается въ самую глубь этихъ великихъ горъ. Другіе, болѣе слабые предметы, повидимому, выражаютъ свое подчиненіе Безконечной Силѣ только мимолетнымъ страхомъ. Когда трава склопается подъ порывами вѣтра, когда надъ вершинами высокихъ деревьевъ, передъ грозой, проносится шелестъ, и въ темной водѣ внезапно появляются болѣе свѣтлые круги, словно чья-нибудь невидимая рука бросила откудато въ нее горсть пыли, предупреждая о надвигающейся бурѣ, то мы легко можемъ вообразить, что содроганіе ужаса пробѣжало по травѣ, по листьямъ и по водѣ, въ присутствіи какого-нибудь великаго духа, имѣющаго власть даровать свободу урагану; но ужасъ проходитъ, и благодатный покой снова постепенно восстанавливается среди пастбищъ и волнъ. Не таковы горы. Какъ будто застрахованныя, на первый взглядъ, отъ боязни насилій или переворотовъ, онѣ обречены, однако, также нести на себѣ символъ постоянного страха. Дрожь, исчезающая на тихомъ озерѣ и на медленно скользящей рѣкѣ, запечатлѣвается на вѣки на скалѣ; и между тѣмъ, какъ предметы, видимо переходящіе отъ рожденія къ смерти, могутъ иногда забывать свою немощь, горамъ присуще постоянное воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, о томъ дѣтствѣ, которое пророкъ видѣлъ въ своемъ видѣніи *): „Смотрю на землю, — и вотъ она разорена и

*) Вполнѣ невѣрное объясненіе видѣнія пророка. Не дѣтство, а старость земли изображаетъ пророкъ Іеремія этими словами. Вѣрное толкованіе въ „Fors Clavigera“, письмо XLVI.

пуста, — на небеса, — и нѣтъ на нихъ свѣта. Смотрю на горы, — и вотъ онѣ дрожатъ, и всѣ холмы колеблются“.

35. Чѣмъ дольше я находился среди Альпъ и чѣмъ внимательнѣе изучалъ ихъ, тѣмъ сильнѣе меня поражалъ фактъ существованія обширной альпійской, плоской возвышенности или массы приподнятаго пространства, на которой почти всѣ самыя высокія вершины стояли, какъ дѣти, сидящія за столомъ, отодвинувшись, въ большинствѣ случаевъ, подалеже отъ края возвышенности, какъ бы изъ боязни упасть; между тѣмъ какъ самыя величественныя явленія въ Альпахъ происходятъ не столько вслѣдствіе нарушенія этого закона, сколько отъ того, что одна изъ величайшихъ вершинъ, по видимому, приблизилась къ краю стола, чтобъ заглянуть и, такимъ образомъ, вдругъ появилась надъ долиной во всемъ своемъ величій. Это случилось съ Ветергорнъ и Ейгеръ въ Гриндельвальдѣ и съ Грандъ Жорасъ надъ Коль де Ферре. Существованіе плоскихъ возвышенностей вполнѣ понятно даже и въ этихъ, по видимому, исключительныхъ случаяхъ; но большею частью великимъ вершинамъ не опредѣлено приближаться къ краю возвышенности, и онѣ должны оставаться, какъ сторожевыя башни замковъ, нѣсколько поодаль, окруженныя рядами сравнительно низкихъ возвышенностей, надъ которыми переплетаются и разстилаются ряды ледниковъ, пѣнясь у подножія темныхъ центральныхъ гребней, какъ громадный морской прибой, ревущій надъ закругленной скалой, обмывая нѣкоторыя среднія ея части. Результатомъ подобнаго устройства является какъ бы раздѣленіе всей Швейцаріи на возвышенный и низкій горный кряжъ, причемъ послѣдній состоитъ изъ роскошныхъ долинъ, окаймленныхъ крутыми, но легко доступными лѣсистыми грядами горъ, болѣе или менѣе отдѣленными оврагами, сквозь которыя видны частицы высокихъ Альпъ; возвышенная часть, послѣ первой гряды въ 3,000 или 4,000 футовъ, состоитъ изъ сравнительно равнаго, но болѣе пустыннаго пространства камней и площадокъ, поросшихъ верескомъ, частью покрытаго ледниками и разстилающагося вплоть до подножія настоящихъ вершинъ горной цѣпи. Едва ли нужно указывать на высочайшую мудрость и благодать подобнаго устройства, обезпечивающаго безопасность жителей высокихъ горныхъ областей. Если бы громадные пики разомъ поднимались съ самыхъ низкихъ долинъ, то каждый камень, сорвавшійся съ ихъ вершинъ, каждая свѣжная лавина, соскользнувшая съ ихъ усту-

повъ, разомъ спускались бы на населенное мѣсто, и въ теченіе многихъ лѣтъ люди не въ состояніи были бы загладить бѣдствій, причиненныхъ этими обвалами, такъ какъ и камни, и снѣгъ, при своемъ паденіи, увлекали бы за собой деревья съ горныхъ откосовъ, оставляя только обнаженные, голыя борозды тамъ, гдѣ теперь цвѣтущія луговины и пышныя аллеи каштановыхъ рощъ. Кромѣ того, массы снѣга, попавъ сразу въ болѣе теплую атмосферу, быстро растаяли бы и, превратившись въ потоки, вызвали бы страшный разливъ всѣхъ большихъ рѣкъ въ продолженіе мѣсяца или даже шести недѣль. А такъ какъ весь снѣгъ стаялъ бы и оставался бы только на высочайшихъ вершинахъ, въ области почти постояннаго мороза, то лѣтомъ рѣки питались бы только ключами и маленькими струйками, стекавшими съ вершинъ во время солнечныхъ дней. Рона, при подобныхъ обстоятельствахъ, была бы лѣтомъ не шире Северна, и многія швейцарскія долины оставались бы почти безъ влаги. Но всѣ эти невзгоды предотвращаются тѣмъ особеннымъ устройствомъ Альпъ, о которомъ мы говорили. Оторвавшійся кусокъ скалы, и льдина, соскользнувшая съ высокихъ вершинъ, вмѣсто того, чтобы ринуться прямо въ долину, задерживаются пустынными откосами, какъ бы плечами, которые всюду окружаютъ центральные гребни. Мягкія насыпи, которыми оканчиваются эти откосы, не лежатъ на пути падающихъ глыбъ и покрываются роскошными лѣсами, между тѣмъ, какъ снѣга, скопляясь на выступахъ находящихся надъ ними, въ климатѣ и не настолько жаркомъ, чтобы они быстро таяли, превращаясь въ ручьи, и не настолько холодномъ, чтобы предохранять ихъ отъ вліянія лѣтняго солнца, или образуютъ глетчеры, или остаются снѣжными полями, медленно тающими въ теченіе цѣлаго года; и въ обоихъ случаяхъ они снабжаютъ ближнія деревни и прилегающія къ нимъ пастбища постоянными и обильными источниками, а остальную Европу прекрасными судоходными рѣками.

Въ томъ, что подобное устройство есть наилучшее и самое разумное*), заключается, конечно, достаточное основаніе для его существованія и многимъ можетъ показаться, что дальнѣйшее изслѣдованіе относительно его происхожденія вполне бесполезно. Я же едва могу вообразить себѣ человѣка, стоящаго лицомъ къ лицу

*) Конечно, прежде чѣмъ высказать это сужденіе, я видѣлъ не мало попытокъ другого рода устройствъ.

съ одной изъ этихъ башенъ центральныхъ горъ и не задающаго себѣ вопроса: дѣйствительно ли передъ нимъ первоначальное созданіе Великаго Творца? Была ли эта страшная пропасть создана Его десницей, какъ Адамъ изъ праха? Были ли эти трещины и выступы высѣчены на ней ея Творцомъ, какъ буквы на скрижалахъ закона, и оставлены, какъ вѣчное свидѣтельство Его благодѣяній, среди этихъ небесныхъ облаковъ? Или это только потомокъ длиннаго поколѣнія горъ, существующихъ по опредѣленнымъ законамъ рожденія и роста, дряхлости и смерти? Отвѣтъ на это, несомнѣнно можетъ быть только одинъ. Сама скала внятно подсказываетъ его ропотомъ падающаго камня и разсѣкающихся вершинъ. Нѣтъ, не такова она была вначалѣ. Эти обширныя пространства у ея подошвы усыпаны обломками того, изъ чего она состояла. Изъ всѣхъ горъ, можетъ быть, именно на этихъ яснѣе всего видна печать разрушенія; вокругъ нихъ наиболѣе мрачно разбросаны памятники и ихъ величія и ихъ униженія.

Каковы же онѣ были вначалѣ? Единственный отвѣтъ на это: „Взгляни на облако!“

36. Среди низшихъ альпійскихъ горныхъ кряжей есть много мѣсть, такихъ, какъ Col de Ferret, Col d'Anterne и соединенная цѣпь Vuet, которыя, несмотря на свой внушительный видъ, полный благородства, какъ нельзя больше подходятъ къ типу всего наиболѣе мучительнаго для человѣческой души. Обширное пространство гористой площади *) покрыто тамъ и сямъ чахлой, сѣрой травой или мохомъ въ перемежку съ темными насыпями хрупкаго сланца, и блеститъ медленно текущими, нагроможденными, слабыми ручейками; снѣговая вода просачивается холодной влагой и разливается по пыли расплывающимися пятнами; порою, тамъ и сямъ, появляются трещины и пригоршни ихъ частицъ или слоевъ отпадаютъ и, неизвѣстно почему, сильнѣе размываются, оставляя послѣ себя нѣсколько зазубринъ, напоминающихъ остріе ножей, развѣденныхъ укусомъ, и которыя выступаютъ въ полувытѣсенной массѣ изъ внутреннаго слоя скалы; зубцы эти настоль-

*) Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ четвертаго тома „Современныхъ Живописцевъ“, и я повторяю слова Альберта Дюрера, высказанныя имъ, когда онъ былъ доволенъ своимъ произведеніемъ: „лучше того, какъ это сдѣлано, нельзя, въ данномъ случаѣ, ничего сдѣлать.“ Этотъ отрывокъ написанъ на „Col de Von Homme“.

ко остры, что могут порѣзать ногу или руку, опирающуюся на нихъ, но, поранивъ, они рассыпаются и скоро погружаются снова въ лоснящуюся, гладкую, липкую массу, напоминающую побережье, усѣянное черной чешуей мертвой рыбы, выброшенной на берегъ зачумленнымъ моремъ и спускающуюся въ гнилые овраги, развѣтвляясь необозримыми пустынными откосами, гдѣ вѣтеръ вѣчно бродитъ и реветъ, а снѣгъ лежитъ печальной заброшенной равниной, покрытой черной пылью, громоздясь полосами и пятнами на днѣ всей этой таящей ряби.

Я не знаю другого пейзажа, который былъ бы такъ ужасенъ во время бури и такъ печаленъ при солнечномъ сіяніи. Тамъ, однако, гдѣ тѣ же скалы находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, т.-е. расположены не столь возвышенной грядой онѣ образуютъ почву, пригодную для самой роскошной растительности; и долины Савойи обязаны имъ нѣкоторыми изъ своихъ наилучшихъ мѣстечекъ—роскошными пастбищами, пересекаемыми пахотными полями, и фруктовыми садами, отбѣняемыми орѣховыми и вишневыми рощами. Эти пейзажи и пейзажи только что передъ тѣмъ описанные представляютъ такую противоположность, что сопоставлены, повидимому, вмѣстѣ только для того, чтобы рѣзче обнаружили ихъ особенности, общія однако, извѣстнымъ залежамъ сланца, находящимся на одинаково значительной высотѣ и отличающимся значительной хрупкостью. Въ Валиссѣ и Шотландіи тѣ же самыя группы скалъ гораздо тверже и не достигаютъ такой высоты, и въ результатѣ получается полное различіе виѣшней картины. Суровость климата и сравнительная прочность скалъ мѣшаютъ роскошной растительности; но обнаженныя вершины, хотя и бесплодныя, не подвержены законамъ такого быстрого и страшнаго разрушенія какъ въ Швейцаріи, и естественный цвѣтъ скалъ чаще всего получается сѣровато-красный, который, вмѣстѣ съ верескомъ, составляетъ главные элементы глубокой и красивой, отдаленной синевы британскихъ горъ. Ихъ болѣе тихіе горные источники не разрушаютъ фантастическихъ каменныхъ грядъ, и постепенное дѣйствіе водопадовъ и водоворотовъ на расщелины сланца даютъ на переднемъ планѣ такія картины, которыхъ не увидишь на высокихъ горахъ.

37. Маттергорнскія скалы еще не носятъ слѣдовъ разрушенія, какъ вершины Шамуни. Онѣ не представляютъ изъ себя оторванныхъ частей отдѣльныхъ остроконечныхъ вершинъ, уступающихъ

клочекъ за клочкомъ, полосу за полосой непрерывному процессу разрушенія. Напротивъ, это неизмѣнившійся памятникъ, повидимому, изваянный давнымъ-давно, громадныя стѣны котораго сохранили и до сихъ поръ свою первоначальную форму и стоятъ подобно египетскому храму съ изящнымъ фасадомъ и нѣжными отѣнками красокъ. Въ теченіе безчисленнаго множества лѣтъ, солнце восходитъ и заходитъ надъ ними, бросая и донинѣ одну и ту же линію тѣней отъ востока къ западу, и до сихъ поръ, въ теченіе вѣковъ, касаясь тѣхъ же самыхъ пурпуровыхъ красокъ на столбахъ, напоминающихъ лотусъ; между тѣмъ, пустынный песокъ волнуется у ихъ подошвы, какъ и осенніе листья скалъ, лежація обезсиленными кучами у основанія Кервина.

И не удивителенъ ли такой типъ скалъ въ самомъ сердцѣ и на высотѣ таинственныхъ Альпъ—этихъ морщинистыхъ холмовъ съ ихъ снѣжной, холодной, сѣдловасой старостью; сначала онѣ кажутся безмолвными, но стоитъ лишь постоять спокойно у ихъ подошвы, какъ вы услышите торопливый шепотъ, безсвязную, сонную, порывистую рѣчь, какъ будто разговоръ о ихъ дѣтствѣ. Не удивителенъ ли этотъ типъ, который въ слабости обрѣлъ силу? Что подумала бы одна изъ этихъ слюдистыхъ песчинокъ, волнующаяся, блестящая трепещущая въ водоворотѣ древней рѣки, слишкомъ легкая, чтобы погрузиться на дно, слишкомъ слабая, чтобы плыть, почти невидимая для глазъ,—что подумала бы она, когда опускалась съ родственною ей грязью въ бездну потока и залегая (не преднамѣренно ли?) какъ бы навѣки и безнадежно въ темной тинѣ, она, наиболѣе пренебрегаемая, забытая и слабая изъ всѣхъ земныхъ частицъ, не способная ни на что полезное, ни на какую перемѣну, не годная и въ этомъ діавольскомъ мракѣ даже на то, чтобы помочь земляной осѣ сооронить себѣ гнѣздо или послужить пищей первымъ волокнамъ моха; что, повторяю, подумала бы она, если бы ей сказали, что когда-нибудь изъ ея вещества и изъ вещества подобныхъ ей песчинокъ, окрѣпшаго, какъ несокрушимое желѣзо, неспособнаго ни ржавѣть на воздухѣ, ни плавиться въ огнѣ, что изъ этого вещества сѣкира Бога высѣчетъ эту альпійскую башню? Что въ борьбѣ съ ней—этой бѣдной, безпомощной песчинкой—буйный вѣтеръ будетъ тщетно бушевать; что подъ нею — подъ этой глубоко навшей частичкой слюды — снѣжныя

горы будутъ лежать, какъ стада овецъ, а царства земныя—исчезать въ безпредѣльной синевѣ; что вокругъ нея, вокругъ этой слабой, вѣтромъ гонимой песчинки слюды—будутъ разражаться грозой необъятима рати тверди небесной не покачнувъ ее; что огненные стрѣлы и гнѣвные ночные метеоры будутъ отскакивать отъ нея въ воздухъ; и всѣ звѣзды на ясномъ небѣ, при восходѣ своемъ, зажгутъ одинъ за другимъ новые маяки на снѣжныхъ вершинахъ, окаймляющихъ ея мѣстопробываніе на несокрушимой вершинѣ?

ОТДѢЛЪ VI.

Камни.

38. Нѣтъ предметовъ въ природѣ, отъ изученія которыхъ можно было бы почерпнуть столько знаній, сколько отъ изученія камней. Они, какъ будто, созданы исключительно для того, чтобы вознаграждать терпѣливаго наблюдателя. Почти всѣ предметы могутъ быть, до нѣкоторой степени, разсмотрѣны безъ напряженнаго вниманія и нравиться даже при поверхностномъ взглядѣ. Деревья, облака и рѣки радуютъ взоръ даже при небрежномъ отношеніи къ нимъ, но объ камень, попадающійся вамъ подъ ноги, при невниманіи, можно только споткнуться; онъ не способенъ доставить ни радости, ни пищи, ни, вообще, какого-бы бо ни были блага, и можетъ служить только символомъ черстваго сердца, а не сердечнаго дара. Но не откажите ему въ долѣ вниманія и уваженія, и въ немъ найдется больше пищи для плодотворныхъ мыслей, чѣмъ въ какой-либо другой скромной сферѣ мірозданія, потому что камень, если внимательно разсмотрѣть его, окажется горою въ миниатюрѣ. Тонкость работы природы такъ велика, что въ простой глубѣ величиной въ одинъ или двѣ фута въ діаметрѣ, она можетъ дать въ сжатомъ видѣ и въ маломъ размѣрѣ такое же разнообразіе формъ и строеній, какое ей требуется для горъ въ большихъ размѣрахъ; но, замѣняя лѣса мохомъ, а утесы зернами кристалловъ, поверхность камня, въ большинствѣ случаевъ, интереснѣе поверхности обыкновенныхъ горъ; она фантастичнѣе по формѣ и несравненно богаче красками.

39. Въ горныхъ странахъ, на откосахъ, произрастаютъ многочисленныя группы папортника и вереска; альпійская же возвышенность покрыта каштановыми и сосновыми рощами. Количество предметовъ и тамъ и здѣсь можетъ быть одно и то же, но чувство безконечнаго въ послѣднемъ случаѣ гораздо сильнѣе, потому что количество состоитъ изъ болѣе благородныхъ предметовъ. Дѣй-

ствительно, поскольку величина пространства, застилаемого горизонта, служить мѣриломъ предметовъ, постолько возвышенная гряда земли въ десять футовъ вышины, если мы остановимся у ея подошвы, можетъ занять какъ разъ такое же пространство неба, какъ и горная цѣпь въ Willeneuve; болѣе того, иногда маленькіе овраги и откосы, при помощи воображенія, могутъ сдѣлаться для насъ удовлетворительными представителями тѣхъ же предметовъ большой горы; относя же всякую горную почву, разрушаемую водой, къ общему и скромному разряду „насыпей“, я подразумѣваю соотношеніе въ строеніи между самыми малыми высотами и самыми большими возвышенностями. Но въ этомъ вопросѣ о величинѣ произрастаній, различіе опредѣлено разъ навсегда ихъ положеніемъ. Куча земли несетъ нѣсколько клочковъ моха или пучковъ травы; на Кумберландской возвышенности растетъ медовый верескъ или пахучій папортникъ; а на громадномъ возвышеніи Мартиньи или Вильневъ, въ каждой трещинѣ скалъ растетъ виноградникъ, а всѣ гребни ихъ покрыты каштанами. Небольшія насыпи и впадины, расположенныя на откосѣ этого большого мыса, если къ нимъ, дѣйствительно, приблизиться послѣ трехъ или четырехъ часового подъема, превращаются въ самостоятельныя горы, съ настоящими парками, прекрасными пастбищами и цѣлымъ рядомъ каштановыхъ, орѣховыхъ и сосновыхъ аллей, огибающихъ ихъ основанія; между тѣмъ, какъ въ болѣе глубокихъ ложбинахъ густо населенныя деревни буквально привязаны къ скалѣ громадными стволами виноградныхъ лозъ, которыя первоначально безобидно росли надъ неприкрѣпленными каменными крышами, но съ годами раскинули свою обремененную плодами сѣть надъ всей деревней и, благодаря своему пурпуровому бремени и пѣпкимъ кольцамъ своихъ стеблей, прикрѣпили ее къ почвѣ болѣе прочно, чѣмъ сѣти лстеца когда-либо прикрѣпляли къ землѣ человѣческое сердце.

40. Когда обломокъ скалы лежитъ, въ теченіе извѣстнаго времени, предоставленный вліянію атмосферы, то природа преобразовываетъ его по своему. Сначала она хлопочетъ изо всѣхъ силъ надъ его формой, высѣкая на немъ съ изысканнымъ разнообразіемъ нарѣзки и выемки, округляя или продавливая его съ изяществомъ, недоступнымъ человѣческой рукѣ, затѣмъ она окрашиваетъ его, и каждый ея штрихъ оставляетъ на немъ не крася-

щій порошокъ, смѣшанный съ масломъ, а миниатюрный лѣсокъ съ живыми деревьями, дивный по своей силѣ, красотѣ и по чудесамъ структуры.

41. На обломкахъ скаль, въ кристаллическихъ группахъ мхи, на переднемъ планѣ, повидимому, сознательно и разумно принимаются за свою работу, состоящую въ томъ, чтобы произвести такую дивную гармонію красокъ, какая только возможна для нихъ. Они не хотятъ скрыть форму камня, но стремятся образовать на немъ небольшія темныя выпуклости въ видѣ маленькихъ бархатныхъ подушечекъ, сотканныхъ изъ темнорубиновыхъ и золотыхъ шелковыхъ нитей и покоящихся на болѣе скромной сѣровато-бѣлой пеленѣ съ слегка сморщенными и завитыми краями, напоминающей снѣжный налетъ на опавшихъ листьяхъ. Крошечныя группы прямо стоящихъ, оранжевыхъ стебельковъ съ остроконечными верхушками, и темно-зеленыя, золотистыя и темно-красныя волокна, переходящія въ черныя, сотканы вмѣстѣ и съ невообразимой изысканностью нѣжно покрываютъ все неровности облюбованнаго ими камня, пока не разукрасятъ его столькими красками, сколько онъ можетъ ихъ вмѣстить. И вмѣсто того, чтобы имѣть видъ шероховатый, холодный, грубый, или вообще, свойственный камню, онъ кажется покрытымъ мягкой, темной, леопардовой шкурой, расшитой пурпуровыми и серебрястыми арабесками.

42. Цвѣтъ бѣлыхъ разновидностей мрамора чрезвычайно мягокъ отчасти вслѣдствіе прозрачности чистаго камня. Мнѣ всегда казалось крайне удивительнымъ явленіемъ и однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ доказательствъ сознательности творенія,—что все пестрые виды сравнительно не прозрачны, тогда какъ бѣлый камень, который при непрозрачности казался бы нѣсколько грубоватымъ (какъ, напримѣръ, простой мѣль) обыкновенно, какъ разъ настолько прозраченъ, чтобы произвести впечатлѣніе чрезвычайной чистоты, но не настолько, чтобы представлять малѣйшую дисгармонію съ тѣми формами, въ которыя онъ вкрапленъ. Цвѣта пестраго мрамора тоже по большей части очень красивы, въ особенности, когда состоятъ изъ пурпуроваго, янтарнаго и зеленаго съ бѣлымъ, и, повидимому, очень много есть привлекательнаго для человѣческаго ума въ этомъ неопредѣленномъ, испещренномъ жилками лабиринтѣ ихъ системы.

43. Мнѣ очень часто приходилось ссылаться на видимую связь между блескомъ цвѣта и жизненной мощью, или чистотою вещества. Послѣдняя встрѣчается преимущественно въ царствѣ минераловъ. Совершенство, съ ксторымъ кристаллизуются частицы извѣстнаго вещества, соотвѣтствуетъ въ этомъ царствѣ жизненной силѣ въ органической природѣ; и по міровому закону красота и блескъ вещества соотвѣтствуютъ чистотѣ и энергіи его кристаллизаціи. Чистыя земли всегда бѣлы, когда приведены въ состояніе порошка; и тѣ же самыя земли, замѣщающія глину и песокъ, кристаллизуются въ изумруды, рубины, сапфиры, аметисты и опалы.

44. Проходя среди горъ, претергѣвшихъ землетрясеніе и поврежденныхъ имъ, мы находимъ, что за періодами разрушенія слѣдуютъ періоды совершеннаго покоя. Свѣтлыя вмѣстилища тихой воды покоятся среди оторванныхъ глыбъ скалъ; здѣсь сверкаютъ водяныя лиліи, и камышь перешептывается подъ тѣнью этихъ обломковъ; деревни снова возрождаются на забытыхъ могилахъ, и ихъ колокольни, бѣлѣющіяся при заревѣ молній, снова призываютъ покровительство Того „въ Чьихъ рукахъ глубины земли и вершины горъ“. Нѣтъ ни одной чудной Альпійской долины, которая не преподавала бы намъ того же самаго наставленія. Гдѣ „оторванныя горы разрушаются и скалы перемѣщаются съ прежнихъ своихъ мѣстъ“, тамъ именно, съ теченіемъ времени, образуются прекрасные луга среди обломковъ, а въ расщелинахъ, среди цвѣтовъ, слышится журчанье свѣтлыхъ ручейковъ, и подъ охраной мшистаго камня, теперь упорно неподвижнаго, ютятся хижины, окруженные стадами, которымъ нечего опасаться ни нападеній орла, ни хищныхъ преслѣдованій волка; на лицевой сторонѣ каждой хижины начертаны простыя слова древняго обѣта, этотъ Символь вѣры каждаго горца: „и полевые звѣри не будутъ пожирать ихъ; они будутъ жить безопасно, и никто не будетъ утрапнать ихъ“.

ОТДѢЛЪ VII.

Растенія и цвѣты.

45. Дивно все ежедневно приготавливаемое Богомъ для удовлетворенія нуждъ, желаній и воспитанія человѣка, здѣсь на землѣ какъ съ ея прекрасными средствами для его жизни. Прежде всего— коверъ, чтобы земля была мягкой; потомъ фантастическіе разноцвѣтные узоры на ней, высокій навѣсъ листвы, такъ и для защиты человѣка отъ солнечнаго зноя и отъ падающаго дождя, того, чтобы дождь не испарялся быстро въ облака, а оставался и питалъ источники, протекающіе среди моха. Могущее дерево, несущее эту листву, дерево, легко срубаемое, но прочное и легкое для постройки домовъ и для изготовленія разныхъ орудій (древка для копья или ручки для плуга, смотря по склонностямъ человѣка) не годилось бы, будь оно болѣе твердо менѣе волокнисто, или менѣе эластично. Наступаетъ зима и опадаетъ листва, чтобы дать возможность солнцу пригрѣвать землю, но крѣпкіе сучья остаются и противятся силѣ зимняго вѣтра. Сѣмена для продолженія рода—безчисленны, смотря по надобности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасны, вкусны; они безконечно разнообразны и удовлетворяютъ какъ запросамъ фантазіи, такъ и нуждамъ человѣка; холодный сокъ, жидкую пряность, бальзамъ или ладанъ, смягчающія масла, предохраняющую резину, вязущія, противолихорадочныя, наркотическія средства — все это даютъ они въ формахъ, безконечно измѣнчивыхъ. Слабость и сила, нѣжность и твердость всевозможныхъ степеней и видовъ; безукоризненная прямота, какъ въ колоннахъ храмовъ, ничѣмъ не руководимое блужданіе слабыхъ усиковъ, стелящихся по землѣ; мощное сопротивленіе упругихъ вѣтвей и корней въковымъ бурямъ или колыханіе, соотвѣтственное слабому журчанію лѣтняго ручейка; корни, пробивающіе мощь скалъ или связующіе сыщ-

честь песковъ, верхушки, грѣющіяся на солнечномъ припекѣ пустынь или скрывающіяся при наступленіи весны въ темныхъ подземельяхъ; листва, раскидывающая свои переплетенныя сѣти далеко за предѣлы каждой волны океана, прикрывающая самыми разнообразными вѣковѣчными нитями вершины недоступныхъ горъ, или у дверей котѣджей осѣняющая всѣ самыя нѣжныя страсти и простѣйшія радости человѣчества.

46. Если когда нибудь осенью на насъ нападетъ раздумье при видѣ разносимыхъ вѣтромъ увядшихъ листьевъ, то, не благоразумнѣе ли обратить вниманіе на ихъ чудные памятники? Всмотритесь, какъ прекрасны, какъ просторны стали въ верхъ и въ ширину сельскія аллеи и опушки горъ! Какъ онѣ величественны и вѣчны; являясь радостью человѣка, утѣшеніемъ всѣхъ живыхъ существъ, славой земли — онѣ служатъ только памятниками этихъ жалкихъ листьевъ, разносимыхъ сегодня передъ нашимъ взоромъ. Пусть же и ихъ послѣдній совѣтъ и примѣръ не останутся безслѣдными и для насъ, пусть мы, ни мало не заботясь о памятникахъ на нашихъ могилахъ, воздвигнемъ и себѣ въ мірѣ такой памятникъ, который бы научилъ людей вспоминать не то мѣсто, гдѣ мы погребены, а то — гдѣ мы жили.

47. Сосна.—Дивная, порою даже почти ужасная. Другія деревья, группами покрывающія скалы и горы, примѣняясь къ требованіямъ формъ и свойствъ почвы, одѣваютъ ее съ нѣжной угодливостью и являются отчасти ея подчиненными, отчасти ея льстепцами и утѣшителями. Сосна же возвышается всегда непреклонная и сдержанная. Я никогда не могу безъ чувства благоговѣнія долго простоять подъ великимъ альпійскимъ утесомъ, вдали отъ всякаго жилья или любого человѣческаго сооруженія, и безъ благоговѣнія видѣть ихъ подругъ, этихъ сосенъ, стоящихъ мирной толпой на неприступныхъ, опасныхъ выступахъ громадной стѣны; каждая изъ нихъ похожа на тѣнь сосѣдней, стоящей сзади, и всѣ онѣ такія прямыя, стройныя, прозрачныя, какъ сонмы духовъ на стѣнахъ подземнаго царства, не знающіе другъ друга и безмолвные отъ начала вѣка. Вы не можете достигнуть ихъ, не можете крикнуть имъ; эти деревья никогда не слышатъ человѣческаго голоса; они находятся далеко за предѣлами всякаго звука, кромѣ развѣ рева вѣтра. Никогда упавшія иглы ихъ не попирались ничьей ногой; онѣ стоятъ безотраднo между двумя вѣчностями, между пустотой и скалой, но обладаютъ такой

желѣзной волей, что сами скалы какъ будто преклоняются передъ ними и кажутся хрупкими, слабыми и неустойчивыми сравнительно съ мрачной энергіей ихъ нѣжной жизни и монотонностью ихъ обворожительной гордости, необъятной и непобѣдимой. Замѣтите далѣе совершенство сосенъ. Насколько я могу судить, большинство людей составило свое понятіе о соснахъ скорѣе по рисункамъ, чѣмъ по живымъ деревьямъ, и потому считаетъ ихъ корявыми, тогда какъ сосна въ здоровомъ, цвѣтущемъ состояніи, главнымъ образомъ, отличается своею стройностью. Она плотна, какъ любая изъ ея шишекъ, слегка сплюснута съ боковъ, законченна величественна, какъ самое лучшее дерево въ какомъ-нибудь Елизаветинскомъ саду; и вмѣсто того, чтобы поражать суровостью, она придаетъ оттѣнокъ большей мягкости любому лѣсному пейзажу, потому что у другихъ деревьевъ видны стволы и искривленные вѣтви, у сосны же, растеть ли она роскошными группами или пребываетъ въ блаженномъ уединеніи, не видать сучьевъ. Все выше и выше поднимаются ихъ пирамидальные ряды, или же вплоть до самой травы сгибаются круги ихъ суковъ, такъ что видны только зеленый конусъ и зеленый коверъ. Листва сосны не только мягче, но въ одномъ отношеніи и веселѣ всякой другой листвы, потому что отбрасываетъ только пирамидальную тѣнь. Лѣса низменности образуютъ своды надъ головою и испещряютъ почву темными пятнами; но сосна, растущая разсѣянными группами, оставляетъ просѣки среди изумруднаго блеска. Ея мракъ, весь ея собственный; суживаясь къ небу, она пропускаетъ солнечные лучи, осушающіе росу. Если среди просѣкъ сосноваго лѣса меня иногда и охватываетъ суевѣрное чувство, то всегда безъ оттѣнка страха, вызываемаго древними германскими лѣсами, а только какъ болѣе торжественное волшебное очарованіе, чѣмъ пробуждаемое нашими англійскими лугами, такъ что самую красивую сосновую просѣку въ Шамуни, я называлъ всегда „Волшебной Ложбиной“. Она находится въ долинѣ, подъ крутымъ подъемомъ за Pont Pelissier, и добраться до нея можно по извиистой тропинкѣ, идущей внизъ отъ вершины горы *); въ сущности, это не настоящая долина, а широкая залежь мха и торфа, закан-

*) Новая дорога въ Шамуни проведена какъ разъ по этой долинѣ. Направо при подъемѣ, водопадъ указываетъ мѣсто, о которомъ говорится въ текстѣ—когда-то такое уединенное, какъ Corrie-nan-shian.

чивающаяся значительной пропастью (которую, однако, скрывают легкія вѣтви) по ту сторону Арвы. На концѣ ея возвышается почти отдѣленный каменистый мысъ. Другая сторона ея окаймлена утесами, съ которыхъ небольшой водопадъ ниспадаетъ буквально среди сосенъ; онъ разсыпается на солнцѣ въ жемчужный дождь и до того легкокъ, что сосны не отличаютъ его отъ тумана и растутъ себѣ, не безпокоемая его паденіемъ. Внизу — безмолвное, покрытое мохомъ пространство, а вверху — вѣчный снѣгъ на безымянномъ шпигѣ.

Другія деревья поднимаются къ небу точками и пучками, сосна же бахромой. Вы никогда не увидите ея вершинъ, до того онѣ тонки, и потому, насколько мнѣ извѣстне, ни одно другое дерево не способно на тѣ переливы огненного блеска, которые были замѣчены еще Шекспиромъ. Если солнце восходить за вершиной, увѣчанной соснами, и вершина эта находится на разстояніи приблизительно двухъ миль и ясно видна, то всѣ три или четыре ряда деревьевъ на солнечной сторонѣ покажутся вамъ деревьями, полными свѣта, яркимъ пламенемъ выступая на фонѣ темнаго неба и сверкая, какъ само солнце. Сначала я думалъ, что это зависитъ отъ дѣйствительнаго блеска листвы, теперь же я увѣренъ, что это дѣло облачнаго тумана, покрывающаго ее и превращающаго каждую маленькую иглу въ брилліантъ. Кажется, будто эти деревья, живущія постоянно среди облаковъ, заимствовали и часть ихъ славы, и даже пышная листва ихъ можетъ, повидимому, только усилить дивный блескъ самого солнца.

48. Швейцарецъ относительно своихъ горъ несомнѣнно не испытываетъ нашихъ чувствъ. Утесы Ротслога, скорѣе какъ охраняющая крѣпость, чѣмъ какъ чудное зрѣлище, властвуютъ надъ судьбой людей, живущихъ у ихъ подножія. Горцы должны быть благодарны откосамъ Муотской долины за пріобрѣтеніе здоровыхъ, легкихъ и крѣпкихъ ногъ гораздо больше, чѣмъ за пріобрѣтеніе возвышенныхъ идей. Но здѣсь я хочу обратить вниманіе читателя на то, что пейзажъ, хотя, повидимому, и производитъ впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей, но это впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ, не похоже на испытываемое нами, когда мы вступаемъ въ эту область. Ни ихъ озера, ни утесы, ни ледники, которые, хотя и являются характерной особенностью мѣстности, не дали своего имени тремъ почтеннымъ кантонамъ. Ихъ называли не скалистыми, или озерными, а

назвали лѣсными кантонами. И одинъ изъ этихъ трехъ кантоновъ, сохранившій наиболѣе трогательное повѣствованіе о духовной силѣ швейцарской религіи въ названіи „Горы ангеловъ“, носить все-таки нѣжное дѣтское имя „Подъ лѣсами“ (Унтервальденъ).

Идѣйствительно, вы можете пройти подъ ними, если, оставивъ въ сторонѣ наиболѣе священное мѣсто въ швейцарской исторіи— „Долину трехъ фонтановъ“, вы попросите лодочника грести къ югу вдоль берега залива Ури. Тутъ крутизны западной его стороны возвышаются стѣной своихъ утесовъ къ небесамъ. Далеко въ синевѣ вечера, какъ обширный полъ собора, разстилается темное озеро, и вы можете слышать шопоть безчисленныхъ водъ, ниспадающихъ съ впадинъ скалы, напоминая тихій шопоть толпы молящихся. Время отъ времени ударъ волны, медленно поднимающейся тамъ, гдѣ скалы наклоняются къ черной пропасти, грустно замираетъ, какъ послѣдняя нота заупокойной молитвы. На противоположной сторонѣ, покрытой зеленой, сочной травой и сельскими домиками возвышается Фронъ-Альпъ, въ торжественномъ блескѣ идилическаго свѣта и мира; а выше, въ полусвѣта облаковъ, какъ привидѣнія надъ сѣрою пропастью, стоятъ мириады за мириадами мрачныя арміи Унтервальденскихъ сосенъ.

49. Была бурная погода, когда я выѣхалъ изъ Рима и надъ всей Кампаньей по фосфорисцирующей синевѣ неслись тучи; изрѣдка раздавались удары грома, и отрывистые проблески солнца вдоль водопровода Клавія освѣщали безконечные его своды, словно мость хаоса.

Но когда я взбирался на крутизну Альбанской горы, буря окончательно пронеслась къ сѣверу, и благородныя линіи соборовъ Альбано, и пріятный мракъ ея остролистной рощи обрисовывались на фонѣ полосъ, голубыхъ и янтарныхъ, въ то время какъ верхняя часть неба постепенно, сквозь послѣдніе остатки грозовой тучи, сливалась съ глубоко трепещущей лазурью, полуэфирной и полублачной. Полуденное солнце, скользя внизъ по скалистымъ откосамъ La Riccia, обливало своими лучами, словно дождемъ, ихъ переплетшіяся массы высокой листвы, осенняя окраска которой смѣшивалась съ влажной зеленью безчисленныхъ молодыхъ. Я не рѣшаюсь назвать это краской—это было просто пожарище. Пурпуровыя, малиновыя, багряныя, какъ завѣсы божественной Скини, эти радостныя деревья спускались въ долину ливнемъ свѣта, при-

чемъ каждый отдѣльный листъ трепеталъ легкой, пламенѣющей, сгорающей жизнью, стараясь отразить или передать солнечный закатъ, сперва напоминавшій факель, а затѣмъ—изумрудъ. Вдали, въ углубленіяхъ долины, зеленыя просѣки выдавались, словно гребни мощныхъ волнъ кристаллически чистаго моря, усѣянные цвѣтами толокнянки, обрызгивающими ихъ берега, какъ бы пѣной, и серебристыми хлопьями апельсиновыхъ деревьевъ раскинувшихъ свои вѣтви въ воздухѣ кругомъ, пробиваясь сквозь расщелины сѣрыхъ скалъ мірадами отдѣльныхъ звѣздочекъ, потухавшихъ и заживавшихся, по мѣрѣ того, какъ слабый вѣтерокъ подымалъ или нагибалъ ихъ. Каждая былинка травы горѣла, какъ и золотистый сводъ неба, при каждомъ внезапномъ проблескѣ, въ просвѣтахъ листы и снова потухала какъ молнія, прорѣзывающая облака при закатѣ солнца. Неподвижныя массы мрачныхъ скалъ, мрачныхъ, хотя и испещренныхъ багряными лишаями, отбрасывали свою мирную тѣнь на мятежный лучезарный блескъ и фонтанъ внизу ихъ наполнялъ свой мраморный водоемъ голубой мглою и жалобнымъ, безпкойнымъ ропотомъ; а надо всѣмъ этимъ безчисленныя каймы амбры и розъ—священныя облака, чуждыя мрака и существующія только для того, чтобы все освѣщать—то появлялись среди торжественнаго покоя каменистыхъ сосенъ, то исчезали, теряясь въ послѣднемъ, бѣломъ, ослѣпительномъ блескѣ неизмѣримой линіи сліянія Кампаньи съ пламенѣющимъ моремъ.

50. Цвѣты. Цвѣты какъ будто предназначены для отрады простаго человѣчества: дѣти любятъ ихъ; тихіе, довольные люди любятъ когда они растутъ; богатые и безпечные люди находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы собирать ихъ; они цѣнятся, какъ сокровища, въ деревенской избѣ, а въ населенныхъ городахъ отмѣчаютъ, какъ бы частицей радуги, тѣ окна рабочихъ, въ сердцахъ которыхъ покоится завѣтъ мира.

51. Немногіе люди, однако, дѣйствительно дорожатъ цвѣтами. Многіе, правда, любятъ находить новые виды цвѣтовъ и интересуются ими, какъ дѣти интересуются калейдоскопомъ. Многіе также любятъ красивыя выставки цвѣтовъ въ оранжереяхъ, какъ любятъ хорошую сервировку стола. Многіе находятъ научный интересъ, но и то больше въ номенклатурѣ ихъ, чѣмъ въ самихъ цвѣтахъ; и не многіе восхищаются своими садами... Въ періодъ цвѣтенія садовъ, который преимущественно бываетъ весной, я замѣчаю, что

большинство общества предпочитаетъ оставаться въ городахъ. Годъ или два тому назадъ, одинъ изъ моихъ друзей, человѣкъ эксцентричный и умный, забралъ себѣ въ голову нарушить этотъ національный обычай, рѣшивъ отправиться весною въ Тироль. Когда онъ проѣзжалъ по долинѣ близъ Landeck съ такими же, какъ и онъ, упрямыми товарищами, имъ вдали представилась странная гора, оцоясанная голубымъ поясомъ, какъ англійская королева. Голубое ли это облако или появившаяся снова голубая горизонтальная полоса въ воздухѣ, которую Тиціанъ открылъ въ юности и которую, можетъ быть, никто больше никогда не увидитъ? Или это миражъ, метесръ? Останется ли онъ при приближеніи (между нимъ и подошвой горы было миль десять)?—вотъ вопросы, задававшіеся по поводу этого пояса. Одинъ только мой умный другъ утверждалъ, что это нѣчто вещественное. „Что бы то ни было, но это не исчезнетъ, говорилъ онъ. Итакъ, экипажъ былъ оставленъ, десять миль пройдено, и путешественники добрались до того мѣста горы, гдѣ спокойно цвѣла еще болѣе роскошная и яркая, чѣмъ казавшаяся издали, гряда горчанки. Такія вещи можно видѣть дѣйствительно среди Альпъ весной, и только весной, и не смотря на это, люди предпочитаютъ путешествовать осенью.

52. Можетъ быть, немногіе люди задавали себѣ вопросъ, почему они восхищаются розой больше, чѣмъ всѣми другими цвѣтами? Подумавъ, они найдутъ, во-первыхъ, что красный цвѣтъ, определенной, нѣжной густоты — пріятнѣе всѣхъ остальныхъ чистыхъ цвѣтовъ, и, во вторыхъ, что въ розѣ всѣ тѣни цвѣтовыя. Всѣ ея тѣни отличаются лишь большей густотой той же окраски, какъ и свѣтлыя мѣста, что происходитъ въ силу прозрачности и силы отраженія ея лепестковъ.

53. Задумывались ли вы когда-нибудь, читатель, надъ соотношеніемъ обыкновенныхъ формъ летучихъ веществъ? Какъ малы, какъ многочисленны, и какъ обильно выдѣляются непрерывно въ воздухъ невидимыя частички, отъ которыхъ зависитъ, напр., запахъ розоваго лепестка!

54. Едва ли во всей неорганической природѣ можно найти предметъ, болѣе прекрасный, чѣмъ свѣжій сугробъ снѣга при солнечномъ освѣщеніи. Его изгибы непостижимо совершенны и измѣнчивы; его поверхность и прозрачность одинаково изысканны; его свѣтъ и тѣни неисчерпаемо разнообразны и неподражаемо

совершенно; тѣни топки, блѣдны, небеснаго цвѣта; отраженные отбѣнки свѣта густы, многочисленны и смѣшаны съ восхитительными случайностями поглощеннаго свѣта... Если мы въ началѣ мая пройдемся по краю снѣговъ болѣе низкихъ Альпъ—то найдемъ, и почти навѣрное всегда найдемъ, два или три небольшихъ круглыхъ отверстія въ снѣгу и въ нихъ пробивающійся, тонкій, задумчивый, нѣжный цвѣтокъ*), склонившій внизъ свой маленькій, темный колокольчикъ съ красной каемкой, дрожащій надъ ледяной, только что пробитой имъ, расщелиной, отчасти отъ удивленія, при видѣ своей недавней могилы, отчасти отъ смертельной усталости послѣ побѣды, доставшейся ему съ такимъ трудомъ. И при видѣ этого цвѣтка, насъ будетъ волновать—или насъ должно волновать—совершенно иное, пріятное чувство, чѣмъ при видѣ мертваго льда и безмятежныхъ облаковъ. Тутъ уже мы слышимъ призывъ къ симпатіи, видимъ картину нравственной цѣли и выполненія, и, хотя все это исходитъ отъ существъ не сознающихъ и не чувствующихъ, но не можетъ, однако, не пробуждать чувства любви и благоговѣнія въ чистомъ сердцѣ, и въ ясномъ, просвѣщенномъ умѣ.

55. Докторъ Гербертъ ясно доказалъ, что многія растенія только одни и встрѣчаются въ дикомъ состояніи при извѣстной почвѣ или подпочвѣ не потому, что эта почва очень благопріятна для нихъ, но вслѣдствіе того, что только эти растенія могутъ жить на ней, и что всѣ опасные соперники удалились, благодаря ея негостепріимству. Если мы, взявъ такое растеніе изъ условій, съ трудомъ выносимыхъ имъ, снабдимъ его землею и благопріятной для него температурой, удаливъ въ то же время отъ него всѣхъ соперниковъ, которыми природа, при подобномъ условіи, не замедлила бы надѣлать его, то мы, несомнѣнно, получимъ превосходно развитый экземпляръ, громаднаго роста и роскошной организаціи; но мы окончательно лишимъ его того нравственнаго значенія, которое требуетъ отъ него добросовѣстнаго выполненія предназначенныхъ ему функцій. Это растеніе было преднамѣренно создано Богомъ,

---

*) *Soldanella Alpina*. Мнѣ кажется, что это единственный альпійскій цвѣтокъ, который, собственно говоря, пробивается сквозь снѣгу, хотя мнѣ приходилось видѣть горчанку на растаявшихъ слѣдахъ отъ копытъ. Крокусамъ нужны одинъ или два солнечныхъ дня, *soldanella* же украшаетъ сначала альпійскій снѣгу, а потомъ уже поля. Я видѣлъ цѣлыя поляны ихъ, имѣвшія видъ широкаго, лиловаго, шелковаго одѣянія.

чтобы украшать тѣ пустынные мѣста, на которыхъ ни одно другое растеніе жить не можетъ. Оно было надѣлено ради этого мужествомъ, силой и выносливостью; слѣдовательно, его назначеніе и слава заключаются не въ обжорствѣ и не въ праздномъ откармливаньи себя, ради развитія своей красоты на счетъ другихъ существъ, окончательно погубленныхъ и съ корнемъ вырванныхъ, ради его исключительнаго блага; нѣтъ, его назначеніе состоитъ въ добросовѣстномъ исполненіи тяжелой обязанности, въ упорномъ стараніи забраться въ тѣ безнадежныя мѣста, гдѣ оно одно можетъ свидѣтельствовать о благодати и присутствіи Духа, Который высѣкаетъ рѣки среди камней и покрываетъ долины зерновымъ хлѣбомъ; и здѣсь и только здѣсь на подходящемъ для него мѣстѣ, гдѣ ничто не искореняется ради него, гдѣ оно ничему не можетъ повредить, гдѣ ничто не можетъ ни содѣйствовать его подвигу, ни лишить его престола, оно только и проявляетъ свою силу, красоту, цѣнность и доброту, которыя, при этихъ условіяхъ, въ глазахъ Бога, дѣйствительно имѣютъ нѣкоторую заслугу. *Soldanella Alpina*, о которой выше упомянуто, я прежде, всего, увидалъ роскошно растущей и достигшей значительнаго роста на альпійскомъ пастбищѣ, залитомъ солнцемъ, среди бляющихъ овецъ и мычащихъ коровъ, вмѣстѣ съ цвѣтущими *Geum Montanum* и *Ranunculus Pyrenaicus*. Тогда я обратилъ на нее вниманіе только какъ на новинку и не нашель въ ея цвѣткѣ ничего особенно хорошаго. Нѣсколько дней спустя, я встрѣтилъ ее одинокую въ полосѣ тумана высокихъ облаковъ и завыванія холоднаго вѣтра, и, какъ я уже сказалъ, пробившюся на краю бывшаго обвала, который оставилъ послѣ себя новую, черную, безжизненную почву, какъ бы выжженную недавнимъ огнемъ. Это было жалкое, слабое растеньице, видимо истощенное необычайными усиліями, — и я тутъ только понялъ его идеальный характеръ, увидалъ его благородную функцію и степень его славы въ ряду величественныхъ явленій земнаго шара.

56. Травы. — Мелкіе, зернистые пушистые или перистые околоплодники сливаются своими граціозными коричневыми точками и трепещущими, какъ пыль, пляшущими сѣмечками съ красною со сѣднихъ полей, далеко кругомъ разбрасывая по ихъ поверхности тонкую сѣдину и нѣжность перистаго тумана, всегда таинственнаго, не только при утренней росѣ или при полуденномъ миражѣ, но и при дрожащей паутинѣ тонкихъ, нѣжныхъ, древесидныхъ узоровъ

на камнѣ, представляя каждый маленькую колокольню изъ сѣмячекъ, а всѣ—стройный подборъ колоколовъ.

57. Сорвите простую былинку травы и взгляните съ минуту попристальнѣе въ этотъ узкій, саблевидный, зеленый стебелекъ, выточенный на подобіе желобка. Ничего, повидимому, нѣтъ въ немъ ни хорошаго, ни красиваго. Онъ не особенно крѣпокъ, довольно малъ, нѣсколько тонкихъ длинныхъ линій сливаются въ немъ въ одной точкѣ—далеко не совершенной, довольно неясной и незаконченной, отнюдь не представляющей образца тѣхъ художественныхъ произведеній природы, о которыхъ она сильно заботится; и создана, повидимому, эта былинка только для того, чтобы ея блѣдный пустой стебелекъ, слабый и мягкій, переходящій незамѣтно въ печальныя коричневыя прожилки корней, былъ затоптанъ сегодня ногами, а завтра брошенъ въ печь. Однако, подумайте хорошенько и разсудите, какой изъ всѣхъ пышныхъ цвѣтовъ, благоухающихъ въ лѣтнемъ воздухѣ, какое изъ всѣхъ могучихъ и красивыхъ деревьевъ, чающихъ зрѣніе и улаждающихъ вкусъ,—будь то величественная пальма или сосна, высокая ясень или крѣпкій дубъ, душистое лимонное дерево или обремененная плодами виноградная лоза,—какое изъ нихъ, повторяю, такъ сильно любимо людьми и такъ высоко чтимо Богомъ, какъ эта нѣжная, слабая, зеленая травка. И честно, и хорошо выполняетъ она свое назначеніе. Подумайте, чѣмъ только мы ни обязаны луговой травѣ, мягкими, безчисленными, безмятежными стебельками, покрывающей темную почву, словно пестрымъ ковромъ. Поле! Прослѣдите далѣе смыслъ того значенія, какое мы придаемъ этому слову. Въ немъ все дышетъ весной и лѣтомъ: прогулки по уединеннымъ благоухающимъ тропинкамъ, отдыхъ во время полуденной жары, радость табуновъ и стадъ, мощь постушеской и созерцательной жизни, жизни солнца, освѣщающаго міръ то изумрудными полосами, то нѣжными голубыми тѣнями тамъ, гдѣ безъ этихъ былиночъ оно ударило бы лишь о темный черноземъ или объ спаленную пыль. Пастбища вдоль ручейковъ, нѣжные валы и пригорки невысокихъ холмовъ, благоухающіе откосы плоскихъ возвышенностей, съ которыхъ открывается видъ на синюю полосу моря, на извилистыя поляны, то тускляя при утренней росѣ, то ясныя при вечернемъ солнечномъ освѣщеніи, на поляны, помятыя ногами счастливецъ и смягчающія звукъ любящихъ голосовъ,—да, все это и многое другое вмѣщается въ этомъ

простомъ словѣ. Мы не можемъ вполнѣ измѣрить всего величія этого небеснаго дара въ нашей собственной странѣ, хотя, чѣмъ больше мы вдумываемся, тѣмъ яснѣе становится для насъ безконечная прелесть луговъ, этой лучшей отрады Шекспира. Но это, повторяю, не все. Пройдитесь весной по лугамъ Швейцаріи, растилающимся отъ береговъ ея озеръ до подножья ея болѣе низкихъ горъ. Здѣсь, переплетаясь съ высокими горчанками и бѣлыми нарцисами, густо и свободно растетъ трава; и по мѣрѣ того, какъ вы идете по извилистымъ горнымъ тропинкамъ подъ дугообразными вѣтвями, усѣянными цвѣтомъ, идете по тропинкамъ, которыя, вплоть до синихъ водъ, вѣчно то опускаются, то поднимаются волнами благоухающими отъ кое-гдѣ собранныхъ кучъ, только что скошенной травы, наполняющей весь воздухъ томной сладостью своего дивнаго аромата, взгляните навѣрхъ, на болѣе высокія горы, гдѣ волны вѣчной зелени молча катятся длинными изгибами среди тѣни, отбрасываемой соснами, и тогда вы, можетъ быть, наконецъ, поймете значеніе мирныхъ словъ 146-го псалма: „Онъ произращаетъ на горахъ траву“.

Соединивъ всѣ картины, набросанныя нами и прибавивъ самую простую, встрѣчаемую въ 6-мъ стихѣ 40-ой главы пророка Исаи, мы найдемъ, что трава и цвѣты представляютъ образъ переходящей человѣческой жизни мимолетностью своего существованія, а ея величіе—своимъ величіемъ, и послѣднее въ двухъ различныхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, своимъ благотворнымъ вліяніемъ и во-вторыхъ своей выносливостью — трава земная, порождая сѣмена зернового хлѣба и ея красу тамъ, гдѣ ступаетъ нога и ударяетъ коса, и трава водяная, давая прохладу для нашего покоя и склоняясь передъ волной. Но понимаемая въ широкомъ человѣческомъ и божественномъ смыслѣ, „трава, сѣющая сѣмя“, въ противоположность дереву, приносящему плодъ, заключаетъ въ себѣ третій родъ растений и выполняетъ третью услугу по отношенію къ человѣческому роду. Она заключаетъ въ себѣ обширную семью прядильныхъ растений и удовлетворяетъ, такимъ образомъ, всѣмъ тремъ потребностямъ человѣка: въ пищи, одеждѣ и жилищѣ, или въ мѣстѣ покоя. Прослѣдите удовлетвореніе этой потребности: рассмотрите связь льняного одѣянія и льняныхъ вышивокъ съ священническимъ служеніемъ и украшеніями Скиннѣ, и то, какъ камышь во всѣ времена былъ первымъ естественнымъ ковромъ, подстилаемымъ подъ

ноги людей. Затѣмъ, разсмотрите три достоинства. рѣшительно представляемые тремя семействами растенія, произвольно или фантастично приписываемыя имъ, но во всѣхъ трехъ случаяхъ рѣзко отмѣченныя для насъ въ словахъ священнаго писанія: 1. Отрада или радостная прелесть травы, служащей пищей и красой— „посмотрите на полевая лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядуть“ 2. Смиреніе въ травѣ, служащей для покоя — „трости надломленной не переломить“ 3. Любви въ травѣ, служащей для одежды (въ силу ея способности легко воспламеняться)— „и льна курящаго не угасить“. И, въ заключеніе, разсмотрите подтвержденіе двухъ послѣднихъ образовъ въ самомъ, по моему мнѣнію, важномъ пророчествѣ относительно будущаго состоянія христіанской Церкви изъ всѣхъ встрѣчающихся въ Ветхомъ Завѣтѣ, а именно, прочтите заключительныя главы пророка Іезекиіля. Берутся размѣры храма Божьяго, а такъ какъ размѣры эти могутъ вѣчно опредѣляться только великодушіемъ и смиреніемъ, то у Ангела „льняная вервь въ рукѣ его и трость измѣренія“, — льняная вервь для измѣренія земли, и трость— для измѣренія зданій; и, такъ, зданія церкви или употребляемый трудъ измѣряется смиреніемъ, а область церкви или величина— любовью.

58. Неподвижные листья. Мощныя сосны развѣваются надъ ними, и слабыя былинки колышутся рядомъ, но синія звѣзды покоятся на землѣ въ небесномъ покоѣ, и далеко по хребтамъ желѣзныхъ скалъ, неподвижныя, какъ и они, яхонтовые гребни альпійскихъ розъ переливаются при блескѣ низкихъ утреннихъ лучей.

59. Мхи.—Нѣжныя созданія! Первые милосердные дары земли, прикрывающіе своей молчаливой нѣжной зеленью наготу монотонныхъ скалъ! Созданія, полныя жалости, придающія несчастнымъ развалинамъ благородство ихъ чудныхъ и нѣжныхъ очертаній, прикасающіяся тихими перстами къ старымъ колеблющимся камнямъ, научая ихъ покою! Я не нахожу словъ, которыя дали бы ясное понятіе объ этихъ мхахъ, словъ, достаточно нѣжныхъ, краснорѣчивыхъ и богатыхъ. Какъ описать ихъ густую яркую зелень, ихъ звѣздочки, блестящія какъ рубины, ихъ разрѣзы, до того тонкіе, что кажется, будто духи скалъ ткуть ихъ такъ же причудливо изъ порфира, какъ мы отливаемъ изъ стекла; серебристыя переплетенныя сѣти ихъ янтарныхъ кружевъ лоснятся и, словно дерева,

растутъ, съ темными прожилками, съ шелковистой, разнообразной, блестящей и прихотливой вышивкой, причемъ, сами онѣ остаются вѣчно спокойными, сосредоточенными и какъ бы созданными только для самыхъ нѣжныхъ и простыхъ дѣлъ милосердія. Вы ихъ не изберете для гирляндъ и залоговъ любви, но дикая птица воспользуется ими для своего гнѣзда, и усталый ребенокъ для своего изголовья. И этотъ первый милосердный даръ земли есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣдній ея даръ. Когда намъ уже не нужны все остальные деревья и растенія, нѣжные мхи и сѣрые лишай начинаютъ сторожить наши могилы. Лѣса, цвѣты, травы съ своими дарами оказывали намъ временную услугу, но мхи выполняютъ свою задачу вѣчно. Деревья служатъ лѣсами для строителей, зерна наполняютъ амбары, цвѣты украшаютъ комнаты новобрачныхъ, а мохъ прикрываетъ наши могилы.

60. Лишай.—Въ одномъ отношеніи, они самые скромныя, а въ другомъ самыя почетныя дѣти земли. Они такъ же неувядаемы, какъ и неподвижны; червь ихъ не подтачиваетъ, и осень не оголяетъ. Мощные въ своей миловидности, они не увядаютъ отъ жары и не гибнутъ отъ мороза. Имъ, съ ихъ нѣжными перстами и постоянствомъ сердца, имъ, съ ихъ тонкими полосками, окрашенными радугой нѣжныхъ очертаній ихъ безконечнаго разнообразія, ввѣрено плетеніе скромныхъ вѣчныхъ убранствъ, украшающихъ скалы. Раздѣляя безмолвіе безстрастныхъ скалъ, они раздѣляютъ и ихъ выносливость, и въ то время, какъ вѣтеръ наступающей весны развѣваетъ бѣлый цвѣтъ боярышника, словно гонимый вѣшній снѣгъ, и лѣто омрачаетъ на спаленныхъ лугахъ поникшія золотистыя тычинки первонокъ—тамъ, наверху, среди горъ, серебристыя пятна лишаевъ остаются нетронутыми, словно звѣзды на камняхъ; и наросшіе оранжевые лишай на бокахъ западныхъ вершинъ отражаютъ закаты солнца въ теченіе тысячелѣтій.

О Т Д Ъ Л Ъ VIII.

Воспитаніе.

61. Самое полезное и самое священное, что можно въ настоящее время сдѣлать для человѣчества, это — научить людей (главнымъ образомъ, примѣромъ, какъ лучшимъ способомъ обученія) не тому какъ „улучшать себя“, а какъ „удовлетворять себя“. Ёсть и не насыщаться — проклятіе, тяготѣющее надъ всякой злой природой и надъ всякой злой тварью. Слова же благословенія состоятъ въ томъ, чтобы ёсть и насыщаться; и какъ есть одинъ родъ воды, утоляющій всякую жажду, такъ есть и одинъ родъ хлѣба, утолящій всякій голодъ — хлѣбъ справедливости или правды. Алчущій этого хлѣба насыщается, такъ какъ это хлѣбъ небесный; алчущій же хлѣба неправды не насыщается, потому что это хлѣбъ Содома. Для того же, чтобы передать людямъ умѣнье быть довольными, нужно вполнѣ понимать искусство радости и скромной жизни: это необходимѣйшее, въ настоящее время, изъ всѣхъ наукъ и искусствъ. Скромная жизнь чужда стремленій къ излишествамъ и довольствуется радостной увѣренностью, что въ будущемъ не будетъ перемѣнъ къ худшему. Она исключаетъ не предусмотрительность, а только преждевременную скорбь и тревогу за завтрашній день, исключаетъ не принятіе мѣръ предосторожности, а жажду накопленія. Скромная жизнь значитъ жизнь, полная семейной любви и семейнаго мира, отзывчивая на всѣ даровыя и пріятныя удовольствія, а потому, главнымъ образомъ, на удовольствія, доставляемые жизнью среди природы.

62. Мы должны призвать, что любовь къ природѣ, гдѣ бы она не существовала, была всегда источникомъ вѣры и священнымъ элементомъ чувства; иначе говоря, если два человѣка во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живутъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то тотъ изъ нихъ, который больше любитъ природу, всегда

окажется болѣе способнымъ вѣровать въ Бога. Почитаніе природы вноситъ такое ощущеніе присутствія и могущества Великаго Духа, къ какому не приведетъ и котораго не опровергнетъ никакое разсужденіе; и тамъ, гдѣ это поклоненіе природѣ совершается безвредно, т. е. должнымъ образомъ сообразуется съ другими требованіями времени, чувствъ и дѣятельности, и соединено съ высшими религіозными принципами,—тамъ оно становится проводникомъ извѣстныхъ религіозныхъ истинъ, недоступныхъ какимъ-либо другимъ путемъ.

63. вмѣсто того, чтобы видѣть въ любви къ природѣ неизбѣжную связь съ невѣріемъ извѣстнаго вѣка, я думаю, что она собственно связана съ его милосердіемъ и свободой, *) что это именно самый здоровый изъ всѣхъ свойственныхъ намъ элементовъ, и изъ него, если онъ будетъ долѣе вырабатываться не въ легкомысліе и невѣжество, а въ серьезный долгъ, можетъ получиться результатъ непостижимой въ настоящее время важности, можетъ зажечься свѣтъ, который въ первый разъ за все время исторической жизни человѣчества, раскроетъ передъ нимъ истинный смыслъ его жизни, истинное поприще для его энергіи и истинное отношеніе между нимъ и его Творцомъ.

64. Для человѣка, любящаго природу, спокойная прогулка пѣшкомъ, не болѣе какъ за десять или двѣнадцать миль, является самымъ интереснымъ изъ всѣхъ путешествій; и всѣ путешествія становятся тѣмъ скучнѣе, чѣмъ быстрѣе они совершаются.

Переѣздъ по желѣзной дорогѣ я совсѣмъ не считаю путешествіемъ; это простое перемѣщеніе, очень похожее на перемѣщеніе тюковъ.

65. Я думаю, что люди высшаго класса много выиграли бы и въ отношеніи здоровья и въ отношеніи счастья, если бы настойчиво постарались извлечь опредѣленную пользу изъ той физической энергіи, которая теперь расходуется ими на удовольствія. Было бы гораздо лучше, на примѣръ, если бы джентельмены косили свои луга, а не топтали чужіе, развѣзжая по нимъ.

---

*) Я теперь позабылъ, что подразумѣвалъ въ этой фразѣ подъ словомъ „свобода“, но въ моихъ первыхъ сочиненіяхъ я часто употреблялъ это слово въ хорошемъ смыслѣ, думая объ экскурсіяхъ Скотта по болотамъ и о тому подобномъ. Мнѣ кажутся теперь удивительными мои прежнія надежды, но тогда живъ былъ Тернеръ, солнце сіяло, и рѣки сверкали...

66. Для того, чтобы опредѣлить, самое прекрасное, вы должны восхищаться прекраснымъ, а я не знаю, многіе ли способны на это. Раньше я съ удовольствіемъ говорилъ о красивыхъ вещахъ, надѣясь быть понятымъ, теперь же я уже не могу, такъ какъ, повидимому, никто на нихъ не смотритъ. Гдѣ бы я ни путешествовалъ, въ Англіи ли или за границей, и что бы ни осматривалъ, я всегда видѣлъ, что люди губятъ все красивое, до чего могутъ только добраться. У нихъ, повидимому, есть одно только желаніе, одно стремленіе—имѣть большіе дома и возможность быстро передвигаться. Они оскверняютъ всѣ чудныя, привлекательныя мѣста, съ которыми приходятъ въ соприкосновеніе. Такимъ образомъ, желѣзнодорожный мостъ надъ Шафгаузенскимъ водонадомъ и рельсовый путь по Кларенскому берегу Женевского озера, уничтожили прелесть такихъ двухъ видовъ, которыхъ уже ничто и никогда не замѣнитъ въ отношеніи ихъ вліянія на высшія свойства духа европейцевъ.

67. Я вспоминаю, какъ первое событіе въ жизни, тотъ случай, когда няня внесла меня на вершину скалы Фріара у озера Дервента. Сильная радость, смѣшанная съ благоговѣніемъ, которую я испытывалъ, когда смотрѣлъ на темное озеро сквозь отверстія въ мшистыхъ корняхъ, вросшихъ въ утесы, пробуждалась съ тѣхъ поръ болѣе, или менѣе сильно, во мнѣ каждый разъ, привидѣ раздвоеннаго древеснаго корня. Два другихъ случая, о которыхъ я вспоминаю, какъ о событіяхъ, положившихъ начало моей жизни,—былъ переѣздъ черезъ Шапекія каменистыя горы, когда мнѣ позволили выйти изъ экипажа и взбѣжать на холмы, и путешествіе до Гленфарга, близъ Кинросса, въ зимнее утро, когда съ утесовъ свѣшивались ледяныя сосульки; это были крайніе предѣлы моихъ путешествій въ ранніе годы, и болѣе того, что обыкновенно допускается дѣтямъ. Во время подобныхъ путешествій, когда мнѣ приходилось бывать вблизи горъ или, вообще, въ горной мѣстности, я, съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, испытывалъ всегда удовольствіе, которое продолжалъ испытывать и въ восемнадцать и въ двадцать лѣтъ, удовольствіе, гораздо большее, чѣмъ могло вызвать во мнѣ что-либо другое, доступное мнѣ съ тѣхъ поръ.

68. Глутому нужно всегда сокращать пространство и время, а человѣкъ разумный желаетъ только ихъ удлинить. Безумецъ желаетъ убить пространство и время, а мудрецъ хочетъ сначала выпграть, а затѣмъ оживить ихъ.

69. Сомнѣваюсь, чтобы творцы различныхъ системъ вообще далеко отступали каждый въ своей области, отъ способа, употребляемаго старухами въ Памонѣ, которыя нанизываютъ вишни на палочки для большого удобства переноски ихъ. Выбирать и разводить хорошія вишни имѣеть извѣстное значеніе, но если ихъ можно имѣть обычнымъ первоначальнымъ способомъ, какъ онѣ растутъ кистями на своихъ сучковатыхъ вѣтвяхъ, то это лучший способъ изъ всѣхъ существующихъ, а если нельзя, то, по крайней мѣрѣ, нужно переносить такъ, чтобы онѣ не мялись; для практичнаго мальчика безразлично, получить ли онѣ ихъ пригоршнями или симметрично нанизанными на палочки.

70. Каждому великому человѣку всегда всѣ помогаютъ, потому что онъ обладаетъ даромъ извлекать изъ всего и изо всѣхъ что-нибудь хорошее.

71. Богъ предназначаетъ каждому изъ Его созданій особую задачу, и если оно выполняетъ ее честно, какъ подобаетъ человѣку и съ полной вѣрою, руководясь свѣтомъ, зажженнымъ въ немъ, устранивъ всякое охлаждающее и ослабляющее влияніе, то, навѣрное, свѣтъ этотъ загорится въ немъ такимъ пламенемъ, которое, въ извѣстной степени и въ извѣстномъ видѣ, засіяетъ передъ людьми, постоянно и свято служа имъ. Различныя степени блеска должны всегда существовать, но и самый жалкій изъ насъ обладаетъ все-таки какимъ-нибудь даромъ, и какъ бы этотъ даръ ни былъ, повидимому, зауряденъ, но составляя нашу особенность, онъ можетъ, при правильномъ примѣненіи, стать даромъ для всего чело-вѣчества.

72. Нѣтъ ни вещества, ни духа, ни существа, которое не было бы способно къ нѣкотораго рода единенію съ другими. Въ этомъ единеніи—источникъ совершенствованія и наслажденія вслѣдствіи присутствія другихъ. Такъ, единеніе душъ заключается, отчасти, въ ихъ симпатіи, отчасти, въ ихъ возможности получать и отдавать, т. е. всегда въ любви; и въ этомъ ихъ радость и сила, потому что сила дается совмѣстной работой и товариществомъ, а радость заключается какъ во взаимномъ и постоянномъ обмѣнѣ всѣмъ хорошимъ, такъ и въ неизбежной зависимости отъ взаимнаго существованія и въ существенной и полной зависимости отъ Творца. Итакъ, въ единеніи земныхъ существъ заключается ихъ сила, ихъ покой; не мертвый, холодный покой невозмутимыхъ камней и

одинокихъ горъ, а живой покой довѣрія, живая сила поддержки существъ, идущихъ рука объ руку. *)

73. Отрадно читать о добротѣ и смиреніи Св. Франциска Ассизскаго, который и съ птицами, и съ цикадами и даже съ волками и хищными звѣрями говорилъ всегда, какъ съ братьями. Тѣ же самыя душевныя чувства всѣхъ добрыхъ и сильныхъ людей, мы находимъ въ „Морякѣ“ Кольриджа и въ слѣдующей, еще болѣе истинной и правдивой мысли, выраженной въ „Hartleap Well“: „Никогда не слѣдуетъ примѣшивать къ нашимъ удовольствіямъ или къ нашему тщеславію скорбь хотя бы самого низшаго изъ чувствующихъ существъ.“

То же и въ „Бѣлой Лани“, Райльстона, съ добавленіемъ поученія относительно того, что наша собственная „скорбь облегчается и уничтожается симпатіей, какъ къ самымъ высшимъ, такъ и къ самымъ низшимъ существамъ; такъ что даже для умозрительной нашей способности, не говоря уже о христіанскихъ свойствахъ характера и человѣческаго разума, нѣтъ ничего пагубнѣе тѣхъ проклятыхъ спортовъ, въ которыхъ человѣкъ*) по своей жестокости становится одновременно кошкой, тигромъ, леопардомъ и аллигаторомъ и пользуется для своего удовольствія съ непрерывной жестокостью тѣми уловками, которыя звѣри употребляютъ относительно другихъ умѣренно, съ промежутками и только въ случаяхъ крайней необходимости.

74. Тотъ, кто не любитъ ни Бога, на своихъ ближнихъ, не можетъ любить ни травы подъ своими ногами, ни существъ, живущихъ не для его пользы и наполняющихъ не нужное ему пространство въ мірѣ; но, съ другой стороны, никто не можетъ любить ни Бога, ни братьевъ своихъ—людей, не любя всего, что любить Отець, и не считая всѣхъ братьями, можетъ быть, даже бо-

---

*) Длинное, насыщенное и темное изреченіе изъ второго тома, написанное въ подражаніе Гукеру. Краткое изреченіе въ книгѣ Еккліаста вполне передаетъ его содержаніе. „Одному, какъ согрѣться?“

*) Я все болѣе опечаленъ, перечитывая эти и другіе отрывки наиболѣе искусственной и слабой изъ всѣхъ моихъ книгъ (написанной въ незрѣлый еще періодъ моей жизни) т. е. изъ второго тома „Современныхъ живописцевъ“ отличающагося болѣзненнымъ пыломъ срасти и узкостью мысли. Но по своей искренности книга эта была такъ же честна, какъ и всѣ остальные, и по существу вполне хороша, только вся вѣнчившая до хлопьевъ.

лѣе достойными, чѣмъ онъ самъ, если та часть обязанностей, которая возложена на нихъ, выполняется имъ болѣе честно. *)

75. Безпристрастные люди всегда могутъ составить себѣ правильное понятіе о вещахъ, но не *полное*. Никакая человѣческая способность не можетъ охватить всего предмета, но чѣмъ дольше мы наблюдаемъ, тѣмъ все яснѣе онъ становится для насъ. Каждый индивидуальный характеръ будетъ находить въ немъ какую-нибудь особенность, но если предположить всѣ характеры честными, то въ этомъ только и будетъ разница. Каждый шагъ впередъ въ нашей способности пониманія покажетъ намъ нѣчто новое; но прежнее, первое впечатлѣніе, полученное отъ предмета, останется не нарушеннымъ, а только видоизмѣненнымъ и обогащеннымъ новыми понятіями, которые будутъ достигать все большей прелести по своей гармоничности и все больше и больше признаваться частью безконечной истины.

---

*) Опять болѣзненное францисканство! Я, право, принужденъ выпустить одно мѣсто, одобренное моимъ другомъ, какъ женщиной благосклонной и довѣрчивой. Въ немъ говорится о томъ, что все приводитъ къ добру и пригодно для какой-нибудь благой цѣли. Намъ нѣтъ дѣла до конечныхъ цѣлей вещей, а только важно ихъ существованіе, которое часто бываетъ положительно дурно.

О Т Д Ъ Л Ъ IX.

Нравственныя правила.

76. Читая, что „Законъ данъ черезъ Моисея, благодать же и истина произошли чрезъ Иисуса Христа“, слѣдуетъ ли предполагать, что здѣсь разумѣется, будто законъ не милосерденъ и не истиненъ? Законъ былъ данъ, какъ основаніе, а благодать, милосердіе и истина, какъ восполненіе, составляя вмѣстѣ одну величественную Троицу суда, милости и истины *). И если-бы люди читали Библию безъ предвзятаго мнѣнія, а съ сердечнымъ желаніемъ понять ее, то они увидали бы, что во всѣхъ мѣстахъ, которымъ они придаютъ наиболѣе личный характеръ, въ псалмахъ, напимѣръ, всюду особенно радостно прославляется законъ. По отношенію къ милости, въ псалмахъ часто проявляется грусть, напр., при мысли, какою цѣною она пріобрѣтается, но по отношенію къ закону, псалмы всегда преисполнены восторга. Давидъ не можетъ удержаться отъ радости при мыслѣ о немъ; онъ никогда не устаетъ восхвалять его: „Какъ люблю я законъ Твой! весь день размышляю о немъ. Какъ сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устами моими“.

77. Мнѣ кажется, нѣтъ ни одного событія въ жизни Христа, къ которому люди, въ часы сомнѣнія и страха, обращались бы съ такой жгучей жаждой проникнуть въ тайну фактовъ, какъ къ событію явленія Иисуса ученикамъ при морѣ Тиверіадскомъ; ни на чемъ другомъ люди не останавливались съ такимъ страстнымъ вниманіемъ, изучая каждое слово передаваемого событія. Въ этомъ

*) Та значительная доля надменности и узкости, которая, какъ результатъ моего воспитанія въ англійскихъ школахъ, вызываетъ въ настоящее время во мнѣ чувство стыда и скорби, когда я перечитываю „Современныхъ живописцевъ“, искуплена въ настоящее время точнымъ мышленіемъ, проложившимъ мнѣ путь къ выраженной въ этомъ параграфѣ великой истинѣ, на уясненіе и утвержденіе которой были направлены всѣ, безъ исключенія, мои позднѣйшія сочиненія.

явленіи есть нѣчто въ высшей степени важное, естественное, поражающее наше невѣріе. Другія явленія послѣ Воскресенія, о которыхъ повѣствуетъ Евангеліе, были внезапны, подобны видѣніямъ, представлявшимся людямъ глубоко скорбящимъ, измученнымъ душевными волненіями, не способнымъ, повидимому, здраво судить о томъ, что они видѣли. Теперь же волненіе улеглось. Апостолы вернулись къ своимъ обычнымъ занятіямъ, думая все еще, что ихъ дѣло состоитъ въ закидываніи сѣтей и въ ловлѣ рыбы. Симонъ Петръ говоритъ: „Иду ловить рыбу“. „Идемъ и мы съ тобою“, сказали другіе. Правдивыя слова, повторяющіяся далеко за предѣлами галилейскихъ горъ. Въ эту ночь они ничего не поймали; но на разсвѣтѣ увидали человѣка, стоявшаго на берегу. Думая исключительно только о своей неудавшейся ловлѣ, они не узнали Его. Онъ же просто спросилъ ихъ, поймали ли они что-нибудь. „Нѣтъ“, отвѣчали ему, и Онъ велѣлъ имъ снова закинуть сѣть. Іоаннъ, рукою заслонивъ глаза отъ утренняго солнца, сталъ вглядываться въ стоявшаго и, несмотря на ослѣпительный блескъ моря, узналъ Его наконецъ; и бѣдный Петръ, не желая терять времени, надѣлъ рыбацкую одежду и бросился въ море. Стоявшій навѣрно порадовался, видя какъ Петръ проплылъ саженой сто и, достигнувъ берега, палъ къ Его ногамъ. И другіе доплыли до берега, но тѣмъ медленнымъ путемъ, какимъ, вообще, въ этомъ мірѣ добираются люди до своей настоящей пристани, сильно задерживаемые необходимостью тащить за собой неводъ съ рыбою. И вотъ, всѣ семеро, наконецъ, добрались до берега: прежде всѣхъ — отрекавшійся, потомъ — съ трудомъ увѣровавшій, затѣмъ — быстро увѣровавшій, двое — домогавшіеся престола и, наконецъ, еще двое, имена которыхъ неизвѣстны намъ.

Они сѣли на берегъ лицомъ къ Нему и ѣли, по Его желанію, зажаренную Имъ рыбу. И тутъ, къ промокшему, дрожавшему, пораженному изумленіемъ Петру, не спускавшему глазъ съ Христа, сидѣвшаго по другую сторону костра, — къ Петру, можетъ быть, думавшему о томъ, что случилось у другого костра, когда было еще холоднеѣ, и не обмѣнявшемуся ни однимъ словомъ съ Учителемъ, — къ нему, взволнованному, былъ обращенъ вопросъ Христа: „Симонъ, любишь ли ты меня“? Попытайтесь почувствовать это немного и вдуматься такъ, чтобы это стало для васъ истиной, и тогда обратите вниманіе на уродливость и лицемѣріе

рафаэлевской картины о возложеніи первосвященнической обязанности на Петра. Замѣтите, прежде всего, дерзкую ложь съ цѣлью поддержать папскую ересь о главенствѣ Петра, а именно: помѣщеніе *всѣхъ* апостоловъ на переднемъ планѣ во время полномочій, получаемыхъ Петромъ, дѣлая ихъ тѣмъ, какъ бы свидѣтелями этого полномочія. Замѣтите изящно завитые волосы и тщательно завязанныя сандалии у людей, проведенныхъ ночь среди морского тумана, въ лодкѣ, устланной тиной; обратите вниманіе на ихъ одежду, вполне непригодную для рыболовства, съ аршинными шлейфами, влачащимися по землѣ, и съ красивой бахромой, такъ мало приспособленной къ рыболовному костюму апостоловъ. Взгляните, какъ, главнымъ образомъ, Петръ (честь и слава котораго въ его мокромъ, приставшемъ къ тѣлу платьѣ и босыхъ ногахъ) задрапированъ въ складки и бахрому, чтобы съ граціей преклонить колѣна и держать свои ключи. На картинѣ нѣтъ ни костровъ, ни уединеннаго горнаго берега, а изображенъ оживленный итальянскій ландшафтъ съ виллами, церквами и стадомъ овецъ, на которыхъ Онъ могъ бы указать; группа апостоловъ расположена не вокругъ Христа, какъ было бы естественно, а выстроена вся въ одну линію, чтобы каждый былъ виденъ. Очень понятно, что, при взглядѣ на картину, мы чувствуемъ, какъ утрачивается наша вѣра въ правдоподобность событія. Тутъ видна положительная невозможность существованія этой группы въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Это просто мистическая нелѣпость, какъ и блѣдное изображеніе бахромы, мускулистыхъ рукъ и завитыхъ головъ греческихъ философовъ.

78. Среди сыновъ Божьихъ всегда существуетъ чувство благоговѣйнаго преклоненія передъ Его величіемъ и священная боязнь оскорбить Его; чувство это называется Страхомъ Божьимъ, хотя дѣйствительнаго, существеннаго страха тутъ совсѣмъ нѣтъ, а есть только сильное довѣріе къ Богу, какъ къ своей опорѣ, какъ къ своему Защитнику и Спасителю, та совершенная любовь, при которой исчезаетъ всякій страхъ. Душа, истинно преданная Богу, не можетъ бояться чего-нибудь земнаго или сверхъестественнаго. Самой грозной кажется высота Его могущества, и наименьшій страхъ чувствуется подъ сѣнью Его: „Кого я убоюсь?“

79. Меньше было бы людей глухихъ къ добру и возсѣдающихъ

на торжищахъ, еслибъ упреки, дѣлаемые людямъ за ихъ пороки, мы замѣнили обращеніемъ къ ихъ человѣческому сердцу; если-бы, вмѣсто того, чтобы настаивать на исполненіи повелѣній Бога, мы раскрывали бы передъ людьми всю благодѣтельность, расточаемую Имъ; если, бы рядомъ съ каждымъ сообщеніемъ о смерти, мы выставляли бы на видъ доказательства и обѣщанія безсмертія; если-бы, наконецъ, вмѣсто того, чтобы утверждать существованіе грознаго Божества, котораго люди, всегда не желаютъ и иногда не способны ясно представить себѣ, хотя не могутъ и не дерзаютъ отрицать Его бытія; если-бы, вмѣсто этого, мы показали имъ близкое, видимое, вездѣ-сущее, но полное благодѣтельности Божество, присутствіе котораго самую землю превращаетъ въ небо.

80. Нельзя словами объяснить того, какими божественными, чертами, какимъ божественнымъ свѣтомъ озаряются суровыя и холодныя черты лица подъ вліяніемъ дѣятельной набожности и дѣятельнаго милосердія, и какъ, при отсутствіи ихъ, даже красивыя лица заволакиваются мракомъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни одной добродѣтели, мимолетное проявленіе которой не оставляло бы новаго слѣда красоты на лицѣ человѣка.

81. Любовь человѣческаго рода увеличивается, благодаря индивидуальнымъ различіямъ; каждая отдѣльная личность совершенствуется, потому что имѣетъ возможность и давать и получать что-нибудь и, такимъ образомъ, быть связанной съ другими цѣлью различныхъ нуждъ и услугъ; смиреніе заставляеть человѣка радостно восхищаться, находя въ ближнемъ то, чего ему самому недостаетъ, такъ что каждое существо, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ бы пополняетъ человѣчество.

82. Даже и являющихся ангелами нельзя представить себѣ до такой степени одинаковыми, чтобы различіе ихъ жизненнаго поприща и земныхъ привязанностей были ими забыты и не имѣли для нихъ никакого значенія. Нельзя представить себѣ, чтобы рано умершій ребенокъ обладалъ той же плотью и тѣми же мыслями, какъ и прославленный апостолъ, прошедшій свой путь до конца и пострадавшій за свою вѣру. И такъ, какими бы совершенствами, какими бы сокровищами любви мы не надѣляли людей дорогихъ и увѣнчанныхъ ореоломъ мученичества, все же, и они, подобно звѣздамъ, разнятся въ славѣ, разнятся своими природными дарами, хотя и не отмѣченными до второго пришествія, разнятся своими

испытаніями и жребіемъ, своими горестями и поддержкой, находимой ими какъ въ собственной стойкости сердца, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, прикрывала ли ихъ тѣнь смоковницы или палило солнце, призваны ли они были выносить дневной жаръ въ одиннадцатомъ часу въ домѣ, не осѣненномъ вѣрой, или облака вѣщали имъ откровеніе. Словомъ, тутъ и между ними различіе предостереженій, милосердія, благодати, болѣзней, предвѣщаній времени, призыва къ отчету. Они равны только въ томъ, что не ихъ, и что даровано имъ неизмѣнной божественной благодатью, гласящей: „Я же хочу дать этому послѣднему то же, что и тебѣ“.

83. Желаніе покоя, присущее сердцу, не чувственно и не низко; это страстное желаніе обновленія, желаніе избѣжать того состоянія, каждая ступень котораго есть простое приготовленіе къ переходу отъ временнаго къ такому же временному, желаніе обрѣсти неизмѣнный покой, достижимый только путемъ совершенства. Отсюда великій призывъ, обращенный Христомъ къ людямъ и признаваемый С. Августиномъ за самое существенное выраженіе надежды христіанина, сопровождается общаніемъ покоя. Смерть, завѣщанная людямъ Христомъ, есть миръ.

84. Кто хотя однажды стоялъ у могилы и размышлялъ о дружбѣ, навсегда похороненной, чувствуя, какъ и сильная любовь, и острая печаль безсильны дать даже минутную отраду сердцу, переставшему биться, или отчасти воздать отошедшей душѣ за пережитые ею дни горести и оскорбленія, того и въ будущемъ едва ли не будетъ тяготить этотъ долгъ сердцу, который онъ можетъ воздать только праху. Но уроки, почерпаемые отдѣльными лицами, проходятъ безслѣдно для цѣлыхъ націй. Снова и снова видятъ онѣ, какъ ихъ самые благородные покойники сходятъ въ могилу, и считаютъ достаточнымъ украшать вѣнками надгробныя плиты тѣхъ, чье чело осталось не увѣнчаннымъ, считаютъ достаточнымъ оказывать праху тѣ почести, которыя онѣ не воздавали живому духу. Пусть люди не оскорбляются, что, среди суеты и блеска ихъ дѣятельной жизни, имъ повелѣно прислушиваться къ немногимъ голосамъ и приглядываться къ немногимъ свѣточамъ, которымъ Богъ далъ даръ слова и которыхъ возжегъ, чтобы очаровывать и руководить, дабы народы могли познать ихъ сладость не въ молчаніи и ихъ свѣтъ не тогда, когда онъ погаснетъ.

85. Въ луккскомъ соборѣ, близъ входной двери сѣвернаго

трансепта, находится памятникъ Иларіи ди Каретто, жены Паоло Гуиниджи, сдѣланный Джакопо де а Кверція. Я указываю на него не какъ на самый красивый или самый совершенный образецъ даннаго періода, но какъ на примѣръ точной и вѣрной середины между строгостью и суровостью древнихъ монументальныхъ статуй и болѣзненнымъ подражаніемъ жизни, сну или смерти, вошедшимъ въ обычай въ новѣйшее время. Она лежитъ на простомъ ложѣ, съ собакой въ ногахъ, лежитъ не на боку, а на спинѣ съ головой покоящейся на твердой подушкѣ, на которой, замѣтите, нѣтъ и слѣда обманчиваго подражанія вдавлиномъ отъ оттиска головы. Можно понять, что это—подушка, но нельзя принять ее за настоящую. Волосы обвиты плоской косой надъ прекраснымъ лбомъ. Кроткіе, окаймленные бровями, глаза закрыты; нѣжность любящихъ губъ неподвижна и спокойна; въ нихъ есть нѣчто, какъ будто мѣшающее дыханію; это не смерть и не сонъ, а чистый образъ того и другого. Руки не воздѣты для молитвы и не согнуты, но лежатъ во всю длину на тѣлѣ, и кисти ихъ скрещены. Ноги скрыты подъ покровомъ, и отпечатлѣвается только ихъ форма.

86. Я не знаю мѣстности, которая бы имѣла болѣе чистый и болѣе безукоризненно полный горный характеръ (горъ высшаго разряда) или которая казалась бы менѣе поврежденной постороннимъ вліяніемъ, чѣмъ область, окаймляющая теченіе Тріента между Валорзиной и Мартиньи. Тропинки, ведущія къ ней изъ долины Роны, извиваясь сначала крутымъ круговымъ подъемомъ среди орѣшника, подобно винтовой лѣстницѣ среди колоннъ готической башни, на высотѣ холмовъ переходятъ въ долину, почти неизвѣстную, но густо населенную трудолюбивымъ и выносливымъ народомъ. Вдоль горныхъ вершинъ, сглаженныхъ старыми ледниками въ длинныя, темныя, волнистыя выпуклости, похожія на спины ныряющихъ дельфиновъ, крестьянинъ высматриваетъ мѣстечки, покрытыя блѣдно-окрашеннымъ мхомъ и корнями травъ, которыя, мало-по-малу, образуютъ тощую почву поверхъ желѣзняка; потомъ, задерживая узкіе склоны этой скудной земли камнышками, онъ обрабатываетъ ихъ заступомъ, и черезъ годъ или два уже можно видѣть, какъ на каменистой каскѣ развѣваются небольшіе султаны изъ стеблей зернового хлѣба. Неправильныя лужайки раскинуты тамъ и сямъ по этимъ скаламъ, уже приносящимъ урожай, и освѣжаются непрерывными ручьями, которые, какъ

будто находя удовольствіе въ прыжкахъ, всегда выбираютъ себѣ крутизны, чтобы скатиться внизъ и полными горстями усыпать свой путь кристаллами, когда вѣтеръ разноситъ ихъ съ полной граціей фонтановъ, но безъ ихъ формализма; разъединяясь и фантастически измѣняясь при толчкахъ и прыжкахъ, но все же сохраняя свои гранитныя руслу, подобно тому, какъ легкая игривость человѣческой рѣчи сохраняетъ слѣды прежней работы, они, рассыпавшись брызгами, смыкаются снова, чтобы омыть суровые углы и освѣтить серебристой бахромой и зеркальнымъ покровомъ постепенно спускающіяся ступени песчанника, и, въ концѣ-концовъ, собираются вмѣстѣ—за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ случайныхъ капель, упавшихъ на цвѣтъ яблони, распутившейся немного ближе каскада, чѣмъ предыдущей весной — собираются вмѣстѣ и, прокладывая себѣ путь внизъ къ муравѣ, безшумно теряются въ ней. Пробираясь спокойнымъ, свѣтлымъ потокомъ среди травы, ручейки эти кажутся только ея тѣнью, но вскорѣ они появляются опять и бѣгутъ торопясь и волнуясь, какъ бы вдругъ вспомнивъ, что день коротокъ, что нужно спѣшить достигнуть холма. Зеленое поле, раскаленный камень и блестящій ручеекъ спускаются при солнечномъ сіяніи къ верхушкамъ овраговъ, гдѣ сосны наполняютъ свое царство унылою тѣнью и гдѣ болѣе могучіе потоки съ неумолкаемымъ шумомъ несутся въ полутьмѣ внизъ, наполняя пучины чудной прохладой, разбиваясь о громадныя камни, ими же самими сброшенные внизъ, и съ бѣшенствомъ пробивая себѣ путь подъ ихъ страшною тяжестью. Горныя тропинки спускаются въ эти низины виллообразными зигзагами, ведущими къ сѣрымъ узкимъ сводамъ, изгибы которыхъ окаймлены папоротниками, боящимися свѣта. Грубо вытесанный сосновый крестъ, связанный желѣзными полосами, мрачно противится угрюмой ярости пѣнищагося потока. Когда мы остановились отдохнуть у креста, то тамъ, вдали, въ нѣжныя просвѣты между группами сосенъ, виднѣлось яркое небо, и на его свѣтломъ, до-бѣла раскаленномъ, фонѣ вершины скалистыхъ горъ вырѣзывались величественными вѣнцами и кругами, величавая въ своемъ томномъ безмолвіи, отдаваясь во власть солнечнаго сіянія, въ которомъ такъ много глубокой грусти, полной какъ силы, такъ и измѣнчивости тѣней; безжизненные, какъ стѣны склепа, но все же прекрасныя съ своими ниспадающими малино-

выми складками, напоминающими покрывало какого-нибудь морского духа, который живет и умирает, как брызги пѣны; укрѣпленные на вѣчномъ престолѣ, не поддаваясь никакой силѣ, превыше всякаго горя, онѣ, въ то же время, сглаживаются и совершенно расплываются въ воздухѣ подѣ вліяніемъ послѣдняго солнечнаго луча, упавшаго на нихъ изъ просвѣта между двухъ золотистыхъ облаковъ.

Превыше всякаго горя? Да; но знакомыя съ нимъ. Путешественникъ, во время удачнаго странствованія, спускаясь съ густой муравы и весело спотыкаясь о булыжникъ, лежащій по краямъ горной дороги, съ восторгомъ замѣчаетъ группы коричневыхъ хижинъ, гнѣздящихся вдоль этихъ покатыхъ садовъ и блистающихъ подѣ вѣтвями сосенъ. „Здѣсь, думаетъ онъ, если и встрѣчается порой трудная и тяжелая работа, то все же, въ концѣ-концовъ, царятъ . невинность, миръ и единеніе человѣческой души съ природой.“ Но это не вѣрно. Дикія козы, прыгающія по этимъ утесамъ, столько же, и даже, можетъ быть, больше, наслаждаются красотами Божьяго міра, чѣмъ люди, работающіе среди нихъ. Войдите въ улицу одной изъ этихъ деревень, и вы найдете въ ней ту мрачную нечистоту, которая возможна только при апатіи или при душевной скорби. Здѣсь апатія является не результатомъ безъисходнаго страданія, голода или болѣзни, а слѣдствіемъ мрака инертнаго терпѣнія: весну здѣсь знаютъ только, какъ время косьбы, осень—какъ время жатвы, солнце—по его теплу, вѣтеръ—по его холоду, а горы—по ихъ опасностямъ. Люди здѣсь не знаютъ даже словъ „красота“ „знаніе“ и лишь смутно понимаютъ, что такое добродѣтель. Любовь, терпѣніе, гостепріимство, вѣра—правда, знакомы имъ. Они отличаются отъ животнаго и отъ камня тѣмъ, что убираютъ свои поля, носятъ безропотно тяжести по горнымъ хребтамъ, предлагаютъ чужеземцу напиться молока изъ ихъ кувшиновъ и видятъ у подножія низкихъ могилъ блѣдную фигуру на крестѣ, умершую такъ же безропотно, какъ умираютъ и они. Все это они дѣлаютъ, не получая награды въ настоящей жизни. Они не вѣдаютъ ни надежды, ни духовнаго восторга; они не знаютъ ни прогресса, ни его торжества. Черный хлѣбъ, грубую кровлю, темную ночь, рабочій день, измученныя руки при солнечномъ закатѣ—вотъ что даетъ имъ жизнь. Ни книгъ, ни мыслей, ни знаній, ни отдыха! Иногда только они присядутъ не надолго на солнцѣ у церковной ограды, пока негустой звонъ колокола далеко

раздается въ горахъ, и бормочать непонятныя молитвы у алтаря тускло позолоченной капеллы,—и такъ вплоть до темной могилы, безъ всякаго просвѣта въ томъ скалистомъ мракѣ, который, порождаясь изъ дикихъ потоковъ и разрушительныхъ обваловъ, даже не освѣщается религіей, дающей только туманныя обѣщанія чего-то неизвѣстнаго лучшаго, обѣщанія, смѣшанныя съ угрозой и омраченныя невыразимымъ ужасомъ—какъ фиміамомъ мученичества, возносящимся вмѣстѣ съ дымомъ кадильнымъ; и среди изображеній истязуемыхъ въ пламени тѣлъ и скорбящихъ душъ, даже крестъ кажется имъ еще болѣе обрызганнымъ каплями крови.

87. Горный пейзажъ несомнѣнно прекрасенъ въ своемъ родѣ, хотя при ближайшемъ знакомствѣ и въ немъ можно найти темныя стороны*). Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ многихъ пейзажей, очень красивый, насколько я могу припомнить, хотя видѣлъ ихъ не мало. Это маленькая долина мягкой муравы, узкій овалъ которой окруженъ выпуклыми скалами и широкими рядами волнующагося папортника. Съ одного края до другого извивается, какъ змѣйка, свѣтлый потокъ, струящійся все быстрѣе къ концу овалной долины, и тамъ, окруживъ малиновую и бѣлую скалу янтарнымъ прудомъ въ чащѣ рябины и ольхи, ниспадаетъ пѣнящимся водопадомъ. Осеннее солнце, низкое, но яркое, освѣщаетъ красныя ягоды рябины и золотистыя листья березы, упавшіе тамъ и сямъ, которые, если вѣтерокъ не разноситъ ихъ, спокойно остаются въ трещинахъ ярко-красной скалы. Около скалы, въ ложбинѣ, виднѣтся занесенный недавнимъ наводненіемъ остовъ овцы, обнаженный почти до костей, съ бѣлыми ребрами, выступающими изъ подъ кожи, и тутъ же виднѣются клочья ея шерсти, висящія на сучьяхъ, за которые зацѣплялась эта овца, уносимая потокомъ. Немного ниже потокъ съ ревомъ погружается въ круглую, какъ колодець, пучину, окруженную съ трехъ сторонъ трубовидною впадиной изъ гладкаго камня, внизъ по которой пѣна ниспадаетъ отдѣльными хлопьями, наподобіе снѣжныхъ.

Вокругъ краевъ пруда вода кружится, какъ темное масло; на спинѣ лежитъ маленькая бабочка; крылья ея смочены однимъ изъ

*) Этотъ отрывокъ написанъ въ противоположность чрезмѣрному восхваленію однимъ очень милымъ шотландскимъ пасторомъ всего лѣстящаго шотландцамъ въ ихъ горной мѣстности. Я рядомъ съ этимъ отрывкомъ помѣстилъ небольшой очеркъ грустныхъ картинъ Италіи.

прибоевъ, и она слегка только шевелить лапками; появляется рыба и уноситъ ее. Внизу потока можно разглядѣть зеленыя деревныя крыши четырехъ или пяти лачугъ, выстроенныхъ на краю болота, истоптаннаго скотомъ въ мрачную трясину у самыхъ дверей, гдѣ неуклюже набросано нѣсколько камней для перехода, отчасти потонувшихъ въ этой грязи, изъ которой торчатъ только ихъ обмазанныя грязью края; а на поворотѣ ручья я вижу рыболова съ мальчикомъ и собакой; они несомнѣнно представляли бы живописную и красивую группу, если-бы не голодали по цѣлымъ днямъ. Я знаю ихъ, знаю и то, что ребра собаки почти такъ же выдаются, какъ и ребра мертвой овцы; знаю, что исхудалыя плечи ребенка до такой степени торчатъ, что продырявили старую тартановую его куртку.

88. Ничто въ мѣрѣ, вѣроятно, не производитъ болѣе сильнаго впечатлѣнія, чѣмъ Римская Кампанья при закатѣ солнца. Вообразите себѣ на мгновеніе, что, вдали отъ шума и всякаго движенія живого міра, вы очутились вдругъ одни въ этой бесплодной и запущенной равнинѣ. Какъ бы легко вы ни ступали, земля рассыпается подъ вашими ногами; она бѣла, ноздревата и вся источена, словно остатки человѣческихъ костей. Длинная и шершавая трава слегка волнуется, колеблемая вечернимъ вѣтеркомъ, и ея перебѣгающія тѣни лихорадочно дрожатъ надъ грудями развалинъ, освѣщаемыхъ лучами заходящаго солнца. Холмики этой сыпучей земли возвышаются волнообразно всюду кругомъ, какъ будто мертвецы, покоющіеся подъ ними, шевелятся во снѣ. Разбросанныя глыбы чернаго камня—слѣды величественныхъ зданій, отъ которыхъ не осталось камня на камнѣ,—навалились на этихъ мертвецовъ, какъ бы для того, чтобы помѣшать имъ встать. Сѣровато-фіолетовый туманъ, полный мѣзмовъ, нависъ надъ всей пустыней, застилая таинственные остатки массивныхъ развалинъ, на которыхъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разступается туманъ, покоится розоватый вечерній свѣтъ, словно потухающее пламя на заброшенныхъ алтаряхъ. Синеватая цѣпь Албанскихъ горъ рисуется на величественномъ фонѣ неба, зеленоватаго, яснаго и спокойнаго. Мрачныя тучи, какъ сторожевыя башни, торчатъ вдоль отроговъ Апеннинъ. Заброшенные водопроводы, арка за аркой, тянутся отъ равнины къ горамъ, словно безчисленные ряды похоронныхъ плакальщицъ, оплакивающихъ могилу народа.

89. Однажды вечеромъ, истомленный жаждой и усталостью, я, про-работавъ надъ известняковыми скалами, спускался съ Rochers de Naue близъ Монтрё. Дойдя при поворотѣ тропинки до ключа, проведеннаго, по обыкновенію, пастухами въ дупло сосноваго пня, я остановился и принялся жадно пить. Приподнявъ голову, чтобъ перевести дыха-ніе, я услышалъ позади себя голосъ: „всякій, пьющій воду сію, возжаждетъ опять“. Не понимая, откуда этотъ голосъ, я повер-нулся и увидаль горнаго крестьянина, возвращавшагося въ свою хижину съ рынка Вевё или Вильнёва. И въ то время, какъ я съ недоумѣніемъ все еще смотрѣлъ на него, онъ, продолжая стихъ Евангелія, сказалъ: „а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во-вѣкъ“.

90. Мнѣ, можетъ быть, позволено *) будетъ отмѣтить здѣсь значе-ніе самыхъ раннихъ упоминаній о горахъ, встрѣчаемыхъ въ Мо-исеевомъ Пятикнижій, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, гдѣ это соеди-нено съ божественнымъ велѣніемъ или указаніемъ на нихъ. Во-первыхъ, мы видимъ, что горы служатъ убѣжищемъ для народа Божьяго отъ двухъ каръ: кары водой и огнемъ. Ковчегъ остано-вливается на горѣ Араратѣ, и человѣкъ, пройдя великое смертное крещеніе, преклоняетъ впервые свои колѣна на землѣ тамъ, гдѣ она ближе всего къ небесамъ, и дымъ благодарственныхъ жертво-приношеній сливается съ небесными облаками. И при первой огнен-ной карѣ велѣніе божества своимъ слугамъ выражается въ словахъ: „спасайся на гору“. Болѣзненный страхъ горъ, наполняющій душу человѣка, послѣ продолжительнаго пребыванія въ мѣстахъ роскоши и грѣха, сказывается въ возраженіи Лота „но я не могу спастись на гору, чтобъ не застигла меня бѣда и мнѣ не умереть“. Третье упоминаніе о горахъ, въ формѣ велѣнія, гораздо болѣе торже-ственно: „Авраамъ возвелъ очи свои и увидѣлъ то мѣсто изда-лека“. „То мѣсто“ т. е. гору смиренны или горечи, избранную для того, чтобы исполнилось обѣщаніе, данное Аврааму и его потом-ству, близкому и отдаленному, и внутреннее значеніе котораго вы-ражено въ словахъ: „возвожу очи мои къ горѣ, откуда придетъ помощь мнѣ“. Четвертое упоминаніе относится къ синайскому за-конодательству. Такимъ образомъ, монахамъ казалось, что горы предназначены служить для людей убѣжищемъ отъ суда, мѣстами

*) Въ связи съ предпочтеніемъ, оказываемымъ всеми болѣе крупными мо-нашескими орденами, горнымъ обителямъ.

искупленія и алтарями освященія и повиновенія: затѣмъ они видѣли, что горы самымъ трогательнымъ и дивнымъ образомъ свя-заны со смертью перваго посвященнаго священника, когда миссія его была совершена, перваго вдохновеннаго законодателя и, на-конецъ, съ Преображеніемъ вѣчнаго Первосвященника, Законодателя и Спасителя.

Замѣтите связь этихъ трехъ событій. Хотя время смерти Аарона и Моисея ускорено было вслѣдствіе гнѣва Божьяго, но мы, кажется, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія заключать, чтобы способъ ихъ смерти долженъ былъ носить на себѣ печать чего либо оскорбительнаго или безчестнаго. О, далеко нѣтъ. Мнѣ кажется, что недозволеніемъ вступитъ въ Обѣтованную землю ограничивалось наказаніе за ихъ грѣхъ и что способъ ихъ смерти былъ опредѣленъ Господомъ во всей неизсякаемой полнотѣ благодати и любви, какъ благородное завершеніе ихъ служенія на землѣ. Намъ можетъ казаться, правда, болѣе почетнымъ, еслибъ имъ дозволено было умереть подъ сѣнью скинии, среди сонма израильскаго народа, если-бы они были окружены всеми любимыми ими людьми, собравшимися, чтобы принять послѣднее наставленіе изъ устъ кроткаго законодателя и послѣднее благословеніе отъ молитвы помазаннаго священника. Но не такъ суждено имъ было умереть. Попробуйте представить себѣ картину того, какъ Ааронъ разстается навсегда съ обществомъ Израильскаго народа. Тотъ, кто такъ часто приносилъ искупительныя жертвоприношенія за ихъ грѣхи идетъ теперь, чтобъ предать духъ свой. Онъ, который стоялъ не разъ между мертвыми и живыми и видѣлъ, какъ взоры всей этой многочисленной толпы обращены были на него, чтобы, благодаря его посредничеству, дыханіе ихъ жизни было продолжено еще на нѣсколько времени, идетъ теперь встрѣчать ангела смерти лицомъ къ лицу и предаться въ его руки. Попробуйте хоть мысленно представить себѣ, какъ эти два брата и сынъ одного изъ нихъ проходятъ мимо лагеря Израильскаго народа и, пока еще роса застилаетъ всю землю кругомъ, направляются къ горѣ Оръ; они въ послѣдній разъ разговариваютъ другъ съ другомъ и съ каждымъ шагомъ чувствуютъ, какъ все круче становится подъемъ на скалы, какъ съ каждымъ часомъ восходящее солнце освѣщаетъ все болѣе широкій горизонтъ и какъ между разстилающихся холмовъ Идумеи все яснѣе обрисовываются извилины длиннаго пути по пустыни, которому те-

перь насталь уже конецъ. Но какъ проникнуть въ думы верховнаго священника, когда его взоры въ послѣдній разъ пробѣгали по тропинкамъ его прежняго странствованія, когда въ тишинѣ этихъ безплодныхъ и безконечныхъ холмовъ, разстилающихся вплоть до мрачной Синайской вершины, передъ нимъ раскрывалась вся исторія этихъ сорока лѣтъ, раскрывалась тайна его собственной мисси, и та другая Святая Святыхъ, алтарями которой служатъ горныя вершины, а завѣсой горныя облака; когда эта небесная твердь обители его Отца становилась ему все яснѣе и непредѣльнѣе по мѣрѣ того, какъ приближался смертный его часъ, пока, наконецъ, на безоблачной вершинѣ братъ и сынъ не сняли съ него нагрудникъ и эфуду и не покинули въ объятія того вѣчнаго покоя, когда чужіе грѣхи уже не будутъ тяготѣть на немъ и позоръ грѣховныхъ народовъ сжигать его сердце? Да, трудно проникнуть въ тайн этой спокойной вѣры, этой глубокой, сдержанной грусти. Смерть Моисея гораздо понятнѣе, хотя въ отношеніи внѣшнихъ условій она произошла при еще болѣе трогательныхъ обстоятельствахъ. Въ теченіе сорока лѣтъ Моисей не былъ одинъ. Всѣ заботы, все иго всего народа, его бѣдствія, вины и смерти постоянно тяготѣли надъ нимъ. Всѣ заботы объ этой многочисленной толпѣ лежали на немъ, какъ на отцѣ; ея слезы были его пищей днемъ и ночью, пока онъ не почувствовалъ, что Богъ какъ бы лишилъ его своего благоволенія, и тогда онъ молилъ смерти, чтобъ только не видѣть несчастія народа. И вотъ, наконецъ, послышалось велѣніе: „взойди на сію гору“. Усталыя руки, которыя такъ долго удерживали враговъ Израиля, могутъ теперь опереться на пастушескій посохъ, быть сложены на пастушескую молитву, на пастушескій покой. Не чужда его ногамъ,—хотя и невѣдома въ теченіе сорока лѣтъ,—была суровость горной тропинки, когда онъ подымался съ утеса на утесъ горы Аваримъ; не чужды его престарѣлымъ глазамъ были развѣвающіеся пучки горныхъ травъ и прерывающіеся тѣни утесовъ, охраняющихъ всюду вдали тишину пустынныхъ овраговъ; сены, подобныя тѣмъ, которыя представлялись ему теперь, не разъ разстилались передъ нимъ, когда онъ, опираясь только на помощь Божью, велъ свой народъ, который теперь такъ мучительно покинулъ, взявъ на себя предопредѣленную власть обратить укрѣпленный городъ въ пустыню и наполнить пустыню звуками побѣдной пѣсни освобожденія. Не для того, чтобы наполнить

горечью послѣдніе часы его жизни Богъ возстановилъ передъ нимъ въ этотъ послѣдній день дорогія для него пустыни, даль ему возможность вдохнуть миръ вѣковѣчныхъ скалъ, окинуть взоромъ тотъ уголокъ, гдѣ онъ трудился, грѣшилъ и который разстился тамъ, внизу, у его ногъ въ туманѣ замирающей синевы; да, теперь всѣ грѣхи, всѣ скитанія будутъ вскорѣ забыты навѣки. Мертвое море—этотъ образецъ Божьяго гнѣва, какъ это ясиѣе всѣхъ людей понималъ тотъ, кто былъ свидѣтелемъ, какъ земля раскрывала свою пасть и море свою бездну, дабы поглотить толпы, противящіяся волѣ Господа—это море разстилось теперь внизу подъ нимъ, а позади его дивные холмы Іудеи и пышныя равнины береговъ Іордана блистали, обогрѣнные пурпуромъ вечерняго освѣщенія, словно кровью искупленія, и блекли въ роскошномъ отдаленіи, словно въ таинственности, полной обѣщаній и любви. И здѣсь, съ неослабѣвшимъ и неомраченнымъ мужествомъ, окруженный ангелами, поджидавшими, чтобы оспаривать добычу его духа, онъ сложилъ свое земное оружіе. Мы питаемъ глубокое благоговѣніе къ его сотоварищу—пророку, взятому на колесницѣ на небо; но развѣ его смерть была менѣе величественна, его, погребеннаго самимъ, Богомъ въ долину земли Моавитской, гдѣ въ полной неизвѣстности по всевышнему опредѣленію хранилось въ тайнѣ мѣсто его погребенія, пока въ полнотѣ время онъ не призванъ былъ для бесѣды со Христомъ на горѣ Хермонѣ „объ исходѣ, который Ему надлежало совершить въ Іерусалимѣ“?

И наконецъ, подумаемъ нѣсколько минутъ о причинѣ воскресенія этихъ двухъ пророковъ. Мы всѣ привыкли считать это за нѣчто мистическое и непонятное, на чемъ и не стоитъ останавливаться; мы думаемъ, что это событіе въ жизни Христа—одно изъ вполне для насъ непостижимыхъ или что, въ лучшемъ случаѣ, это простое проявленіе Его божественности въ блескѣ небеснаго свѣта, когда Ему служили и души умершихъ, съ цѣлью укрѣпить вѣру Его трехъ избранныхъ апостоловъ. И это, какъ и многія другія событія, о которыхъ повѣствуютъ Евангелисты, почти не имѣютъ для насъ значенія и теряютъ всякое практическое на насъ вліяніе, потому что мы никогда не признаемъ во всей полнотѣ ту мысль, что Господь былъ „совершенный человѣкъ“, подвергавшійся во всемъ такимъ же искушеніямъ, какъ и мы. Наши проповѣдники постоянно пытаются путемъ всевозможныхъ ухищреній объяснить

въ Христѣ сліяніе Божества съ человѣкомъ, какъ бы для доказательства того, что они вполне могутъ описать самую природу Божества или, другими словами, постичь Бога. Но они никогда не въ силахъ объяснить въ единичномъ случаѣ сліяніе этихъ двухъ естествъ и только достигаютъ того, что ослабляютъ вѣру слушателей какъ въ то, такъ и въ другое. Имъ слѣдовало бы настаивать какъ разъ на противоположномъ, а именно: утверждать полноту въ Немъ и божескаго и человѣческаго естества. Мы никогда не думаемъ достаточно о Христѣ, какъ о Богѣ, никогда достаточно, какъ о человѣкѣ; мы инстинктивно привыкли всегда упустить изъ виду или Его божественность или человѣчность. Мы даже страшимся подумать или высказать вслухъ мысль о томъ, что Спаситель алкалъ, уставалъ, печалился, имѣя человѣческую душу, человѣческую волю, и что явленія человѣческой жизни вліяли на Него, какъ и на другія смертныя существа; а между тѣмъ, Его искупленіе на половину, а примѣръ Его жизни вполне теряетъ свое значеніе, если предположить, что Онъ не вполне страдалъ, какъ человѣкъ. Поэтому разсмотрите и Преображеніе, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ человѣческому естеству нашего Спасителя. Это было первое рѣшительное Его приготовленіе къ смерти. Онъ предсказалъ ее ученикамъ за шесть дней передъ тѣмъ, затѣмъ беретъ трехъ изъ нихъ и удаляется на уединенную гору. Съ вершины весьма высокой горы Онъ, принимая на Себя служеніе жизни, видѣлъ и отвергъ всѣ царства міра и славу ихъ. Теперь на высокой горѣ Онъ принимаетъ на Себя служеніе смерти.

По преданію, Преображеніе происходило на горѣ Таборѣ, но Таборъ не высокая гора и ни въ какомъ случаѣ не уединенная, такъ какъ она въ то время была и населена и укрѣплена. Все непосредственно предшествовавшее служеніе Христа происходило въ Цезареи Филиппійской. Никогда не упоминается о томъ, чтобы Онъ направлялся на югъ въ теченіе этихъ шести дней, протекшихъ со времени открытія ученикамъ о своей смерти и до восшествія на гору. Какая же это могла быть иная гора, какъ не южный отрогъ прекрасной горы Хермонъ, являющейся центромъ всей Обфтованной земли отъ впаденія Хамата въ рѣку Египта,—отрогъ плодотворной горы, съ которой потоки Иордана спускаются въ долины Израиля? Вдоль могущественныхъ роцъ, по травѣ, пышно усѣянной горными лиліями, Онъ направляется къ покрытому росой

Хермону, чтобы свершить Свое первое моленіе о чашѣ; и съ вершины ея, прежде чѣмъ преклонить колѣна, Онъ могъ на югѣ видѣть всѣ жилища „народа, сидѣвшаго во тьмѣ, пока не увидѣлъ свѣтъ великій“, землю Завулонову и Нефеалимову, Галилею народовъ, и могъ даже своимъ человѣческимъ взоромъ узрѣть блескъ озера у Капернаума и Хоразина и многія мѣста, любимыя Имъ и теперь лежащія въ запустѣннн и, главнымъ образомъ, въ отдаленной синевѣ холмы Назарета, спускавшіеся къ Его старому дому; холмы, на которыхъ и теперь разбросаны тѣ камни, которые люди хватали, чтобы бросать въ Него, когда Онъ покидалъ ихъ навсегда.

„И когда Онъ молился, два мужа стояли съ Нимъ“. Въ числѣ различныхъ способовъ, которыми мы лишаемъ себя помощи и руководства Св. Писанія, едва ли не самый вредный происходитъ въ силу нашей привычки предполагать, что Спаситель, даже какъ человѣкъ, былъ чуждъ страха смерти. Какъ могъ бы Онъ въ такомъ случаѣ испытать наши искушенія? Вѣдь изъ всѣхъ земныхъ испытаній ни одно, возникающее изъ праха, такъ не ужасно, какъ этотъ страхъ смерти. Правда, этотъ страхъ смерти соединялся въ Немъ, непонятнымъ для насъ образомъ, съ предвѣдніемъ побѣды такъ же, какъ Его печаль о смерти Лазаря съ сознаніемъ власти воскресить его. Но Онъ вѣдалъ этотъ страхъ смерти во всей полнотѣ его земного ужаса, и это ясно доказывается тѣмъ, что, когда Онъ молился, два мужа предстали предъ Нимъ. Когда Онъ въ пустынѣ готовлялся на дѣло жизни, Ангелы жизни приступили и служили Ему; и теперь, когда онъ въ широкомъ мірѣ облекается на подвигъ смерти, служатъ ему являються мужи изъ гроба, но гроба побѣжденнаго. Одинъ изъ гроба на горѣ Аваримъ, который Онъ Самъ запечаталъ Своей десницею, другой изъ того мѣста покоя, куда Онъ перешелъ, не вѣдая тлѣнія. „И вотъ два мужа: Моисей и Илія, говорили съ Нимъ объ исходѣ Его“. Затѣмъ, когда молитва была окончена, крестъ взять, впервые съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда остановилась надъ Его яслими въ Виолеемѣ, полная слава нисходитъ на Него съ неба и является свидѣтельство Его божественности и власти: „Его слушайте“.

Въ воспоминаніе объ этихъ событіяхъ и въ своемъ стремленіи слѣдовать по стезямъ Учителя, религіозные люди былыхъ временъ, удаляясь въ пустынные горы, порою забывали, а порою и страши-

лись тѣхъ обязанностей, которыя лежали на нихъ по отношенію къ дѣятельному міру. Но это имъ гораздо простительнѣе, чѣмъ намъ, не искать благотворнаго вліянія и не слѣдовать примѣру всѣхъ людей, писанія которыхъ считаются вдохновенными и которые, по примѣру ихъ Господа, всегда уединялись, когда имъ предстояли испытанія или когда имъ нужно было подготовиться къ подвигу, превышавшему обычную силу ихъ духа. Точно также было бы далеко не бесполезно, если-бы, вникая въ духъ прежнихъ вѣковъ, мы, рассматривая цѣпи снѣжныхъ горъ, бѣлѣющихъ на горизонтѣ, вспоминали иногда о томъ, какъ Спаситель въ ихъ уединеніи готовился для подвига спасенія человѣчества и вдумывались въ то, что, какъ огнедышащія горы являются памятниками Его гнѣва на Синаѣ, такъ чистыя, бѣлоснѣжныя вершины, вздымающіяся къ небесамъ и служащія источниками всѣхъ земныхъ благъ, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и памятниками того свѣта Его благодати, который, подобно снѣгу, сіялъ на горѣ Преображенія.

К О Н Е Ц Ъ .

